

Кубанский государственный университет

Научный журнал

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Scientific Journal

SOUTH-RUSSIAN JOURNAL OF SOCIAL SCIENCES

Том 19 · 2018 · №4

Южно-российский журнал социальных наук

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. 20 марта 2018 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций в запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, территории распространения, переименованием учредителя, уточнением тематики — регистрационный номер ПИ № ФС77-72496 от 20 марта 2018 г.

Распространяется по подписке. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483. ISSN 2619-0567

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436 ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149, к. 406-н.
Тел.: (861) 219-96-27

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149. Кубанский
государственный университет

Главный редактор

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционная коллегия

Жаде З.А., д-р полит. наук, проф., Адыгейский ГУ, Россия; **Кольба А.И.**, д-р полит. наук, доц., КубГУ, Россия (*зам. гл. редактора*); **Мкртичан А.Е.**, д-р филос. наук, проф., Ереванский государственный университет, Армения; **Нарыков Н.В.**, д-р филос. наук, проф., Краснодарский университет МВД, Россия; **Насимова Г.О.**, д-р полит. наук, проф., Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц., НИУ ВШЭ, Россия; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия (*зам. гл. редактора*); **Подшивалкина В.И.**, д-р социол. наук, проф., Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина; **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, доц., ЮФУ, Россия; **Рябикина З.И.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук, КубГУ, Россия (*тех. директор*); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. наук, проф., Пермский ГНИУ, Россия; **Хагуров Т.А.**, д-р социол. наук, КубГУ, Россия; **Янчук В.А.**, д-р психол. наук, проф., Белорусский государственный университет, Беларусь.

Редакционный совет

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф., МГИМО(У) МИД РФ, Россия; **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф., Университет Шеффилда, Великобритания; **Дэшауэр К.**, проф., Свободный университет, Брюссель, Бельгия; **Журавлев А.Л.**, д-р психол. наук, проф., академик РАН, Институт психологии РАН, Россия; **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф., МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия; **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф., Институт психологии РАН, Россия; **Никовская Л.И.**, д-р социол. наук, проф., Институт социологии ФНИСЦ РАН, Россия; **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф., Университет им. Лоранда Этвёша, Венгрия; **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф., Астраханский ГУ, Россия; **Рот С.**, PhD, проф., Бизнес-школа Ла Рошель, Франция; **Семененко И.С.**, д-р полит. наук, член-корр. РАН, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Россия; **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. наук, проф., СПбГУ, Россия; **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф., РАНХиГС, Россия.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: политические науки – 23.00.02, 23.00.04, 23.00.05; социологические науки – 22.00.04; психологические науки – 19.00.01, 19.00.05, 19.00.13.

Эл. адрес:

journalsr@kubsu.ru

Сайт журнала:

<http://journalsr.kubsu.ru>

Формат 70x100 1/16. Печать цифровая. Гарнитура PT Serif. Макет подготовлен и сверстан в компьютерном центре редакции. Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра Кубанского государственного университета, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Цена свободная. Подписано в печать 23.12.2018.

Уч.-изд. л. 19,2. Усл. печ. л. 17,0. Тираж 1000 экз. Заказ №

ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Том 19 · 2018 · №4

Содержание

Политическое управление

- Государство и общество: новые грани исторического конфликта
А.И. Соловьев 6
- Политические и социальные вызовы развития цифровой экономики: опыт КНР
И.В. Данилин 25
- Совершенствование антикоррупционной политики: возможности и пределы
сетевое политическое управления
А.В. Волкова, Т.А. Кулакова 40

Региональная и локальная политика

- Межэтническое согласие в городском пространстве: концепции и практики
А.Л. Бардин 57
- Поселенческий уровень местного самоуправления в России: общественные
функции и финансовые возможности
Р.Ф. Туровский 69

Политика идентичности

- EU Cultural Policy and European Identity: a Way to View Correlation
M. Stoicheva 92
- Европа как значимый Другой в формировании национально-государственной
идентичности российской и армянской молодежи
И.В. Самаркина, А.В. Атанесян 109

Психология развития

- Контроль поведения как основа саморегуляции
Е.А. Сергиенко 130

Психология личности

- Моделирование системы отбора летчиков-инструкторов
О.Ю. Бучельников, А.А. Гришков, Ф.В. Мальчинский, Л.М. Медяникова, С.Д. Некрасов . 147

Социологические интерпретации

- Африканские студенты в России: особенности социальной адаптации
и взаимоотношения с принимающим обществом
И. Камара, В.Н. Ракачев 164
- Политические и социально-экономические вызовы в контексте общественных
настроений и идентичности на Донбассе: по материалам экспертного опроса
Л.Б. Внукова 180

К сведению авторов 197

Порядок приёма и рецензирования рукописей 204

South-Russian Journal of Social Sciences

Published quarterly since March 1999. Registered under certificate ПИ № ФС77-72496 of March 20, 2018 issued by the Federal Service for Supervision of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) of the Ministry of Communications and Mass Media of the Russian Federation.

Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483. ISSN 2619-0567

The Editorial Board's opinion may differ from the authors' opinion.

Founding institution:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room 406N,
Krasnodar 350040, Russian Federation,
tel. +7 861 2199627

Founding institution's address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Editor-in-chief

Prof. Elena V. Morozova, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Board

Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science), Adyghe State University, Maikop, Russia; Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Artur E. Mkrtichyan**, Dr. Sci. (Sociology), Yerevan State University, Yerevan, Armenia; Prof. **Nikolaj V. Narykov**, Dr. Sci. (Philosophy), Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia; Prof. **Gulnar O. Nassimova**, Dr. Sci. (Political Sciences), Al-Farabi Kazakh National University, Astana, Kazakhstan; **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology), National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia; Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Assist. Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Sciences), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar, Russia (*Technical Director*); Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; **Temyr A. Khagurov**, Dr. Sci. (Sociology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Vladimir A. Yanchuk**, Dr. Sci. (Psychology), Belarusian State University, Minsk, Belarus.

Editorial Council

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Kris Deschouwer**, Vrije Universiteit Brussel, Brussel, Belgium; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Sheffield, Great Britain; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Academician Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Institute of Psychology, Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DsC, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Steffen Roth**, PhD, La Rochelle Business School, La Rochelle, France; **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Sciences), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Rus. Acad. Sci., Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Sciences), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia.

The Journal is on the list of leading peer-reviewed scientific journals and periodicals recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The Journal publishes articles on the following fields of science: political sciences - 23.00.02, 23.00.04, 23.00.05; sociological sciences-22.00.04; psychological sciences -19.00.01, 19.00.05, 19.00.13.

E-mail:

journalsr@kubsu.ru

Web-site:

<http://journalsr.kubsu.ru>

SOUTH-RUSSIAN JOURNAL OF SOCIAL SCIENCES

Vol. 19 · 2018 · Iss. 4

Contents

Public Administration and Governance

- State and Society: New Facets of Historical Conflict
by *A.I. Solovjov* 6
- Political and Social Challenges of Digital Economics Development: Case of China
by *I.V. Danilin* 25
- Improving Anti-Corruption Policy: Opportunities and Limits of the Network Political Governance
by *A.V. Volkova, A.A. Kulakova* 40

Regional and Local Policy

- Inter-Ethnic Social Harmony in the City: Concepts and Practices
by *A.L. Bardin* 57
- Settlement Level of Local Government in Russia: Social Functions and Financial Opportunities
by *R.F. Turovsky* 69

Identity Politics

- EU Cultural Policy and European Identity: a Way to View Their Correlation
by *M. Stoicheva* 92
- Europe as Significant Other in Shaping the National and State Identification of the Russian and Armenian Young People
by *I.V. Samarkina, A.T. Atanesyan* 109

Psychology of Development

- Behaviour Control as the Basis of Self-Regulation
by *E.A. Sergienko* 130

Psychology of Personality

- Modeling the Selection System for Potential Pilots-Instructors
by *O. Yu. Buchel'nikov, A.A. Grishkov, F.V. Mal'chinskij, L.M. Medjanikova, S.D. Nekrasov* . 147

Sociological Interpretations

- African Students in Russia: Peculiarities of Social Adaptation and Relationship with the Receiving Community
by *I. Camara, V.N. Rakachev* 164
- Political and Socio-Economic Challenges in the Context of Public Mood and Identity in the Donbass Region: Based on Expert Survey Data
by *L.B. Vnukova* 180

Information for contributors 203

Procedure for receiving and reviewing manuscripts 204

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО: НОВЫЕ ГРАНИ ИСТОРИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА

А. И. Соловьев

Соловьев Александр Иванович, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Ленинские горы, д. 1, г. Москва, 119991, Россия
Эл. почта: solovyev@sra.msu.ru. ORCID 0000-0001-7146-0299

Аннотация. В статье рассматриваются современные особенности взаимодействия институтов национального государства и гражданского общества в условиях сетевизации публичной политики. Содержание этих коммуникаций, вызванных новой ролью политико-административных коалиций правящей элиты, требует пересмотра традиционных подходов. В этой связи автор обращает внимание на новые формы общения населения и власти, обусловленные неформальными внутриэлитарными коммуникациями в правящем меньшинстве, которые прежде всего отражаются на изменении характера принятия государственных решений. Анализируя эти процессы на основе институциональных и сетевых методов, автор характеризует основные механизмы и каналы целеполагания, соответствующие способы и процедуры деловых коммуникаций взаимодействующих субъектов. На основе исследования автор выделяет структурные особенности взаимодействия государства и общества в процессе принятия государственных решений. В данной связи выделяются три относительно автономных уровня: многообразные сетевые альянсы, способные при определённых условиях оказывать влияние на «узлы решений»; иерархические формализованные административные структуры государства, подвергающиеся систематическому воздействию сетевых структур, а также площадки взаимодействия сетевых и административных структур, где складывается фактическая конфигурация процесса принятия решений. Это позволяет сделать вывод, что в сложившихся условиях преимущественное влияние на государственные структуры приобретают акторы, действующие при помощи сетевых механизмов организации правящего класса (клики, клинетеллы и др.), что подрывает возможности реализации общегражданских интересов. Изменению подобного положения препятствует как пассивная позиция большей части граждан по отношению к сложившимся управленческим практикам, так и действия правящего меньшинства, использующего имеющиеся преимущества для реализации преимущественно партикулярных интересов, в том числе и с помощью гибридных инструментов (подрыв политического влияния проводников гражданских интересов). Возможности его преодоления в будущем связаны с трансформацией публичной формы организации государственной власти и совершенствованием процедур ее применения.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, политико-административные сети, сетевизация, конфликт, принятие государственных решений

Государство и общество: антагонистическое партнерство

Вряд ли кто усомнится в том, что в современном мире большинство проблем в организации социальной жизни в конечном счете произрастает из отношений государства и общества, то есть тех исторических акторов, которых одни ученые рассматривают как извечных антагонистов, а другие как органических партнеров в социальной вселенной. Впрочем, разные исторические коллизии заставляют стрелку в отношениях этих образований больше склоняться к конфликтным коммуникациям.

Понятно, что характер этих взаимосвязей в значительной степени зависит от понимания природы государства, интерпретации его исторической перспективы, трактовки возможностей и ограничений в отношении переустройства общества. При этом особую сложность в поиске его наиболее релевантного образа создает нынешняя ситуация, оценивая которую, У. Бек высказал весьма обоснованное

суждение, что прежний научный инструментарий уже не обладает должной эвристичностью и требует качественного обновления. Так что привычные категории «национального государства» или «национальных интересов», по его мнению, уже не способны создать аутентичные образы происходящих ныне процессов.

Представляется, что ряд теоретических моделей и в этой эпистемологической ситуации позволяет не только увидеть подлинную природу рассматриваемых отношений, но и понять дальнейшие траектории их эволюции. В частности, если обратиться к широчайшему спектру теоретических интерпретаций государства, можно увидеть весьма дихотомическую дифференциацию подходов, где на одном полюсе расположились идеи, сближающие его с обществом, а на другом — оправдывающие правомерность его существенного дистанцирования.

Так, в отличие от сторонников формально-юридического статуса национального государства, чьи полномочия и действия «ограничены правовыми рамками» (Нисневич, 2012) и которые умножают дистанцию между аппаратом управления и социумом, существуют идеи, сближающие концепт «государства» с обществом. Причем не просто утверждают его как самую простую и устойчивую форму политического порядка, «исторически сложившуюся основу мироустройства», но и характеризуют его как среду «комфортного дома» и уникального «прибежища душ». Впрочем, существуют и другие аргументы. Так, М. Ильин считает, что концепт «государства» отражает не родовые черты соответствующих явлений, а их «семейное» сходство, объединяющее в этом «семействе» социальные, федеративные, консоциативные, корпоративные и иные формы государства, включая государства-движения, империи, системы «авторитарного господства», «квазигосударства», «дефектные, несостоявшиеся» и прочие образования, которые воплощают или имитируют различные черты государственности (Суверенитет: трансформация понятий и практик, 2008).

Другими словами, такое понятие государства в конечном счете редуцирует его к локальным формам самоорганизации сообществ, находящихся на различных стадиях своего развития. Таким образом, образование государства становится первичной организационной реакцией конкретных сообществ на любые вызовы среды, угрожающие распаду их целостности и деформации социального гомеостаза. Не углубляясь в полемику с этой позицией, отметим лишь то, что в таком случае теряет смысл любая потестарная форма организации власти, например, чифдом и другие персоналистские формы протопубличного социального порядка.

Показательно, однако, что и те и другие позиции в качестве родовой характеристики государства признают публичный характер его социальной организации. По мнению П. Бурдые, публичность, отражая общий смысл противопоставления партикулярному универсуму, неразрывно связана с незаинтересованностью в частном и ориентацией на договорной, межличностный формат человеческих отношений; с универсализмом как формой коллективного капитала и открытостью коммуникаций; с наличием «взыскательной морали», отражающей соответствующие нравственные нормы и предполагающей наличие официальной цензуры (Бурдые, 2017). Однако, выделяя данные атрибуты, Бурдые оперировал понятием «поле», рассматривая публичность и как некую «игру», которая «не содержит в себе всей своей истины» (Там же), что по сути означало возможность складывания в этой части пространства многоликой и разнокачественной мозаики акций и интеракций. Другими словами, на публичном поле возможны самые разные сочетания универсального (утверждающего трансцендентные чувства, «имманентные тысячам

агентов») и частного (связанного с «персональными влечениями», «попустительством» и влиянием человеческой «природы») (Там же).

В этом смысле публичное поле является тем социальным пространством, где не только сосуществуют общие и частные смыслы активности человека, но и функционируют «наполовину связанные вещи» или, говоря другими словами, некие гибридные социальные конструкции. Если выразиться еще короче, то публичную сферу государства следует признать — в силу сосуществования там различных форм универсального и частного — особым способом (органического/неорганического) сочетания разных типов социальной активности человека. То есть той частью, социального пространства, которое свободно для действия разнокачественных и разнонаправленных антропотокков и социопотоков.

На такой когнитивной платформе государство может интерпретироваться и как форма диктатуры, и как делиберативный механизм интеграции коллективных усилий общества и власти, а его функции по предоставлению товаров и услуг могут органично сочетаться даже с осуществлением воспитательной миссии. Таким образом, государство может одновременно рассматриваться и как равномасштабное всему обществу образование, и как форма общественного действия (превращающая его в механизм внутренней консолидации социума и ценностную платформу объединения граждан), и как независимая от общества структура, использующая свою силу для партикулярного распределения общественных благ. Поэтому даже те ученые, которые испытывают скептицизм по поводу постепенного исчерпания консолидирующей государство идеи общественного блага, могут работать на одной когнитивной платформе с теми, кто приветствует решающую роль рыночных инструментов госрегулирования (и по сути являющихся антиподом общественного блага, отрицающих коммунарные ценности в угоду временному партнерству), признающих неизбежность сокращения общегражданских смыслов государственной деятельности.

Более предметно эту «мерцающую» природу публичности, а вместе с ней и государства, подчеркивает С. Барсукова, которая, анализируя влияние теневых экономических процессов на формальные структуры власти, вслед за Ч. Тилли и М. Олсоном приходит к заключению об инверсионной природе государства, способного — в зависимости от контекста — обретать или утрачивать свойства гражданского антрепренера (Барсукова, 2015). Другими словами, это означает, что государство способно одновременно выступать в роли центрального разума и монопольного центра власти, и института координации общественных действий, и гражданского антрепренера, и «стационарного бандита», и даже «пустого места», не способного к контролю и целенаправленному воздействию на общество.

Представляется, что изначальной причиной такой функциональной волатильности государства (демонстрирующей постоянную реконфигурацию его «способностей»), способной кардинально изменять его отношения с обществом, являются генетические конфликты в сфере власти. Власть как механизм принудительного регулирования, присущий всем типам и разновидностям общественных отношений, способна существовать только в полицентричной форме, распыленной по различным локальным площадкам социального взаимодействия. В этом смысле и публичная форма организации власти (стремящейся в суверенных границах государства унифицировать формы принуждения, распространив его на все население) точно также сохраняет эту структурную асимметрию, отражающую дисбаланс

официальных и иных (территориальных, общинных, соседских и проч.) центров доминирования, оказывающих автономное влияние на своих членов.

В логическом пределе этот структурный конфликт самоосуществления власти отражает противостояние социальной энтропии и произвола ее официальных центров. Однако в каждый конкретный момент он выражен в том или ином «институциональном равновесии» (Дж. Найт), которое является следствием конкуренции локальных центров власти, их «побочным продуктом борьбы» за доминирующее местоположение, за официальные диспозиции, позволяющие наладить собственное «распределение ресурсов в обществе» (Панов, 2006).

Таким образом, природа власти порождает структурный конфликт государства и общества, изменяющий лишь свои исторические формы и признающий временным победителем либо гражданскую, либо государственную стороны. При этом если какие-то государства не могут состояться в своем автономном качестве, то причиной такого положения в конечном счете является неспособность единого (официального) центра силы подчинить себе локальные центры власти. В таком случае структуры частичной самоорганизации создают ту конфигурацию социального порядка, которую в масштабах общества можно обозначить как слабо организованную анархию. И это неудивительно, поскольку влияние этих центров обладает разнонаправленным характером. Так, центры государственной власти прежде всего ориентированы на защиту границ, обеспечение собственной безопасности и социальной стабильности, в то время как центры гражданской власти заинтересованы в укреплении локальной самоорганизации, сохранении местных норм и традиций, определяющих возможности автономизации и даже самореализации личности.

Как бы то ни было, но поскольку конфликты между разноуровневыми центрами власти обладают генетической для социума природой (и могут исчезнуть лишь при отмирании государства или уничтожении общества), а официальные структуры не способны лишить локальные центры их влияния на жизнедеятельность граждан, соотношение сил государства и общества всегда сохраняет известную неопределенность. Учитывая даже то, что сегодня, по мнению М. Кастельса, государственная власть обретает новые возможности во влиянии на индивида в связи с возможностью целенаправленного использования массовых инфопотоков (Кастельс, 2016).

Одним словом, фронтير взаимоотношений государства и общества — это зона неопределенности, слабо регулируемая и законодательными, и информационно-символическими, и ментальными инструментами. При этом возникающие здесь конфликты обладают нетождественным потенциалом для обновления/разрушения массовых и иных коммуникаций между государством и обществом, а на различных аренах и площадках отношения этих акторов могут обладать различной чувствительностью к вызовам времени и действиям внешних факторов. В этом смысле, даже если государство совершенствует каналы и механизмы отношения с обществом (к примеру, трансформируя механизмы представительства гражданских интересов), эти действия могут никак не затрагивать какие-то особые «сумеречные зоны».

Одним словом, попытка государства организовать социальный хаос за счет доминирования единого публичного центра власти (которому принадлежит право легитимного распределения общественных благ) выливается во множественные структурные конфликты между институтами и группами населения, непременно вовлекая в свою орбиту другие авторитетные для граждан центры принуждения. Не случайно Э. Тоффлер писал, что развитие ряда отраслей меняет привязанность

институтов государства к территории, и потому «возникающая цивилизация» «ведет за пределы централизации», «опрокидывает бюрократию», «уменьшает роль национального государства» (Тоффлер, 2004), в силу чего «нация-государство трещит под давлением сверху и снизу» (Там же).

Одним словом, рамочная конструкция государства как сложносоставной конструкции социальных отношений сохраняет возможность для асинхронного движения и взаимодействия разных арен и площадок, изменяющих свою конфигурацию и двигающихся с разной скоростью. То есть где-то одна арена действительно «трещит», в то время как другая остается монолитной и непроницаемой для внешнего воздействия. И именно за счет такой неравномерности движения государство сохраняет требуемую эластичность и собственной организации власти, и отношений с обществом.

Ряд параметров организации публичной власти (иерархический принцип ее организации, призванный экранировать влияние внешних структур; приоритет исполнительных над представительными органами власти; наличие конфиденциальных пространств и вето-игроков; условность административной ответственности; слабость гражданского контроля и др.) показывает, что даже в демократических политических системах существенной закрытостью обладает особая площадка, а именно зона принятия государственных решений. И прежде всего там, где распределяются ключевые общественные ресурсы.

Эта внутренняя арена, контролируемая активным элитарным меньшинством, является той ядерной структурой публичной власти, которая относительно самостоятельно реагирует на вызовы времени, избирательным образом подходуя и к мнениям общественности, и вызовам времени. По сути, именно эта площадка, соединяющая принципы государственного администрирования с механизмами публичных коммуникаций, и является эпицентром взаимоотношений государства и общества. Собственно именно эта подсистема власти, попадающая в перекрестие притязаний современных граждан (пропитанных ценностями демократии и стремящихся превратить власть в ответственного партнера, реализующего публично оглашаемые цели, а не корпоративные скрытые замыслы элиты) с интересами (и компетенциями контролирующей публичные институты) правящей элиты, и порождает новые грани исторического конфликта между государством и обществом. И это неслучайно, ибо граждане хорошо понимают, что совершенствование избирательных систем или представительских механизмов крайне слабо коррелирует с обновлением реальных инструментов постановки и реализации целей, лежащих в основании распределения общественных благ.

В этом отношении научная мысль предлагает сегодня две основные, но разнонаправленные по своим социальным установкам, модели разрешения этих противоречий: либо полное устранение дискриминации граждан в системе государственного управления и превращение последнего в механизм общественной координации совместных действий элитарных и неэлитарных слоев; либо усиление технократического характера власти и превращение государства в исключительно сервисную структуру, ориентированную на законы менеджмента.

Представляется, однако, что ни та, ни другая стратегия не способны решить эту управленческую коллизию, поскольку публичная форма государственной власти скрывает специфический механизм целеполагания, создающий особую конструкцию трихотомии власти, государства и общества.

Принятие государственных решений: ключевой регулятор отношений государства и общества

Мировой опыт убедительно показал, что принятие государственных решений (если его не сводить к акту принятия решений) не может быть объяснено ни формально-юридическими соображениями, ни моделями политического и функционального представительства. В этом пространстве формирования целей складывается сложное сочетание вынужденных, утилитарных и экстра рациональных мотивов поведения акторов, которое не способна описать даже квантовая теория (Алексеева, 2017). По сути, это площадка, где подвижные формы кооперации государственных и гражданских (национальных и международных) акторов, вовлеченных в постановку целей, создают закрытую от общества и изначально «туманную» логику этого процесса.

Высокий уровень неопределенности этих взаимодействий обусловлен тремя структурными факторами. Прежде всего это связано с тем, что институты политической системы — тем более в зоне принятия решений — формируются по относительно автономной логике, не повторяющей механически динамику социально-экономических отношений. Это позволяет властям действовать в логике сознательного конструирования интересов целевых групп (Collier, 2007) и выделения привилегированных и непривилегированных слоев населения, то есть заранее определяя «хорошие группы» и те, которые государству «следует наказать»¹. К примеру, даже в демократических государствах «поджигатели флагов», наркозависимые, мультикультурные или какие-то другие невлиятельные (и даже негативно воспринимаемые общественным мнением) слои населения, которых А. Шнайдер и Х. Инграм относят к «девиантам», не только имеют меньшее (нежели, к примеру, крупный бизнес) влияние на разрабатываемые государством цели, но зачастую являются теми субъектами, на которые возлагаются издержки реализации какой-либо государственной политики (Там же).

Иначе говоря, если формально определение целей государственной политики происходит на основе разделения «достойных» (выделяемых наиболее перспективным слоям населения) и «недостойных» общественных благ (потребление которых способно нанести вред обществу, например, алкоголь и др.) (Musgrace, 1959), то на практике, как правило, используются совсем иные критерии, демонстрирующие отношение властей к интересам людей с учетом позиций стоящих за ними сил и их совместных договоренностей. Заметим попутно, что принципы такого подхода непосредственно воплощаются и в концепции «социального конструирования таргетированного населения», в рамках которой социум таргетируется в зависимости от позиций сил и слоев, обладающих мобилизационным и экономическим потенциалом принуждения, а также наличием у них «позитивного или негативного имиджа» (Ingram, Schneider, 1993). Таким образом, официальные центры власти заранее создают преференции для групп, «ожидающих получения эффектов от принимаемых решений» (Ingram, Schneider, 2007). Тем самым власти целенаправленно ставят цели (одновременно формируя их информационные образы) с учетом собственного понимания места и роли различных слоев населения в жизни общества и государства.

---

¹ Так, Х. Инграм и А. Шнейдер выделяют четыре типа целевых групп, которые обычно возникают на этой стадии разработки решений, относя к ним привилегированные, непривилегированные (зависимые), претендующие и девиантные (Ingram H., Schneider A. Making Distinctions: The Social Construction of Target Populations // Handbook of Critical Policy Studies / ed. F.Fisher, D.Torgerson, A.Durnova, M.Orsini. USA. 2015. P.259).

Вторая причина состоит в ограниченности влияния на принимаемые в государстве решения не только механизмов представительства гражданских интересов, но и публичного дискурса. Что касается первого аспекта, то мировая практика со всей очевидностью демонстрирует все более глубокое подчинение представительных структур органам исполнительной власти, превращение парламентов в своеобразных «нотариусов правительства», констатируя тем самым все более последовательное сокращение их политической и управленческой самостоятельности (и что особенно ярко проявляется в авторитарных государствах). Более того, для большинства граждан выдвигаемые правительством цели (вкуче с их официальной интерпретацией) порождают «ментальные стены», не дающие им возможности проникнуть в «высокие замыслы» власти. Административные регламенты, нормы и правила управления нередко превращаются в «стеклянные препятствия» даже для наиболее активных членов гражданского сообщества. Так что, результаты «конкурентной политики», выраженные в требованиях партий, групп организованных интересов и даже парламентских фракций, становятся лишь одной из предпосылок реального рассмотрения властями той или иной проблемы.

Не меньший скепсис вызывает и делиберативная трактовка этой ситуации, прокламирующая кооперацию усилий власти и общества. Во-первых, основная часть населения, по справедливому суждению С. Жижекa, желает не столько участвовать в общественных процессах или контролировать элиту, сколько иметь спокойную жизнь с ее развлечениями и ненапряженным досугом. В этом смысле зона принятия решений представляется для людей пространством критической жизнедеятельности, не обладающей притягательной силой. Во-вторых, общественная повестка, вырабатываемая активным меньшинством и выраженная в запросах общественного мнения или позициях его лидеров (гражданских ассоциаций, материалах отдельных массмедиа и др.), как правило, оценивается властями с точки зрения ослабления или провоцирования так называемых эндогенных или экзогенных шоков (Breunig, 2011), влияющих на уровень и характер легитимации власти и соотношение политических сил. В силу этого правительства зачастую намеренно преуменьшают значение тех или иных проблем с целью минимизации возможной политической напряженности (Dowding, Hindmoor, Iles, John, 2010).

Однако даже те проблемы, которые ставятся обществом, воспринимаются властями с учетом факторов, имеющих более существенное значение: мнения лидера; усиления или падения интереса к проблеме со стороны высокопоставленных чиновников; смены команды управленцев и внутренних коммуникаций лиц в окружении первого лица; интенсивности давления лобби-коалиций крупного, в том числе и международного, бизнеса (Baumgartner, Green-Pedersen, Jones, Mortensen, Neytenmans, Walgrave, 2008). Все это не просто отдаляет мнение общественности от реальных целей государственной политики, но и в значительной мере устраняет его из планов правительства.

Одним словом, даже публичное внимание к запросам и настроениям общественности отнюдь не предполагает их неперемногого воздействия на позиции лиц, принимающих решения (ЛПР). В этом смысле публичные дебаты могут оказаться абсолютно нерезультативными с точки зрения формулировки целей. Другими словами, массовые настроения и оценки могут расширять повестку дня (за счет предложения особых сюжетов, интерпретации текущих проблем, оценок контекста, обладающих повышенным эмоциональным восприятием), провоцируя

поддержку экспертов и выступлений массмедиа. Но даже такая интенсификация публичного дискурса не способна гарантировать их влияния на целевые показатели государственной политики. На этом фоне СМИ нередко выступают «добровольным конформистом» и «вынужденным союзником» (а в авторитарных режимах «порабощенной» властями структурой) властей, поддерживая с ними партнерские отношения и зачастую работая в русле их целевых установок.

Так что специализированные институты государственного управления постоянно экранируют давление массовых эмоций (даже поддержанных организованными гражданскими структурами и ассоциациями, а также крупными телемедиумами). При этом составной частью их информационных стратегий, как правило, становится расширение идейно-символического репертуара (в форме установления национальных праздников и практик официальной коммеморации, раздачи государственных наград, регулирования школьных программ, целенаправленных государственных инвестиций в культуру и других мероприятий), которое увеличивает давление на общество (однако прежде всего во имя безопасности правящего режима, а не развития социума) (Малинова, 2015).

Правда, в кризисные или в предвыборные периоды внимание властей к мнению общества резко повышается. Впрочем, после преодоления этой стадии реальная институциональная повестка, как правило, вытесняет все не устраивающие власти вопросы. Так что эмоциональная вовлеченность в публичные дебаты и дискуссии не гарантирует учета массовых настроений и позиций общественного мнения. А используемые властями методы информационно-символического воздействия доходят до того, что люди, по мысли М. Эдельмана, испытывают удовлетворение не от содержания поставленных целей, а от самого факта принятия решений, в том числе и в том случае, когда они ничего не меняют, т.е. от «достижения неосязаемых благ» (Малинова, 2014).

Одним словом, как подчеркивает Т. Брикланд, там, где общественный интерес ослаблен, правительства стремятся решать свои задачи за счет агрессивного навязывания культурных кодов и символов, которые поддерживают нужные стереотипы и образы власти, обеспечивая тем самым требуемое сопереживание и эмоциональную включенность людей в политический процесс, побуждая их к изменению своих политических позиций и конформизму (Brikland, 1998).

Третьей и, возможно, самой существенной причиной неопределенности принятия государственных решений является принципиальная недостаточность участия администраторов для постановки и реализации целей, что, в свою очередь, предполагает неизбежное вовлечение в этот процесс сторонних участников (обладающих необходимыми ресурсами для решения той или иной проблемы). Как известно, административные структуры упрощают проблемы, но усложняют процедуры, чтобы «вытравить» субъективизм чиновников и политиков. Однако это не всегда помогает государству принимать нужные решения. При этом практический опыт дает основание констатировать решающую роль в этом процессе сетевых ассоциаций правящей элиты, которые устанавливают «негласные договоренности» на «время осуществления государственной политики, ...порождают и узаконивают неясные правила обмена и устойчивость коалиционных интересов» (Duruu, Thoenig, 1985), тем самым профилируя деятельность «институтов и общепринятые ценности» «для осуществления [своих] скрытых замыслов» (Хайоз, 2013).

Именно эти элитарные ассоциации — пренебрегающие различиями между политическими, предпринимательскими, национальными и международными игроками и даже правящими кругами и оппозицией — способны оказывать решающее воздействие на «коллективные [общегражданские. — А.С.] цели» государства, в том числе и заменяя их «индивидуальными целями или определенным предпочтением» (Crozier, Thoenig, 1976). Понятно так же, что решающая роль этих игроков выражается и в «социальном конструировании» общественного блага, и выработке политических преференций для групп, «ожидающих получения эффектов от принимаемых решений» (Ingram, Schneider, 2007). Так что именно под их влиянием публичные институты нередко становятся «фикцией, не связанной с реальным принятием решений» (Silke, Kreisi, 2007), в результате чего сетевая конфигурация принятия решений «противостоит государственному управлению» и официальным структурам государственной власти (Там же)².

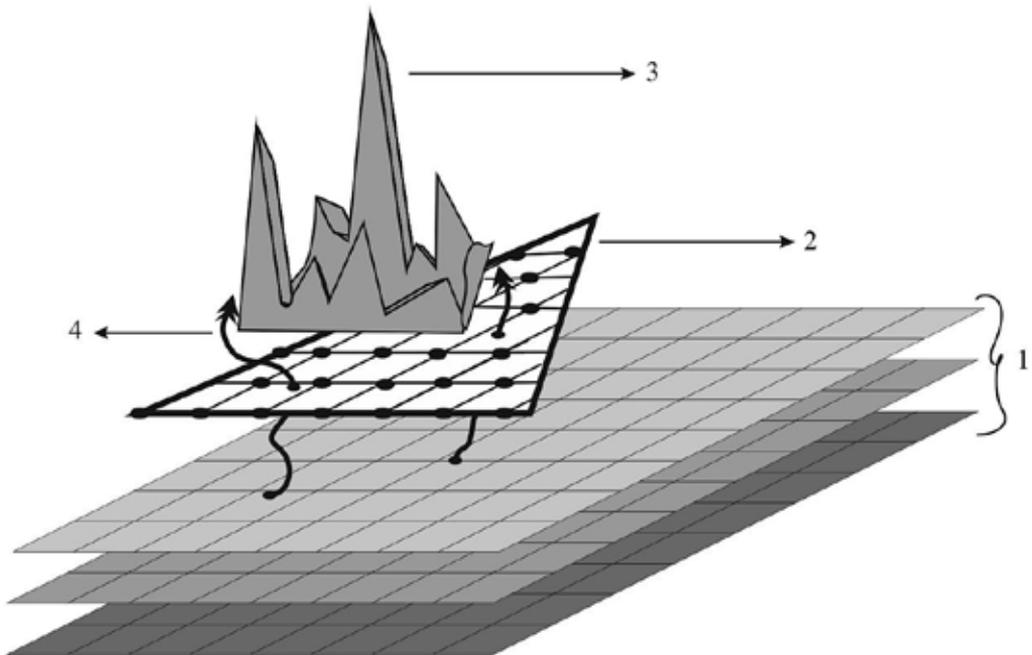
Как правило, такие сетевые акторы обладают тремя основными признаками: наличием заинтересованности в решении той или иной проблемы, обладанием профильных (для решения задачи и дефицитных для государства) ресурсов и возможностью встраивания в цепочки фактического целеполагания, прежде всего влияя на «узлы решений». Понятно, что набором указанных признаков в основном обладают представители правящего класса, так или иначе аффилированные с господствующими элитами и институтами публичной власти.

Эти свойства помогают членам сетевых коалиций проникать в административно защищенные узлы решений, а в ряде случаев даже ставить под свой контроль вовлеченные в разработку государственной политики публичные институты³ (что, с другой стороны, свидетельствует, что административные барьеры служат препятствием лишь для гражданских активистов). Учитывая, что стереотипы сетевого общения и партнерские договоренности обладают более существенной, нежели его ролевые обязанности, укорененностью в ментальных структурах современного человека, то им удастся сравнительно легко преодолевать ограничения официальных норм и административных стандартов. Еще Аристотель писал, что человек и общество — это органические части единой экосистемы, что аттестует сетевые формы социального взаимодействия в качестве тех «малых миров», которые действуют в надфункционально-ролевом пространстве. А наличие утилитарного интереса на таком фоне только усиливает социальную энергетику этих «первородных» социальных связей, превращающих арену принятия решений в сектор микрополитических, принципиально непубличных коммуникаций.

---

² Поскольку эти сети направляют свои усилия лишь на цели, которые дают сиюминутную отдачу, что оставляет определенное управленческое пространство для институтов и структур саморегулирования, то это пространство, строго говоря, предполагает регулирование, а не управление объектами (исключая тем самым претензии элит на их преобразование в соответствии со своими замыслами). Так что данное пространство обладает способностью к сужению / расширению своего объема.

³ Показателями сетевого контроля над публичными институтами могут выступать, к примеру, факты увеличения управленческих прецедентов в деятельности ведомств (основанных на своеобразном толковании законов, игнорировании правил и морально-этических норм при решении конкретной проблемы); усиление кадрового протекционизма, неформальной кооптации, ротации и инфильтрации различных представителей правящего класса (не имеющих от общества официального мандата на осуществление таких функций) в состав контролирующих решения органов; снижение фактической роли институтов гражданского контроля; усиление информационной закрытости процесса принятия решений и др.

Зависимость принятия государственных решений от административных и сетевых участников целеполагания: Условные обозначения:

1 — совокупность разнообразных социальных сетей; 2 — иерархическая система государственного управления; 3 — подвижная конфигурация принятия государственных решений (разновысокие вершины олицетворяют зоны действия особых «узлов решений», осуществляющих специфические цели и формирующих соответствующий набор участников целеполагания); 4 — неформальные методы воздействия сетей на разработку государственных целей

Dependence of making state decisions upon administrative and networking goal-setting participants. Notation keys:

1 — complex of various social networks; 2 — hierarchy of state governance system; 3 — flexible configuration of state decision-making (peaks of a different height embody active zones of deciders that carry out specific aims and assemble the respective intake of goal-setting participants); 4 — informal methods of networks' influence upon the development of state aims

Если несколько огрубленно визуализировать взаимоотношения власти, государства и общества в рамках принятия решений, то можно констатировать наличие в этом процесс трех относительно автономных уровней самоорганизации и коммуникации разноликих участников целеполагания (рис. 1).

Первый пласт отношений отражает наличие многоликих социальных сетей, тех изначальных «микромиров», которые сплавляют население в различные ассоциации, внутренние связи которых обладают прочной ценностно-ориентационной устойчивостью. Будучи востребованными для решения той или иной проблемы, эти сетевые альянсы (при необходимости дополняя свой состав отдельными фигурами из административного аппарата) способны преодолевать нормативно-правовые ограничения системы государственного управления, оказывая неформальное

давление на «узлы решений». Эти, условно говоря, «червячные» переходы, своеобразные мостики между сетевым ландшафтом и «узлами решений», с одной стороны, демонстрируют избирательную потребность в привлечении ресурсов той или иной сетевой коалиции для решения проблемы, а с другой — приоритет неформальных отношений при постановке целей (которые не контролируются ни официальными, ни гражданскими структурами).

Второй уровень отражает административную конструкцию государственного управления, ту иерархическую структуру, которая носит официальный характер и выстроена в виде различных вертикалей с организационно соподчиненными звеньями. Этот тип официальных, формализованных отношений призван экранировать несанкционированные нормами и административными стандартами формы влияния любых социальных акторов. Однако он сохраняет требуемую устойчивость только перед массовыми формами гражданской активности. В то же время, учитывая слабости официальных институтов, сетевые коалиции используют их в качестве предварительной площадки обсуждения целей, а в ряде случаев прикрываются их статусным положением при продвижении собственных интересов. В этом смысле формальные возможности административных структур зачастую оказываются неэффективным заслоном для сопротивления сетевым ассоциациям правящего класса.

Третий уровень демонстрирует относительную автономность процесса целеполагания, который частично опирается как на сетевые, так и на административные структуры. Таким образом, при решении конкретных проблем в государстве всегда выстраиваются особые цепочки деловых коммуникаций (где размываются отличия административных и неформальных акторов и связанные с ними ограничения), образуя конфигурацию разновысоких многоугольников со своими вершинами и набором разноудаленных от центра принятия решений аффилированных акторов. При этом преодоление административных препятствий, прорастание во власть сетевых коалиций осуществляется по уникальным (для каждого решения) схемам микрополитической «партнерско-заинтересованной» поддержки или, условно говоря, по «червячным» (неформальным) переходам в центры принятия решений. В результате этого вершины таких многоугольников могут не совпадать с официальными центрами государственной власти.

Таким образом, именно набор межузловых коммуникаций (с их полупериферийными и периферийными связями) порождает фактическую конфигурацию процесса принятия государственных решений, образуя тот кластер целеполагания, который не имеет однозначно законченной формы даже в рамках конституционно-правового порядка.

Следует подчеркнуть, что само наличие структурных разломов между центрами принятия решений, публичными институтами и социально сплоченными коалициями не означает однозначно корпоративных и партикулярных сценариев распределения общественных благ. Совершенно не исключено, что сетевые ассоциации могут преодолевать административные барьеры в интересах общества, более оперативного решения насущных проблем населения. В этом смысле фактическое позиционирование сетей просто создает дополнительные возможности для решения государством насущных проблем. Единственное, что не дает уверовать в такую позитивную перспективу сетевого вмешательства в разработку государственной политики, так это сложившаяся практика. Практика, которая постоянно демонстрирует активность различных кланов, клиентел, парантел и других разновидностей

сетевой организации правящего класса, торпедирующих общегражданские принципы правления нормами патрон-клиентской этики и использующих возможности государства в собственных интересах.

Сказанное также показывает и то, что при таком положении обществу заказан доступ к центрам принятия решений, которые успешно функционируют даже в условиях низкой легитимации. Понятно, что различные представительские или дискурсивные механизмы не способны изменить сложившийся порядок, который позволяет правящему меньшинству использовать его в своих интересах. Предлагается, что только иное внутреннее наполнение активности управляющих или, другими словами, вытеснение патронажных отношений из процесса принятия решений позволит изменить «фасадный» облик и даст шанс обществу на использование государственной власти в свою пользу.

Что изменит будущее?

Как вытекает из сказанного, устойчивая система неформальных практик восхождения во власть и отправления власти элитарными сетями создает ту пресловутую «машину власти» (Дж. Скотт), конфигурация которой коренным образом отличается от нормативной конструкции публичной власти. Именно эта «машина» превращает государство в недоступную для граждан структуру, а следовательно, в малоопытный центр ответственности за распределение общественных благ и ресурсов. Пронизанная патрон-клиентскими отношениями эта система правления, в значительной части выравнивающая особенности демократических и авторитарных режимов, символизирует структурную дистанцированность населения от власти, обособленности от общества того правящего меньшинства, которое формируется вне механизмов представительства и действует вне зависимости от институционального контроля. Единственной надеждой общества является ориентация этой сетевой структуры на нормы общественной морали, способной развернуть рычаги власти на интересы общества. И это не морализаторство, а трезвое понимание тех небольших возможностей общества получать от государства необходимые блага не по вторичному и остаточному принципу.

Представляется, что надежды многих теоретиков, будто государственная власть, принимая решения, постепенно перестроит систему управления, сохраняя свои вертикальные структуры, на принципах координации общественной активности и совмещения с гражданскими инициативами, являются довольно романтичными. Ведь как уже говорилось, публичная делиберация и общественная повестка сами по себе не гарантируют ни учета общественного мнения, ни общегражданского характера распределения ресурсов. Строго говоря, «машина власти» — это и есть та фактическая модель «управления без правительства», о которой грезят сторонники либеральной версии сетевой теории, но на деле являющейся перевернутой формой неформального диктата правящего класса.

Сторонники моделей *governance*, *good governance* и других теорий, рассчитывающих на полную дискриминацию рядовых граждан в сфере принятия решений, верно отражая сетевую взаимозависимость государства и общества, почему-то полагают, что гражданские ассоциации способны при такой структурной организации принятия решений либо переиграть представителей правящего класса, либо побудить их к иной по направленности управленческой деятельности. Возможно, в небольших по масштабам демократических странах — и при наличии значитель-

ных традиций совместного управления и гражданского контроля — складывается больше предпосылок для такой эволюции «машины власти». Однако уже в чуть больших пространственных масштабах «пустотелость» государственной организации (неспособность публичных институтов постоянно сохранять приоритет официальных норм и контролировать все формы гражданской активности), разрозненный характер решений, «полувраждебная» конкуренция государственных институтов (А. Пшеворский) и многие другие эффекты, отражающие слабость иерархической организации власти, однозначно создают преимущества различным ресурсно оснащенным группировкам элиты, способным за счет неформальных коммуникаций укрепить свои доминирующие (и даже завоевать монопольные) позиции при принятии государственных решений.

По сути, смысл действующей во всех политических системах «машины власти» состоит в том, что публичные институты последовательно и неуклонно замещают общегражданские интересы корпоративными, и это свидетельствует о разрешении конфликта между институализацией и партикуляризацией государственной власти в пользу частно-групповых приоритетов правящего класса.

Конечно, надо иметь в виду, что неопределенность микрополитических отношений в зоне принятия решений одновременно отражает дефицит сетевого сплочения, непрочности этих ассоциаций, отсутствие должной сплоченности, неустойчивость лояльности даже к вершине сети. Иначе говоря, противоборство различных элитарных сетей провоцирует возникновение внутренних очагов напряженности, блокировку взаимных усилий, образование вето-фигур (саботирующих распоряжения сетевых «феодалов») и даже определенных акций, направленных против микрополитических центров влияния и силы. И даже в центральной сетевой коалиции (связанной с общенациональным политическим лидером) всегда существуют конкурентные и соревновательные отношения, чреватые применением санкций и принудительной консолидацией (использование компрометирующих сведений, шантажа) управленческой команды. Типичными методами сетевой стабилизации является создание микроблоков, постоянное маневрирование (направленное на исключение внутренних заговоров и дворцовых переворотов), простирающееся от жесткого контроля до экспериментальных контактов с иными центрами влияния и власти.

Такая конструкция внутрисетевых коммуникаций способствует постоянному обострению отношений между государством и обществом. Во-первых, по той причине, что низко позиционированные сети стремятся использовать мобилизационный потенциал населения в целях повышения своей роли в системе распределения ресурсов. Во-вторых, в силу того, что повышающие свою ресурсную базу и пропитанные демократическими ценностями граждане пытаются каким-то образом прорвать эшелонированную оборону правящего класса. И по частным вопросам им это удается. Однако пока опыт дает основание констатировать, что власть сполна восстанавливает понесенные потери и потому никакие реформы избирательной системы, смена партий у руля правительственной власти, расширение дискурсивных и делиберативных практик не меняют данную систему фактического отправления государственной власти.

Иначе говоря, для продвинутой, активной части общества уже не секрет, что государство в виде особой организации принятия решений постоянно сползает к корпоративным практикам распределения ресурсов, снимая возникающие конфликты за счет активной информационно-символической политики, направ-

ленной на умиротворение общественного мнения и прикрытие подлинных целей. Усложнение претензий общества активизирует и систему обороны со стороны властей, появление новых гибридных инструментов, сочетающих пропаганду с атаками на лидеров общественного мнения, оппозицию и прежде всего на тех, кто осуществляет информационные прорывы в этой обороне, позволяя людям за обещаниями прогресса увидеть подлинные интересы власть имущих (к примеру, расследователи «Викиликс»).

Нынешняя эволюция отношений государства и общества показывает, что фактически вместо элиты (призванной выполнять представительские функции и поддерживать деятельность публичных институтов) к власти пришла иная категория правящего меньшинства, формирующаяся вне каких-либо официальных механизмов и на постоянной основе использующая сетевые механизмы применения власти. В этом смысле можно согласиться с мнением, что сегодня «государство, в котором принятие решений есть результат сложного процесса переговоров и согласований на всех уровнях... начинает функционировать как сеть» (Курочкин, 2011). Однако куда важнее понимать то, в каком направлении эта сетевая структура направляет общественные ресурсы, кто является устойчивым бенефициарием такого типа правления. Причем на этом фоне весьма показательно то, что сетевое меньшинство в ряде стран уже сейчас формируется не без влияния транснациональных связей, проникаясь претензиями на глобальные ресурсы.

Как бы то ни было, но сегодня можно видеть, что сочетание административных ограничений, влияния неформальных сетей правящего класса, а также полупассивного отношения населения к провозглашаемым правящими структурами целей не просто создает неравновесную, отличающуюся от своих нормативных требований конструкцию принятия решений. Самое опасное, что вектор этих деловых коммуникаций постоянно соскальзывает в область неформальных, скрытых от общества отношений. Это не только не дает возможности сконструировать некие эффективные инструменты метауправления (этими неформальными коалициями), но и не позволяет наладить эффективные механизмы гражданского контроля за применением власти.

В результате желание общества получать от государства (даже в условиях демократии) полноценного участия граждан в управлении и более справедливого распределения ресурсов остается весьма романтическим заблуждением. Реальное участие даже активных граждан в этом процессе замыкается на решении частных, незначительных, имеющих локальное значение вопросов. В то же время любое увеличение базы распределяемых ресурсов сокращает и без того небольшие возможности общества в части влияния на постановку государственных задач. В этом смысле государство чем дальше, тем больше превращает механизм принятия решений в закрытое для граждан пространство.

Время покажет, как будут развиваться эти грани конфликта государства и общества в стабильных и переходных государствах. Однако очевидно, что его окончательного разрешения можно ожидать только при изменении публичного характера применения государственной власти и, видимо, при распространении сетевого принципа организации на основные сегменты социального пространства в целом. Только эта форма самоорганизации локальных сообществ будет опираться на честные технологии продвижения групповых и частных интересов, на интеллектуальные ресурсы населения.

Что касается России, то можно констатировать, что постсоветское подражание демократическим институтам Запада сегодня закончилось стагнацией политического процесса и по сути уничтожением конкурентной политики. Однако внешняя стабильность «зависшего транзита», отражая конфликт интересов «ранних» (получивших ресурсы на первоначальном этапе постсоветской «раздаточной экономики» (О. Бессонова) и «поздних победителей» (в настоящее время обладающих ключевыми возможностями в доступе к ренте)), все же не дает возможности описывать эту ситуацию при помощи понятий авторитаризма или неопатримониализма, или же используя традиционные представления о соотношении формальных и неформальных (пара-, метаконституционных) практик, роли административных иерархий, понятий политической и административной ответственности, идеологической поляризации и т.д. В этом плане ни парламентская или президентская модели уже не отражают сути политических коммуникаций государства и общества в современной России.

Представляется, что нынешняя ситуация демонстрирует иной политический порядок, который, хотя и близок по форме к неопатримониальной полиархии, но скрывает уже совершившиеся и более существенные структурные изменения как в организации общественной власти, так и частично в самом государстве. И это связано с тем, что навязанные элитой сетевые процедуры принятия решений уже поменяли структуру организации всей государственной власти.

По сути, современная Россия демонстрирует структурную трансформацию коммуникаций государства и общества, отражающих качественный кризис публичных институтов, утрачивающих свою легитимацию как в глазах общества, так и самого правящего меньшинства. Иначе говоря, публичные институты, по мысли Д. Норта, призванные как бы «заталкивать» общество в определенную колею, из которой людям потом оказывается трудно выбраться (Норт, 1997), на деле оказываются неспособными даже очерчивать рамки ролевой активности, тем более в процессе принятия государственных решений. И это не случайно, ибо политико-административные элитарные сети не только окончательно встроились в институциональный дизайн, но и перекроили его формальные конструкции, создав неорганический синтез институтов и сетевого ландшафта. На этом фоне внутриэлитарная конкуренция породила невиданное разрастание разнонаправленных альтернатив и траекторий развития многоликих — центральных, региональных, территориальных и пр. — центров власти. В результате государство оказывается вынужденным приспособлять официальные центры публичной власти к стратегиям доминирующих сетей или, говоря точнее, к локальным центрам фактического господства. И хотя такая тенденция еще не полностью оформлена конституционно-правовым образом, но реальная конфигурация власти (а следовательно, и выявленный набор основных бенефициариев) действует уже безостановочно.

Так что если раньше кланы, клики, клиентелы и прочие аналогичные структуры все же оценивались в качестве некоего сопутствующего дополнения к организации демократической власти, то теперь следует говорить об их превращении в осевую структуру, вокруг которой формируется и власть, и государство.

Понятно, что при таком положении перспективы сохранения российским государством статуса гражданского антрепренера могут быть связаны лишь с появлением новых элитарных сетей, которые будут либо не связаны со старыми-новыми победителями (и которые будут вынуждены для своего статусного возвышения использовать низовую активность граждан) (Мельвиль, 2013), либо возникнут в ре-

зультате переконфигурации доминирующих сетевых ассоциаций (но уже с учетом новых межрегиональных и транснациональных коммуникаций).

Одним словом, новая стадия взаимоотношений государства и общества обещает возникновение явно нестандартных и скорее всего не слишком радужных для сограждан коммуникаций. Коммуникаций, которые вряд ли изменят адреса привилегированных групп и налаженные каналы их ресурсного обеспечения. Характерно при этом, что власти (время от времени активизирующие проблематику силового столкновения с Западом для лучшего понимания населением «подлинных» ценностей в современном мире, не соизмеримых с наличием или отсутствием у людей материальных ресурсов) теперь стараются затормозить и процесс политической рефлексии в обществе. В частности, они не только активизируют интенсивность телепропаганды, но и последовательно реформируют систему высшего образования, вытесняя современные обществоведческие курсы на глубокую периферию, чтобы лишней раз философия или политология не провоцировали появление у людей ненужных мыслей о социальной справедливости, демократии или правах человека.

Библиографический список

- Алексеева, Т. А. (2017). Политические науки на фоне меняющихся картин мира. В А.И. Соловьев (ред.). *Политическая рефлексия, теория и методология научных исследований* (с. 48–64). Москва: РОССПЭН.
- Барсукова, С. Ю. (2015). *Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого*. Москва: Издательский дом ВШЭ.
- Бурдые, П. (2017). *О государстве*. Москва: Издательский дом Дело.
- Ильин, М., Кудряшова, И. (ред.). (2008). *Суверенитет: трансформация понятий и практик*. Москва: МГИМО-Университет.
- Кастельс, М. (2016). *Власть коммуникации*. Москва: Издательский дом ВШЭ.
- Курочкин, А. В. (2011). Политика в условиях сетевого общества: новая структура и содержание. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, 3, 113–119.
- Малинова О.В. (2015). *Конструирование смыслов. Исследование символической политики в современной России*. Москва: ИНИОН.
- Малинова, О. Ю. (2012). Символическая политика. Контуры проблемного поля. В О.Ю. Малинова (ред.) *Символическая политика. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. Вып. 1* (с. 5–16). Москва: Издательство ИНИОН.
- Мельвиль, А. Ю. (2013). Зачем «царю горы» хорошие институты? *Политическая наука*, 3, 166–167.
- Нисневич, Ю. А. (2012). *Государство XXIII века: тенденции и проблемы развития*. Москва: КноРус.
- Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. Москва: Фонд экономической книги «Начала».
- Панов, П. В. (2006). Институционализм рационального выбора: потенциал и пределы возможностей. В С.В. Патрушев (ред.) *Институциональная политология* (с. 43–92). Москва: ИСП РАН.
- Тоффлер, Э. (2004). *Третья волна*. Москва: Издательство АСТ.
- Хайоз, Н. (2013). Управление, коррупция и локальные структуры политического влияния в Швейцарии. В О.В. Гаман-Голутвина (ред.) *Элиты и общество в сравнительном измерении* (с. 200–208). Москва: РОССПЭН. С. 200–208.
- Baumgartner, F. R., Boef, S. L., Boydsun, A. E. (2008). *The decline of the death penalty and the discovery of innocence*. Cambridge: Cambridge univ. press.

- Baumgartner, F. R., Green-Pedersen, C., Jones B.D., Mortensen, P., Neytenmans, M., Walgrave, S. (2009). Punctuated equilibrium in comparative perspective. *American journal of political science*, 53 (3), 602–619.
- Baumgartner, F. R., Jones, B. D. (Eds.). (2002). *Policy dynamics*. Chicago, IL: Chicago univ. press, 2002.
- Breunig, C. (2011). Reduction, Stasis, and Expansion of Budgets in Advanced Democracies. *Comparative political studies*, 44 (8), 1060–1088.
- Brikland, T. (1998). Focusing Events, Mobilization, and Agenda Setting. *Journal of public policy*, 18 (1), 53–74.
- Collier, P. (2007). *The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done about It*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press.
- Crozier, M., Thoenig, J. C. (1976). The Regulation of Complex Organized Systems. *Administrative Science Quarterly*, 2 (4), 547–570.
- Dowding, K., Hindmoor, A., Iles, R., John, P. (2010). Policy agendas in Australian politics: The governor-general's speeches, 1945–2008. *Australian journal of political science*, 45 (4), 533–557
- Dupuy, F., Thoenig, J. C. (1985). *L'Administration en miettes*. P.: Le Seuil.
- Grindle, M. S. (2007) Good Enough Governance Revisited. *Development Policy Review*, 25 (5), 533–574.
- Ingram, H., Schneider A., Deleon, P. (2007). Social Construction and Policy Design, In P. A. Sabatier (Ed.) *Theories of the Policy Process* (pp. 93–124). Westview Press.
- Ingram, H., Schneider, A. (2015). Making Distinctions: The Social Construction of Target Populations. In F. Fisher, D. Torgerson, A. Durnova, M. Orsini (Eds.) *Handbook of Critical Policy Studies* (259–273). Edward Elgar Publishing.
- Musgrave, R. A. (1959). *Theory of Public Finance*. N.Y.: McGraw Hill.
- Schneider, A., Ingram, H. (1993). The Social Construction of Target Populations. *American Political Science Review*, 87 (2), 334–346
- Silke, A., Kreisi, H. (2007). The Network Approach. In P. A. Sabatier (Ed.) *Theories of the Policy Process* (pp.129–154). University of California, Davis: Westview Press.

Статья поступила в редакцию 9.10.2018

Статья принята к публикации 6.11.2018

Для цитирования: Соловьев А.И. Государство и общество: новые грани исторического конфликта. — Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 4. С. 6-24.

STATE AND SOCIETY: NEW FACETS OF HISTORICAL CONFLICT

A.I. Solovjov

Alexandr I. Solovjov, Lomonosov Moscow State University, Leninskije Gory, 1,
Moscow, 119991

E-mail: solovyev@spa.msu.ru. ORCID 0000-0001-7146-0299

Abstract. The author analyzes present-day characteristics of cooperation of national state and civil society institutions, now that public politics went into social networks. This type of communication, caused by the new role of politico-administrative coalitions of the ruling elite, requires the revision of traditional approaches in many respects. In this connection, the author draws the readers' attention to new forms of dialogue between the people and the governance caused by informal communication among the elite in the ruling minority; these informal communications affect the nature of decision-making on the state level. While analyzing these processes on the basis of institutional and networking methods, the author characterizes the basic mechanisms and the channels of goal-setting, the respective ways and proceedings of business communication of interactive individuals. On the basis of his research, the author singles out structural characteristics of cooperation between the state and the society indecision-making on the state level. It follows that there exist three relatively independent

levels: diversified network coalitions that can, under certain circumstances, influence centres of decision-making; hierarchic formalized state governance structures exposed to permanent pressure on the part of networking, and administrative structures where the configuration of decision-making process takes place as it is. It means that under existing conditions the predominant influence upon state structures is exercised by actors who operate through networking mechanisms of the ruling class organizations (clicks, clientele, etc.) which fact undermines the possibility to realize common interests. Changing the state of things obstructed both by the passive stand of the majority of citizens concerning well-established governance practices and the actions of the ruling minority who use their advantages to realize their own interests with the help of hybrid interests (disruption of political influence of the messengers of civil interests) The possibilities to overcome this obstruction in future depend on the transformation of the public form of state power organization and on the improvement of its application proceedings.

Keywords: state, civil society, politico-administrative networks, networking, conflict, state decision-making

DOI: 10.31429/26190567-19-4-6-24

References

- Alexejeva, T. (2017). Politicheskiye nauki na fone menyajushchikhsja kartin mira [Political Sciences Against the Background of Alternating Pictures of the World]. In: A. Solovjov (Ed.) *Politicheskaja refleksija, teorija i metodologija nauchnykh issledovanij* [Political Reflection, Theory and Methodology of Research] (pp. 48–64). Moscow: ROSSPEN.
- Barsukova, S. (2015). *Esse o neformal'noj ekonomike ili 16 ottenkov serogo* [Essay on Informal Economics or 16 Shades of Grey]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE.
- Bourdieu, P. (2017). *O gosudarstve* [On the State]. Moscow: Izdatel'skij dom Delo.
- Il'in, M., Kudrjashova, I. (Eds.) (2008). *Suverenitet: transformatsija ponjatij i praktik* [Sovereignty: Transformation of Concepts and Practices]. Moscow: MGIMO-Universitet.
- Castells, M. (2016). *Vlast' kommunikatsii* [Power of Communication]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE.
- Kurochkin, A. (2011). Politika v uslovijakh setevogo obshchestva: novaja struktura i sodержaniye [Politics under Networking Society: New Structure and Content]. *Istoricheskije, filisofskije, politicheskije i yuridicheskije nauki, kul'turologija i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political, Juridical Sciences, Culturology and Art Criticism. Problems of Theory and Practice], 3, 113–119.
- Malinova, O. Yu. (2015). *Konstruirovaniye smyslov. Issledovaniye simvolicheskoi politiki v sovremennoj Rossii* [Construction of Senses. Researching Symbolic Politics in Modern Russia]. Moscow: INION.
- Malinova, O. Yu. (2012). Simvolicheskaja politika. Kontury problemnogo polja [Symbolic Politics. Contours of the Problem Field]. In: O. Yu. Malinova (Ed.). *Simvolicheskaja politika. Konstruirovaniye predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs* [Symbolic Politics. Constructing Concepts of the Past as an Authoritative Resource], 1. (pp. 5–16). Moscow: INION.
- Mel'vil', A. (2013). Zachem "tsarju gory" khoroshije instituty? [Why Does "The King of the Hill" Need Good Universities?]. *Politicheskaya nauka* [Political Science], 3, 166–167.
- Nisnevich, Yu. (2012). *Gosudarstvo XXIII veka: tendentsii i problemy pazvitiya* [State in the XXIIIrd Century: Tendences and the Problems of Development]. Moscow: KnoRus.
- North, D. (1997). *Instituty, institutsional'nyje izmeneniya b funkcionirovaniye ekonomiki* [Institutes, Institutional Changes in the Functioning of Economics]. Moscow: Fond ekonomicheskoi knigi "Nachala".
- Panov, P. (2006). Institutsionalizm ratsional'nogo vybora: potentsial b predely vozmozhnostej [Institutionalism of the Rational choice: Potential and Limited Resources]. In: S. Patrushev (Ed.). *Institutsional'naja politologija* [Institutional Typology] (pp. 43–92). Moscow: ISP RAS.
- Toffler, A. (2004). *Tretja volna* [The Third Wave]. Moscow: ACT.

- Khaioz, N. (2013). Upravljenije, koruptsija i lokal'nyje struktury politicheskogo vlijanija v Shveitsarii [Governance, Corruption and Local Structures of Political Influence in Switzerland]. In: Gaman-Golutvina O. (Ed.). *Elity i obshchestvo v sravnitel'nom izmerenii* [Elites and Society in Comparative Survey] (pp. 200–208). Moscow: ROSSPEN.
- Baumgartner, F. R., Boef, S. L., Boydsun, A. E. (2008). *The Decline of the Death Penalty and the Discovery of Innocence*. Cambridge: Cambridge univ. press.
- Baumgartner, F. R., Green-Pedersen, C., Jones B. D., Mortensen, P., Neytenmans, M., Walgrave, S. (2009). Punctuated Equilibrium in Comparative Perspective. *American journal of political science*, 53 (3), 602–619.
- Baumgartner, F. R., Jones, B. D. (Eds.) (2002). *Policy dynamics*. Chicago, IL: Chicago univ. press.
- Breunig, C. (2011). Reduction, Stasis, and Expansion of Budgets in Advanced Democracies. *Comparative political studies*, 44 (8), 1060–1088.
- Brikland, T. (1998). Focusing Events, Mobilization, and Agenda Setting. *Journal of public policy*, 18 (1), 53–74.
- Collier, P. (2007). *The Bottom Billion: Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done about It*. Oxford; N.Y.: Oxford University Press.
- Crozier, M., Thoenig, J. C. (1976). The Regulation of Complex Organized Systems. *Administrative Science Quarterly*, 2 (4), 547–570.
- Dowding, K., Hindmoor, A., Iles, R., John, P. (2010). Policy Agendas in Australian politics: The Governor-General's speeches, 1945–2008. *Australian Journal of Political Science*, 45 (4), 533–557
- Dupuy, F., Thoenig, J. C. (1985). *L'Administration en miettes*. P.: Le Seuil.
- Grindle, M. S. (2007). Good Enough Governance Revisited. *Development Policy Review*, 25 (5), 533–574.
- Ingram, H., Schneider A., Deleon, P. (2007). Social Construction and Policy Design, In P. A. Sabatier (Ed.) *Theories of the Policy Process* (pp. 93–124). Westview Press.
- Ingram, H., Schneider, A. (2015). Making Distinctions: The Social Construction of Target Populations. In F. Fisher, D. Torgerson, A. Durnova, M. Orsini (Eds.) *Handbook of Critical Policy Studies* (259–273). Edward Elgar Publishing.
- Musgrace, R. A. (1959). *Theory of Public Finance*. N.Y.: McGraw Hill.
- Schneider, A., Ingram, H. (1993). The Social Construction of Target Populations. *American Political Science Review*, 87 (2), 334–346
- Silke, A., Kreisi, H. (2007). The Network Approach. In P. A. Sabatier (Ed.) *Theories of the Policy Process* (pp.129–154). University of California, Davis: Westview Press.

Received 9.10.2018

Accepted 6.11.2018

For citation: Solovjov A.I. State and Society: New Facets of Historical Conflict. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 4. Pp. 6-24.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ: ОПЫТ КНР

И.В. Данилин

Данилин Иван Владимирович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, ул. Профсоюзная ул., д. 23, 117997, Москва, Россия.

E-mail: danilin.iv@imemo.ru. ORCID 0000-0002-4251-1998

Аннотация. Целью исследования является анализ политических и социально-культурных вызовов, связанных с национальными стратегиями развития цифровой экономики на примере КНР (прежде всего, интернет-бизнесов). Новизна определяется тем, что за пределами прикладных исследований телекоммуникационных и отдельных цифровых технологий («облачные» вычисления и пр.) тематика не получила предметного рассмотрения в научной литературе, а сама политика находится в процессе формирования. Исследование построено на анализе научной литературы, статистических и аналитических материалов китайских и международных организаций, официальных документах КНР. Цифровая экономика является одним из приоритетов КНР (как фактор преодоления долгосрочных вызовов развития), а госполитика эволюционирует от развития инфраструктуры Интернета к максимизации экономического и социального потенциала цифровой экономики. Проблемой является коррекция моделей госполитики. Скорость развития рынков и технологий опережает способность государства к адекватной реакции, а усиления «цифровых гигантов» (BAT — Baidu, Alibaba и Tencent) лишь частично корректируют ситуацию. Но, главное, цифровые рынки слабо вписываются в логику «догоняющего развития»: технологии и практики только нарабатываются, инновационные экосистемы и цифровой бизнес нельзя эффективно развивать полудирижистскими методами, инструменты политики адаптированы скорее к промышленным задачам. Даже успех BAT можно объяснить отсутствием систематического регулирования. Развитие госполитики требует институциональных и политических преобразований и нового консенсуса элит, особенно учитывая связь цифровой экономики с социально-экономическими целями партии и правительства. Значимы и социальные вызовы за пределами «цифрового разрыва» (между КНР и ведущими странами, и внутри КНР), чреватого нарастанием диспропорций развития. Компетенции населения и предпринимателей недостаточны для перехода к зрелому цифровому обществу, что усугубляется такими аспектами, как госконтроль за Интернетом. Госполитика в данном отношении находится на зачаточном уровне, а ее успех определит потенциал цифровой экономики КНР и сопутствующие эффекты развития.

Ключевые слова: цифровая экономика, государственная политика, онлайн-рынки, цифровые бизнесы, цифровой разрыв, институты

Формирование цифровой экономики (UNCTAD, 2017; OECD, 2017) — в расширительном понимании термина — является одним из магистральных трендов как технологического, инновационного, так и социально-экономического развития. Но, обещая существенные выгоды для общества и экономики, данный процесс создает также серьезные вызовы для регулирования общественно-политических и социально-культурных процессов и сам, в свою очередь, оказывается подвержен их влиянию. Формально наиболее очевидными и одновременно самыми спорным являются долгосрочные последствия для рынка труда (Капелюшников, 2017; Садовая, 2018). Однако огромное значение имеют также вопросы институционального развития, развития человеческого капитала и социальной сферы, проблемы

Автор выражает благодарность М.П. Готовой за помощь в переводе документов с китайского языка.

цифрового равенства, формирования общественной политики, международных отношений и пр. Их решение, в том числе посредством взаимодействия с бизнесом и обществом, создания необходимых условий и иных мер, должно стать предметом государственной политики на перспективу.

Особый интерес в контексте развития цифровой экономики и возникающих в данном отношении проблем представляет опыт КНР. С одной стороны, по масштабу и глубине проникновения различных информационно-коммуникационных технологий в экономические, социальные и управленческие процессы (цифровизация) Китай существенно отстает от развитых стран и даже некоторых развивающихся. С другой — китайский рынок уникален тем, что в отдельных и объемно крупных областях, таких, как онлайн-торговля, создание и распространение новых технологий, внедрение цифровых бизнес-моделей и иные процессы идут с огромной скоростью, а сама КНР оказывается мировым лидером (ОЕСД, 2017; Чжан, 2017; Ревенко, 2017). Этот факт, как и то, что Китай является одной из ведущих глобальных экономик, дает основания оценивать его опыт в рассматриваемой области как принципиально значимый для изучения. Причем, как будет показано далее, целый ряд вызовов, с которыми сталкивается быстрорастущая китайская цифровая экономика, явно имеет универсальный характер. А их учет важен, в том числе и для России, особенно в контексте ее очередной попытки ликвидировать технологический и экономических отрыв от наиболее развитых стран — на этот раз за счет цифровых технологий.

Государственная политика КНР по развитию цифровой экономики: от инфраструктуры к инновациям

Цифровые технологии и, шире, цифровая трансформация экономики являются одним из наиболее важных приоритетов развития КНР. Причины этого очевидны. Во-первых, это вклад цифровых рынков в ВВП страны. В 2017 г. общий объем цифровых рынков КНР составил приблизительно 3,8 трлн. дол. США (26,7 трлн. юаней), или около 32,3% ВВП (Чжан, 2017; Tencent Research Institute, 2018). При этом цифровизация промышленности и экономики в целом, в том числе в идеологии «четвертой промышленной революции», рассматривается китайским руководством как один из ключевых ответов в преодолении вызовов, связанных с замедлением темпов роста экономики из-за недостаточно высокого качества институтов и человеческого капитала при росте цены рабочей силы (Li, 2018; World Economic Forum, 2018).

Как следствие, с середины 2000-х гг. китайское руководство уделяет все большее внимание цифровой тематике. Хотя формальный старт китайской политики по развитию цифровых отраслей и систем — от компьютерных производств до мобильных коммуникаций и Интернета, следует отнести к 1980-м — началу 1990-х гг., отправной точкой китайской политики по обеспечению именно цифровой трансформации экономики можно считать 2006 г., когда появляются первые рамочные документы, формулирующие принципы и основные направления усилий государства по данному направлению. От задач сокращения «цифрового разрыва» внутри страны и между КНР и ведущими странами мира (модернизация) за счет прежде всего развития инфраструктуры Интернета (Yu et al., 2012; Kshetri, 2016; Xia, 2016, Ревенко 2017) китайская политика эволюционировала к логике максимизации потенциала новых рынков, технологическому развитию, улучшения биз-

нес-климата и получению иных экономических и социетальных выгод, связанных с цифровой экономикой.

Еще в 2006 г. была обнародована «Стратегия по информатизации страны на 2006–2020 годы», охватывающая широкий спектр задач: всестороннюю оптимизацию информационных технологий, развитие сферы информационной безопасности, трансформацию традиционных отраслей промышленности за счет сферы информационных услуг, развитие электронного правительства, информатизацию системы образования, здравоохранения и социального обеспечения (China.org.cn, 2008). Стратегия имела скорее общеполитическое значение, являясь сигналом для ключевых субъектов о готовности правительства активно поддерживать новые направления на обозримую перспективу и основных приоритетах. Так, документ не предусматривал конкретных шагов и показателей, ограничиваясь общими требованиями по укреплению, развитию и совершенствованию усилий. А некоторые наиболее значимые направления, такие как сектор электронной коммерции, в Стратегии вообще не упоминаются (на тот момент находились в Китае на начальной стадии развития).

Другим важнейшим документом этого периода стал базовый для научно-технологической политики КНР «Средне- и долгосрочный план развития науки и технологий до 2020 года» (2006 г.), который в части цифровых технологий закрепил тренд на рассмотрение вопросов развития Интернета в связке с вопросами социального развития.

Определив контуры и приоритеты будущей политики, руководство страны приступило к детализации мер в плановых документах. Так, 12-м пятилетним Планом (2011–2015 гг.) была предусмотрена комплексная информатизация (Kshetri, 2016). Помимо развития базовой цифровой инфраструктуры (мобильные сети, широкополосный Интернет и т.д.) данное понятие подразумевало также социально-экономическую информатизацию, включая развитие электронной коммерции, системы электронных платежей, а также электронных государственных сервисов.

В развитие 12-го пятилетнего Плана, в мае 2012 г. Министерством промышленности и информационных технологий КНР был принят отраслевой план по развитию инфраструктуры широкополосной сети с ожидаемым объемом инвестиций в 1,6 млрд. юаней (China Center for Information Industry Development, 2011). Интенсивные усилия принесли свои плоды: целевые показатели были превышены, так что к 2016 г. число абонентов широкополосной сети в КНР составило рекордные 259 млн. чел., а количество пользователей в сельских районах увеличилось более чем в 1,5 раза — с 40,7 млн. в 2012 г. до 63,9 млн. в 2015 г. (National Bureau of Statistics of China, 2016).

В 2013 г. Госсоветом КНР была утверждена новая стратегия «Широкополосный Китай», рассчитанная на период до 2020 г. (Портал центрального правительства КНР, 2013). К 2020 г. предполагалось значительно сократить разрыв между Китаем и развитыми странами в уровне развития широкополосной сети, позволив всем гражданам в полной мере пользоваться ее благами. Общее количество пользователей Интернета должно было достигнуть 850 млн. чел. Впрочем, к 2015 г. промежуточных целей Стратегии достичь не удалось, хотя число пользователей увеличилось и составило 688 млн. чел. К тому же отставание темпов реализации программы уже было не столь принципиальным в силу выраженной тенденции к росту числа пользователей мобильного Интернета, доля которых в 2015 г. составила 90,1% от общего числа интернет-пользователей (China Internet Network Information Center, 2016).

На фоне бурного роста рынков электронной коммерции и взаимосвязанных услуг, а также общего изменения социально-экономической ситуации в стране приблизительно в 2015 г. руководство КНР перешло к переосмыслению вопросов развития цифровой сферы. Вместо сугубо технических, инфраструктурных показателей на первый план выходят задачи, связанные с получением значимых экономических и рыночных эффектов от уже созданной и строящейся инфраструктуры, усиления позиций новых цифровых лидеров, с развитием технологий.

В 13-м пятилетнем Плате развития инновации — в том числе цифровые — были заявлены как приоритетное направление. А уже в 2015 г. появилось сразу двух крупных проекта. Во-первых, это известная программа «Сделано в Китае 2025» (MERICS, 2016; Li, 2018), направленная в том числе на информатизацию промышленности, развитию «умных фабрик» и других подобных решений. Во-вторых, более значимая в контексте рассматриваемой темы Стратегия «Интернет Плюс» (Портал центрального правительства КНР, 2015; Ревенко, 2017). В программе, в частности, было заявлено об усилении интеграции развития интернета и традиционных отраслей и социально-экономического развития в целом, значимости инноваций и пр. Интернет рассматривается как необходимый элемент и условие более эффективного экономического развития страны, улучшения социальной сферы, предпринимательства, эффективности правительства.

Были подготовлены и различные программно-плановые документы в реализацию 13-го пятилетнего Плана, ключевыми из которых стали «Основы национальной стратегии информатизации» и «Национальный план по информатизации» (2016 г.).

«Основы...» концентрируются на развитии электронной коммерции, но наибольшее внимание уделяют поддержке средних и малых предприятий, развитию инновационных экосистем, технологий и компетенций, открытию мировых рынков. Предусмотрено, что в 2025 г. рынки информационных услуг достигнут 12 трлн. юаней, а объемы электронной коммерции — 67 трлн. юаней (Xinhua, 2016; China copyright and media, 2016).

«Национальный план...» также рассчитан до 2025 г. и соединяет технические и более широкие социально-экономические задачи. Особо стоит отметить 12 приоритетных направлений действий: в частности, развитие электронных правительственных услуг, «умных городов» и «умной энергетики», технологии для сокращения загрязнения окружающей среды («Специальные мероприятия по информатизации «Красивый Китай»), сокращение интернет-бедности, развитие интернет-образования и медицины, а также интернет-культуры (Портал центрального правительства КНР, 2017).

Старт был дан целому ряду научно-технологических, образовательных и иных программ развития (OECD, 2017). Появляются и иные программные, плановые и методические документы, детализирующие или проясняющие положения 13-го пятилетнего Плана развития, такие как Руководство по информатизации государственного сектора (Yongqi, 2016) и т.д.

Развитие цифровой экономики: инструментальный и общественно-политический вызов КНР

Анализ усилий КНР показывает, что проблематику, связанную с национальной цифровой политикой, можно условно разбить на несколько групп вопросов.

Наиболее очевидной проблемой является коррекция существующих моделей государственной политики.

Формально речь идет о сугубо технической корректировке, связанной с наработкой новых инструментов и практик их применения, а также об адаптации системы принятия решений к ситуации, когда развитие рынков и технологий опережает способность государства адекватно реагировать на них. Показательна ситуация, сложившаяся вокруг развития электронной коммерции в КНР. Хотя Китай является одним из мировых лидеров в данной сфере, ее регулирование явно отстает от потребностей данной сферы (Xia, 2016; Чжан, 2017). Частично ситуацию пытаются корректировать крупнейшие отраслевые игроки, так называемая триада BAT (Baidu, Alibaba и Tencent), владеющая ключевыми сервисами — от социальных сетей до платных систем, что, в частности, проявилось в их активном участии в разработке программы «Интернет Плюс» и иных инициатив правительства. Однако сказать, что проблема решена, было бы неверно: бюрократический аппарат реагирует медленно в сравнении с динамикой рынка.

Но для КНР проблема носит более системный характер. Дело в том, что само по себе формирование новой политики оказывается существенной проблемой, так как речь идет не о простом совершенствовании, но о необходимости изменения самих подходов к формированию и реализации политики.

Традиционно китайская политика в сфере коммуникаций и цифровых решений реализовывалась в характерной логике, основанной на существующем опыте промышленной политики и представлениях элит о национальных интересах КНР. Первично обеспечивалась модернизация и системные эффекты за счет распространения доступных зарубежных технологий (политика диффузии — через импорт и/или прямые иностранные инвестиции). Затем — или параллельно — импортозамещение по приоритетным направлениям и копирование технологий для создания аналогов (политика целевого развития — *mission-oriented policy*) (Yu et al., 2012). При этом абсолютно доминировали технонационалистические акценты (Xia, 2016), что было обусловлено как объективными причинами (необходимость повышения качества роста и развития национальной экономики), так и субъективными, например, недоверием властей к западным поставщикам (Kshetri, 2016).

Однако новые цифровые рынки не вполне корректно вписываются в эту «договоряющую» логику. Лучшие технологические решения и практики только нарабатываются, так что определить, что же надо распространять и импортозамещать не всегда возможно. Одновременно передовые рубежи цифровой экономики в силу распределенного характера инновационных экосистем и специфики ведения бизнеса вряд ли могут эффективно регулироваться полудирижистскими методами и поддерживаться за счет мобилизационных мероприятий и ограничений импорта, столь характерных для китайской госполитики развития. На эти инструментальные дилеммы указывает даже прежний опыт развития полупроводниковой продукции КНР, не говоря о таких кейсах, как разработка национального стандарта 3G, а также проблемы, связанные с диффузией цифровых технологий в различных отраслях экономики (Yu et al., 2012; Amiri et al., 2013; Merics, 2016; Xia, 2016; McKinsey Global Institute, 2017).

В данном отношении важен опыт BAT. Безусловно, ограничения на деятельность западных конкурентов (от Facebook до Visa и Mastercard) и иная господдержка сыграли объективно положительную роль в их росте (Asia Business Council, 2015;

Ferracane and Lee-Makiyama, 2017). Но успехи BAT и иных цифровых компаний нового поколения в значительной мере были связаны со спецификой китайского рынка, а также как раз с отсутствием систематического, жесткого регулирования, возможностью вольной интерпретации некоторых существующих положений госполитики (Xia, 2012; Amiri, 2013; Xia, 2016; McKinsey Global Institute, 2017). Все это дало бизнесу возможность сформировать оптимальные условия хозяйствования в диалоге с партийно-политической бюрократией. Впрочем, существует и обратная точка зрения на ведущую роль регулирования в развитии сектора (Hongfei, 2017), хотя, по нашему мнению, даже по указанной работе видно, что регулирование было сформировано после того, как тренды уже были намечены.

В новых условиях даже изменение инструментария оказывается вызовом, так как существующая система государственного целеполагания, бюджетирования и контроля/мониторинга мероприятий рассчитана скорее на классические промышленные процессы и традиционные исследования и разработки, а не на многоаспектные и далеко не всегда линейные цифровые инновационные процессы. Последнее, кстати, подтверждается и для других стран (в частности, США и РФ) и разных групп наиболее передовых технологий (Данилин и Мамедьяров, 2016; Bonvillian, 2017).

Все эти вызовы, по нашему мнению, являются производными от проблемы более высокого уровня, а именно гибкости и адаптивности элит и институтов к новым реалиям цифровой экономики в контексте оценки цифровых рынков и развития институтов рынка и системы управления КНР.

В современных китайских реалиях цифровые отрасли и рынки призваны стать не просто еще одним приоритетом, но выполнить более масштабные социально-экономические задачи. Это ведет к мультипликации задач хозяйствующих субъектов и изменению их статуса как агентов развития, а также росту инвазий государства — как следствие увязки цифровой повестки с авторитетом партии как драйвера развития, легитимации ее позиций и пр. (Xia, 2012; Kshetri, 2016). В этой ситуации утеря контроля или неудачи в цифровой сфере оказываются не экономической проблемой, но вопросом более высокого порядка, и в этом качестве связанной с общей динамикой реформирования властных структур и общественно-политических процессов в КНР. На данный момент эта проблематика не так остра благодаря хорошему ресурсному обеспечению политики и положительной динамике в экономике, а равно как и достаточно раннему периоду развития истинно цифровых рынков. При этом налицо вполне традиционный выбор группы национальных чемпионов как ключевых агентов развития, более управляемых и ответственных (в контексте мультипликации задач), чем некие не вполне понятные чиновникам инновационные сообщества и сети. Как следствие, на данный момент наиболее сложной проблемой является раздел сфер и борьба за влияние в партийно-политической системе между олигополистическими группировками: частью госкомпаний, которая связана с цифровыми рынками (преимущественно в телекоммуникационной сфере — China Telecom, China Mobile, China Unicom), крупными частными производителями цифровой потребительской техники (Xiaomi, Huawei и пр.) и интернет-гигантами BAT, а также взаимосвязанные вопросы автономии управления, политического комплайенса во взаимоотношениях с государством, продавливания повестки развития и т.п.

В будущем, однако, развитие перспективных технологических и инновационных областей и их глобальная экспансия потребует серьезных институциональных и политических изменений и новой культуры управления. Партийно-бюрократическая система «государства развития», успешно обслуживавшая нужды экономического роста КНР на «догоняющей» стадии и подъема промышленности, конечно, потребует серьезной модификации. Что уже очевидно на примере кейса электронной торговли и роста ВАТ, где регулирование и в целом госполитика (включая ее проекции на госкомпании) либо сознательно, либо вынужденно оставила новой цифровой триаде почти десятилетие на эксперименты, явно не успевая реагировать на изменения в сфере цифровой экономики и не вполне понимая их характер (Хя, 2016; Чжан, 2017; McKinsey Global Institute, 2017). Эти перемены, в свою очередь, потребуют болезненного переосмысления и перестройки ключевых политических и управленческих процессов в экономической сфере (и сопутствующих общественно-политических решений). Речь идет о снижении уровня ответственности государства и партии за развитие связанных с этим практик проекции внеэкономических соображений на хозяйствующих субъектов, общего изменения системы отношений с бизнесом, в том числе перераспределение фактических полномочий по определению будущих стратегий и системы связей элит за пределами существующей модели рентной увязки интересов политических и бизнес-игроков (Хя, 2012; Хя, 2016).

Предметные изменения и готовность к ним китайских элит не до конца понятны и являются отдельным исследовательским вопросом. Одни из характерных вопросов в данном отношении — проблематика цензуры и контроля над Интернетом: от соцсетей и «великого китайского файервола»² до использования онлайн-приложений в реализации системы социальных рейтингов. За пределами фильтрации контента контроль над интернет-системами стал институционализироваться с 2010 г. (Портал центрального правительства КНР, 2011; Amiri et al., 2013; Kshetri, 2016). Опустим этические и общеполитические вопросы относительно свободы слова в интернет-пространстве, а также явно спекулятивные оценки влияния цензуры/контроля на рост онлайн-бизнеса. Но все же следует признать как минимум частично справедливой точку зрения о противоречивости политики КНР по развитию цифрового пространства и общества и стремления к сохранению достаточно жесткого контроля над цифровым пространством. Эту мысль очень рельефно, хотя и гиперболизировано, высказал обозреватель «South China Morning Post» Дж. Чен: «Если Пекин упустит из виду эти соображения [развития свободы в Интернете. — прим. авт.] и продолжит ограничивать доступ к информации, новая стратегия «Интернет Плюс» Премьера Ли [Кэцзяня] скорее обеспечит рост числа китайцев, делающий покупки онлайн, нежели какое-либо масштабное и долгосрочное воздействие на давно ожидаемое экономическое преобразование страны» (Chen, 2015).

Попытки изменить модель политики предпринимаются, причем это заметно даже на программном уровне. Например, по сравнению с классической иерархической схемой формирования и реализации «Сделано в Китае 2025» программа «Интернет Плюс» структурировалась изначально как инициатива снизу (MERICS, 2016), как можно понять, не без влияния интернет-гигантов ВАТ. Однако опять же

---

² Система, обеспечивающая контроль доступа китайских граждан к нежелательному контенту с зарубежных интернет-ресурсов.

идет ли речь о характерной для КНР сугубо инструментальной адаптивности несовершенных норм к новым условиям (Xia, 2012), лоббизме ВАР, которым дарована высокая степень автономии, или же о более существенных институциональных изменениях, на данный момент сказать сложно.

Социальный вызов: за пределами доступа к сети

За пределами сугубо политических факторов, наиболее серьезным вопросом является «цифровой разрыв» и, шире, социальные аспекты построения цифровой экономики КНР.

Хотя число китайских интернет-пользователей уже в два раза превышает лидирующую экономику мира — США, по состоянию на 2017 г. доступ к Интернету имело лишь 55,8% жителей Китая (в США — около 90%) (China Internet Network Information Center, 2018). Причем данный показатель достигнут лишь недавно за счет быстрого роста рынка мобильных услуг и инфраструктуры фиксированного доступа к широкополосному Интернету.

Но несмотря на все усилия госструктур, сохраняется качественный разрыв в доступе к Интернету между городскими и сельскими районами и, что не менее важно, между наиболее развитыми восточными и прочими провинциями, хотя здесь отмечается постепенное улучшение ситуации (Song, 2008; Liu et al., 2017; China Internet Network Information Center, 2018; China Statistical Report on Internet Development 2017; People.cn, 2018). Причем это заметно не только в части физического доступа к цифровым услугам, но и по возможностям эксплуатации преимуществ цифровой экономики, включая развитие цифровых стартапов — двигателей и значимых агентов рынков цифровой экономики, и кадров (China Internet Network Information Center, 2018; People.cn, 2018). Очевидно, что ситуация сохранится и на перспективу, что усиливает и так серьезные диспропорции социально-экономического развития страны.

Невысок и уровень проникновения и использования цифровых технологий в бизнесе (Kshetri, 2016; McKinsey Global Institute, 2017).

Хотя во многом проблема «цифрового разрыва» объясняется все еще недостаточным уровнем развития инфраструктуры, по мере реализации сверхамбициозных планов по развитию систем широкополосного и ускоренных темпов распространения мобильного Интернета новых поколений выясняется, что значимым барьером на пути распространения цифровых возможностей являются социально-культурные факторы, включая способы ведения бизнеса.

Например, авторы отмечают непонимание китайскими предпринимателями потенциала цифровых решений кроме оптимизации издержек, страхи перед аутсорсингом как угрозой утери информации (особенно для госпредприятий, хотя постепенно меняется под давлением административных мер китайского правительства) и т.д. (Kshetri 2016; Loo and Wang, 2017).

Аналогичная ситуация наблюдается на бытовом уровне. По экспертным оценкам, большинство граждан Китая не используют активно Интернет не из-за отсутствия доступа к связи, а из-за недостатка знаний о соответствующих технологиях и возможностях. Доля таких лиц среди 611 млн. жителей, не пользующихся Интернетом, в 2017 г. составила 53,5% (!), их них лишь 8% говорят об отсутствии для этого необходимых устройств (China Internet Network Information Center, 2018). В основном это жители сельских районов. Но и в городах свою роль, видимо, играет социальное неравенство, включая доступ к современной системе

повышения компетенций, несмотря на активные усилия КНР в сфере профессионального образования в цифровой сфере и информатизации школ (OECD, 2017). В Китае по-прежнему главным потребителем цифровых технологий является быстрорастущий средний класс — горожане, в основном из Восточных провинций, преимущественно предприниматели и занятые на средне- и высокотехнологичных производствах. Но и здесь не все очевидно за пределами распространения соцсетей и онлайн-шопинга.

Даже не говоря о масштабе проблемы, вызовом является то, что государственная политика все еще ориентирована на решение инфраструктурных задач и обеспечение экономического роста благодаря эффектам цифровой экономики. То есть налицо недостаточность как социо-культурных, так и политических механизмов адаптации населения к возможностям и требованиям цифровой экономики, включая образовательную сферу (Loo and Wang, 2017; Ревенко, 2017), даже за пределами пока игнорируемых вызовов для рынка труда. Причем насколько можно понять, ситуация только усугубляется вопросами контроля Интернета. Очевидно, что сейчас и на перспективу это останется одним из значимых сдерживающих факторов на пути формирования зрелого цифрового общества и грозит появлением новых разделительных линий в социальной сфере.

* * *

Развитие цифровой экономики — новый фронт экономическое и социально-культурного роста, а также новый вызов для политической системы. Не впадая в технологический детерминизм, можно все же утверждать, что от того, насколько эффективными и успешными окажутся национальные практики развития в цифровой сфере, будет в немалой мере зависеть будущность отдельных стран и обществ в глобальной экономической и политической системе. Эти слова в полной мере относятся и к КНР, что вполне четко осознается китайскими властями, тем более на фоне исчерпания возможностей эксплуатации фактора отсталости как драйвера развития экономики Китая.

СМИ и аналитические доклады пестрят сведениями о технологических прорывах и иных достижениях Китая, и мы ни в коей мере не собираемся оспаривать достижения КНР в сфере технологического импортозамещения и развития отдельных новых прорывных направлений. Однако не технологии и даже не сами бизнес-модели оказываются основным вызовом цифровой экономике в КНР. Одним из ключевых моментов выступает политическая и, шире, институциональная трансформация КНР, связанная как с переходом от модели инвазивной политики государства [догоняющего] развития к более гибким практикам и моделям, отвечающим, например, логике управления на основе ожиданий (*anticipatory governance*), кооперативно-коммуникативной парадигме промышленной политики (как и иных областей политического действия) и т.д. Это требует выработки нового договора элит и обеспечивающих сложных, болезненных общественно-политических дискуссий и процессов, а равно и новых условий взаимодействия различных социальных групп и групп интересов, что в текущей ситуации явно осложнено.

Отдельным вопросом являются социально-культурные процессы. С одной стороны, цифровое развитие требует ускоренного формирования и диффузии новой культуры и практик, что требует в том числе оптимизации системы межгрупповых коммуникаций. Эта система требует определенной модернизации, учитывая

актуальность «цифрового разрыва» и развития контроля над Интернетом. С другой стороны, цифровая экономика и сама по себе предполагает существенные перемены (Садовая, 2018), так что игнорирование или недостаточное внимание к социальным диспропорциям, изменениям на рынке труда и в культуре может иметь сложно определимые, но серьезные последствия. Это касается не только проблем инклюзивности роста и качества жизни, но и эффективности развития КНР как инновационной державы, социальной стабильности и адаптивности Китая к изменениям. Ситуация соответствует концептам социотехнических систем и в целом логике социально-экономических, а не технократических оценок развития перспективных инновационно-технологических доменов, в частности, цифровых.

Итак, опыт цифровой политики Китая в данном случае уникален. За счет эффекта масштаба и скорости развития отдельных рынков, компаний и технологий многие проблемы и процессы здесь выглядят наиболее рельефно. В силу этого требуется дальнейшее и систематическое изучение как экономических, так и политических и социокультурных процессов цифровой трансформации КНР.

Библиографический список

- Данилин, И. В., Мамедьяров, З. А. (2016). Национальная технологическая инициатива: новый фокус и вызовы реализации российской инновационной политики. В. Г. Барановский (ред.) *Год планеты. Вып. 2016 г.: экономика, политика, безопасность.* (121–131). М.: Идея-Пресс.
- Капелюшников, Р. (2017). Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? *Вопросы экономики, 11*, 111–140.
- Портал центрального правительства КНР (2011, 16 марта). 国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要(全文) [Двенадцатый пятилетний план социально-экономического развития Китая]. Режим доступа http://www.gov.cn/2011lh/content_1825838_4.htm
- Портал центрального правительства КНР (2013, 17 августа). 国务院关于印发“宽带中国”战略及实施方案的通知 [Национальная стратегия распространения широкополосного интернета в Китае]. Режим доступа http://www.gov.cn/zwggk/2013-08/17/content_2468348.htm
- Портал центрального правительства КНР (2015, 4 июля). 国务院关于积极推进“互联网+”行动的指导意见. 国发[2015] 40号2015 [Руководство Государственного совета по активному продвижению стратегии «Интернет плюс»]. Режим доступа http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-07/04/content_10002.htm
- Портал центрального правительства КНР (2017). 国务院关于印发“十三五”国家信息化规划的通知 [Тринадцатый национальный пятилетний план по распространению информационных технологий]. Бюллетень Государственного Совета. № 2. Режим доступа http://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5160221.htm
- Ревенко, Н. С. (2017). Цифровая экономика Китая: новый этап экономического развития страны. *Информационное общество, 4–5*, 43–50.
- Садовая, Е. С. (2018). Человек в цифровом обществе: динамика социально-трудовых отношений. *Южно-Российский журнал социальных наук, 19* (3), 6–20.
- Чжан, Д. (2017). Современное состояние цифровой экономики в Китае и перспективы сотрудничества между Китаем и Россией в данной области. *Власть, 9*, 37–43.
- Amiri, S., Campbell, S. D. & Ruan, Y. (2013). China's Government Expenditures, Policies, and Promotion of the ICT Industry. *International Journal of Applied Science and Technology, 3* (1), 7–18. Режим доступа http://www.ijastnet.com/journals/Vol_3_No_1_January_2013/2.pdf
- Asia Business Council (2015). China's Digital Economy Goes Global. Режим доступа <http://www.asiabusinesscouncil.org/docs/ChinaDigital.pdf>

- Bonvillian, W. B. (2017). Advanced Manufacturing: A New Policy Challenge. *Annals of Science and Technology Policy*, 1 (1), 1-131. DOI: <http://dx.doi.org/10.1561/110.00000001>
- Chen, G. (2015, March 8). Can Li Keqiang's Internet Plus strategy really save China? *South China Morning Post*. Режим доступа <https://www.scmp.com/business/china-business/article/1732704/can-li-keqiangs-internet-plus-strategy-really-save-china>
- China Center for Information Industry Development (2011, October 13). 宽带网“十二五”规划完成累计投资16000亿. [В рамках 12-й Пятилетки совокупный объем инвестиций в широкополосную сеть составит 1,60 млрд. юаней]. Режим доступа <http://www.ccidgroup.com/xxh/2108.htm>
- China Copyright and Media (2016, July 30). Outline of the National Informatization Development, China Copyright and Media. Режим доступа <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/07/27/outline-of-the-national-informatization-development-strategy>
- China Internet Network Information Center (2016). Statistical Report on Internet Development in China. Режим доступа <https://cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/201604/P020160419390562421055.pdf>
- China Internet Network Information Center (2017). Statistical Report on Internet Development in China. Режим доступа <https://www.cnnic.cn/hlwfzyj/hlwzbg/hlwtjbg/201701/P020170123364672657408.pdf>
- China Internet Network Information Center (2018). 中国互联网络发展状况统计报告(2018年1月) [41-й статистический отчет по развитию Интернета в Китае]. Режим доступа <http://www.cac.gov.cn/files/pdf/cnnic/CNNIC41.pdf>
- «国家信息化发展略» (全文) [Национальная стратегия развития информатизации 2006-2020гг. (полный текст)]. Режим доступа <http://www.china.com.cn/chinese/PI-c/1203246.htm>
- Ferracane, M. F., Lee-Makiyama, H. (2017). *China's technology protection and its non-negotiable rationales*. The European Centre for International Political Economy (ECIPE). Режим доступа <http://ecipe.org/app/uploads/2017/06/China-Tech-Protectionism.pdf>
- Hongfei, Y. (2017). *National Report on E-Commerce Development in China. Inclusive and Sustainable Industrial*. Development Working Paper Series WP 17. United Nations Industrial Development Organization. Vienna. Режим доступа https://www.unido.org/sites/default/files/2017-10/WP_17_2017.pdf
- Kshetri, N. (2016). Institutional and economic factors affecting the development of the Chinese cloud computing industry and market. *Telecommunications Policy*, 40, 116–129. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.telpol.2015.07.006>
- Li, L. (2018). China's manufacturing locus in 2025: With a comparison of “Made-in-China 2025” and “Industry 4.0”. *Technological Forecasting & Social Change*, 135, 66–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2017.05.028>
- Liu, H., Fang, C. & Sun, S. (2017). Digital inequality in provincial China. *Environment and Planning A*, 49 (10), 2179–2182. DOI: 10.1177/0308518X17711946
- Loo, B.P.Y. & Wang, B. (2017). Progress of e-development in China since 1998. *Telecommunications Policy*, 41, 731–742. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2017.03.001>
- McKinsey Global Institute (2017). *China's digital economy: A leading global force*. Discussion Paper. Режим доступа <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Featured%20Insights/China/Chinas%20digital%20economy%20A%20leading%20global%20force/MGI-Chinas-digital-economy-A-leading-global-force.ashx>
- MERICs (2016). *Made in China 2025*. Mercator Institute for China Studies (MERICs). Papers on China. Режим доступа <https://www.merics.org/en/papers-on-china/made-china-2025>
- National Bureau of Statistics of China. (2016). *China Statistical Yearbook 2016*. Режим доступа: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexeh.htm>
- OECD (2017). *OECD Digital Economy Outlook 2017*. Paris. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en>

- Официальный сайт People.cn. (2018, March 25). 中国数字经济发展呈现明显的省域差异. [Цифровая экономика Китая показывает очевидные различия в провинциях]. Режим доступа <http://it.people.com.cn/n1/2018/0325/c1009-29887206.html>
- Song W. (2008). Development of the Internet and Digital Divide in China: A Spatial Analysis. *Intercultural Communication Studies*, 17 (3), 20-43.
- Tencent Research Institute (2018, April 12-13). *Report on "Internet plus" Digital economic summit*. Режим доступа <http://www.tisi.org/5025>
- UNCTAD (2017). *World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy*. Geneva. Режим доступа http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf
- World Economic Forum (2018). *Financing a Forward-Looking Internet for All*. White Paper. Режим доступа http://www3.weforum.org/docs/WP_Financing_Forward-Looking_Internet_for_All_report_2018.pdf
- Xia, J. (2012). Competition and regulation in China's 3G/4G mobile communications industry—Institutions, governance, and telecom SOEs. *Telecommunications Policy*, 36, 503–552. DOI: 10.1016/j.telpol.2011.11.026
- Xia, J. (2016). Convergence and liberalization in China's ICT sector: New market and new ecosystem. *Telecommunications Policy*, 40, 81–88. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.telpol.2015.12.002>
- Xinhua (2016, July 28). Outline of the National Informatization Development Strategy, 2016. Режим доступа http://www.xinhuanet.com/info/2016-07/28/c_135546104.htm
- Yongqi, H. (2016, Dec.13). Nation to build a system integrating data and information resources. *China Daily*, Режим доступа http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-12/13/content_27651335.htm
- Yu, J., Zhang, Y. & Gao, P. (2012). Examining China's technology policies for wireless broadband infrastructure. *Telecommunications Policy*, 36, 847–857. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.telpol.2012.08.009>

Статья поступила в редакцию 2.11.2018

Статья принята к публикации 26.11.2018

Для цитирования: Данилин И.В. Политические и социальные вызовы развития цифровой экономики: опыт КНР. – *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 4. С. 25-39.

POLITICAL AND SOCIAL CHALLENGES OF DIGITAL ECONOMICS DEVELOPMENT: CASE OF CHINA

I.V. Danilin

Ivan V. Danilin, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russia, E-mail: danilin.iv@imemo.ru. ORCID 0000-0002-4251-1998

Abstract. The article analyses political and socio-cultural challenges of digital economics development as exemplified by PRC e-business. The novelty of the research is determined by the absence of sufficient coverage of telecommunications and other digital technologies (such as cloud computing, etc.) in literature, and due to the fact that the subject area is still on the make. The analysis is based on the study of relevant literature, Chinese and international statistical and analytical data and PRC official records. Digital economics as a factor of overcoming long-term challenges of progress is among PRC top priorities, while the state policy evolves from bridging the gap between digital divide and maximization of economic and social potential of digital economics. The adjustment of state policy models is also a serious problem. The rate of changes in the sphere of markets and technologies outpaces the state's adequate reaction, and the efforts of such "digital giants" as BAT (Baidu, Alibaba and Tencent) are able to modify the situation but in part only. The principal thing is that digital markets fail to fit into the "catch-up" model because technologies and practices are only emerging, innovative ecosystems and digital businesses cannot grow effectively with the help of dirigiste methods of management,

and political tools are aimed at industrial development. The BAT's success is basically due to the lack of systematic regulation. Advances in state policy require institutional and political transformations as well as the new elites' consensus, in view of the close connection between digital economics and socio-economic goals of the party and the governance. The state policy is at its early stage yet. But its success will determine the future of Chinese digital economics and the attendant results of its development.

Keywords: digital economy, national policy, online markets, digital divide, digital business, institutions

DOI: 10.31429/26190567-19-4-25-39

References

- Amiri, S., Campbell, S. D. & Ruan, Y. (2013). China's Government Expenditures, Policies, and Promotion of the ICT Industry. *International Journal of Applied Science and Technology*, 3 (1), 7-18. Retrieved from http://www.ijastnet.com/journals/Vol_3_No_1_January_2013/2.pdf
- Asia Business Council (2015). China's Digital Economy Goes Global. Retrieved from <http://www.asiabusinesscouncil.org/docs/ChinaDigital.pdf>
- Bonvillian, W. B. (2017). Advanced Manufacturing: A New Policy Challenge. *Annals of Science and Technology Policy*, 1 (1), 1-131. DOI: <http://dx.doi.org/10.1561/110.00000001>
- Chen, G. (2015, March 8). Can Li Keqiang's Internet Plus strategy really save China? *South China Morning Post*. Режим доступа <https://www.scmp.com/business/china-business/article/1732704/can-li-keqiangs-internet-plus-strategy-really-save-china>
- China Center for Information Industry Development (2011, October 13). 宽带网“十二五”规划完成累计投资16000亿。[During the 12th Five-Year Plan the Cumulative Investment in the Broadband Network will be 1.60 Billion Yuan]. Retrieved from <http://www.ccidgroup.com/xxh/2108.htm>
- China Copyright and Media (2016, July 30). Outline of the National Informatization Development, China Copyright and Media. Retrieved from <https://chinacopyrightandmedia.wordpress.com/2016/07/27/outline-of-the-national-informatization-development-strategy>
- China Internet Network Information Center (2016). Statistical Report on Internet Development in China. Retrieved from <https://cnnic.com.cn/IDR/ReportDownloads/201604/P020160419390562421055.pdf>
- China Internet Network Information Center (2017). Statistical Report on Internet Development in China. Retrieved from <https://www.cnnic.cn/hlwfzyj/hlwzxbg/hlwtjbg/201701/P020170123364672657408.pdf>
- China Internet Network Information Center (2018). 中国互联网络发展状况统计报告(2018年1月) [41st Statistical Report on Internet Development in China]. Retrieved from <http://www.cac.gov.cn/files/pdf/cnnic/CNNIC41.pdf>
- 年国家信息化展略» (全文) [National Strategy for the Informatization 2006-2020]. Retrieved from <http://www.china.com.cn/chinese/PI-c/1203246.htm>
- Ferracane, M. F., Lee-Makiyama, H. (2017). *China's technology protection and its non-negotiable rationales*. The European Centre for International Political Economy (ECIPE). Retrieved from <http://ecipe.org/app/uploads/2017/06/China-Tech-Protectionism.pdf>
- Danilin I. V., Mamed'jarov Z. A. (2016). Natsional'naja tekhnologicheskaja initsiativa: novyj fokus i vyzovy realizatsii rossijskoj innovatsionnoi politiki. [National Technology Initiative: New Focus and Challenges of Realization of Russian Innovation Policy]. In V. Baranovskij (Ed.) *God planety. Vyp. 2016 g.: ekonomika, politika, bezopasnost'* [Year of the Planet. Vol. 2016: Economy, Politics, Security]. (pp.121-131). M.: Ideja-Press.
- Hongfei, Y. (2017). *National Report on E-Commerce Development in China. Inclusive and Sustainable Industrial*. Development Working Paper Series WP 17. United Nations Industrial Development Organization. Vienna. Retrieved from https://www.unido.org/sites/default/files/2017-10/WP_17_2017.pdf

- Kapeljushnikov, R. (2017). Tekhnologicheskij progress – pozhiratel' rabochikh mest? [Technology Progress: a Jobs' Eater?]. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], 11, 111-140.
- Kshetri, N. (2016). Institutional and economic factors affecting the development of the Chinese cloud computing industry and market. *Telecommunications Policy*, 40, 116–129. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.telpol.2015.07.006>
- Li, L. (2018). China's manufacturing locus in 2025: With a comparison of "Made-in-China 2025" and "Industry 4.0". *Technological Forecasting & Social Change*, 135, 66–74. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2017.05.028>
- Liu, H., Fang, C. & Sun, S. (2017). Digital inequality in provincial China. *Environment and Planning A*, 49 (10), 2179–2182. DOI: 10.1177/0308518X17711946
- Loo, B.P.Y. & Wang, B. (2017). Progress of e-development in China since 1998. *Telecommunications Policy*, 41, 731–742. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2017.03.001>
- McKinsey Global Institute (2017). *China's digital economy: A leading global force*. Discussion Paper. Retrieved from <https://www.mckinsey.com/~media/McKinsey/Featured%20Insights/China/Chinas%20digital%20economy%20A%20leading%20global%20force/MGI-Chinas-digital-economy-A-leading-global-force.ashx>
- MERICs (2016). *Made in China 2025*. Mercator Institute for China Studies (MERICs). Papers on China. Retrieved from <https://www.merics.org/en/papers-on-china/made-china-2025>
- National Bureau of Statistics of China. (2016). *China Statistical Yearbook 2016*. Retrieved from <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2016/indexeh.htm>
- OECD (2017). *OECD Digital Economy Outlook 2017*. Paris. DOI: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264276284-en>.
- Official website People.cn. (2018, Mar.25). 中国数字经济发展呈现明显的省域差异. [China's Digital Economy Shows Obvious Differences in Provinces]. Retrieved from: <http://it.people.com.cn/n1/2018/0325/c1009-29887206.html>
- Portal of the PRC Central Government (2011, Mar.16). 国民经济和社会发展第十二个五年规划纲要 (全文) [Twelfth Five-Year Plan for the Social and Economic Development of China]. Retrieved from http://www.gov.cn/2011lh/content_1825838_4.htm
- Portal of the PRC Central Government (2013, Aug.17). 国务院关于印发“宽带中国”战略及实施方案的通知 [National Strategy for the Diffusion of Broadband Internet in China]. Retrieved from http://www.gov.cn/zwqk/2013-08/17/content_2468348.htm
- Portal of the PRC Central Government (2015, July 4). 国务院关于积极推进“互联网+”行动的指导意见. 国发〔2015〕40号2015 [The Guide of the State Council on the Active Promotion of the Strategy “Internet Plus”]. Retrieved from http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-07/04/content_10002.htm
- Portal of the PRC Central Government (2017). 国务院关于印发“十三五”国家信息化规划的通知 [Thirteenth National Five-Year Information Diffusion Plan]. Bulletin of the State Council, #2. Retrieved from http://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5160221.htm
- Revenko N.S. (2017). Tsifrovaja ekonomika Kitaja: novyj etap ekonomicheskogo razvitija strany [Digital Economy of China: New Stage of the Nation's Economic Development]. *Informacionnoje obshchestvo*, 4-5, 43-50.
- Sadovaja E.S. (2018). Chelovek v tsifrovom obshchestve: dinamika sotsial'no-trudovykh odnoshenij [People in a Digital Society: Dynamics of Social and Labor Relations]. *South-Russian Journal of Social Sciences*, 19 (3), 6-20.
- Song W. (2008). Development of the Internet and Digital Divide in China: A Spatial Analysis. *Intercultural Communication Studies*, 17 (3), 20-43.
- Tencent Research Institute (2018, April 12-13). *Report on “Internet plus” Digital economic summit*. Retrieved from <http://www.tisi.org/5025>
- UNCTAD (2017). *World Investment Report 2017. Investment and the Digital Economy*. Geneva. Режим доступа http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf

- World Economic Forum (2018). *Financing a Forward-Looking Internet for All*. White Paper. Режим доступа http://www3.weforum.org/docs/WP_Financing_Forward-Looking_Internet_for_All_report_2018.pdf
- Xia, J. (2012). Competition and regulation in China's 3G/4G mobile communications industry—Institutions, governance, and telecom SOEs. *Telecommunications Policy*, 36, 503–552. DOI: 10.1016/j.telpol.2011.11.026
- Xia, J. (2016). Convergence and liberalization in China's ICT sector: New market and new ecosystem. *Telecommunications Policy*, 40, 81–88. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.telpol.2015.12.002>
- Xinhua (2016, July 28). Outline of the National Informatization Development Strategy, 2016. Режим доступа http://www.xinhuanet.com/info/2016-07/28/c_135546104.htm
- Yongqi, H. (2016, Dec. 13). Nation to build a system integrating data and information resources. *China Daily*, Режим доступа http://www.chinadaily.com.cn/business/2016-12/13/content_27651335.htm
- Yu, J., Zhang, Y. & Gao, P. (2012). Examining China's technology policies for wireless broadband infrastructure. *Telecommunications Policy*, 36, 847–857. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.telpol.2012.08.009>
- Zhang D. (2017). Sovremennoje sostojanije tsifrovoj ekonomiki v Kitae i perspektivy sotrudnichestva mezhdju Kitajem i Rossiej v dannoj oblasti [Present-day State of Digital Economy in China and the prospects of cooperation between China and Russia in this area]. *Vlast' [Power]*, 9, 37–43.

Received 2.11.2018

Accepted 26.11.2018

For citation: Danilin I.V. Political and Social Challenges of Digital Economics Development: Case of China. – *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 4. Pp. 25-39.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ СЕТЕВОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ¹

А.В. Волкова, Т.А. Кулакова

Волкова Анна Владимировна

Эл. почта: a.volkova@spbu.ru. ORCID 0000-0002-3687-5728

Кулакова Татьяна Александровна

Эл. почта: koulakova812@mail.ru. ORCID 0000-0003-3386-8078

Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб. 7/9,
Санкт-Петербург, 199034, Россия

Аннотация. Цель авторов статьи — проанализировать механизмы совершенствования антикоррупционной политики в современной России с использованием возможностей сетевого публичного управления, в котором сила интеграции и солидарности общества формирует сетевую коммуникативную власть. Выявлено, что такие предлагаемые государством современные институты антикоррупционной политики, как этические кодексы и антикоррупционная экспертиза, сегодня не вполне учитывают потенциал общественных настроений, запросов и сетевой гражданской активности в деле трансформации и совершенствования институтов и практик антикоррупционной политики. В статье представлены результаты социологического опроса 2018 г. о восприятии коррупции в Санкт-Петербурге и Ленинградской области (ЛО). Авторы исходят из утверждения, что в современной России процессы выработки и принятия политических решений по-прежнему остаются закрытыми, однако власть стремится делегировать часть ответственности, вовлекая бизнес в публичность; прослеживается стремление сделать процессы более прозрачными. В условиях снижения интереса со стороны гражданского общества к участию в процессах публичной политики на основе формальных механизмов и нарастания активности по формированию собственной политической повестки, граждане активно осваивают возможности цифровых коммуникаций для сотрудничества (платформы сотрудничества). Важным условием сотрудничества является взаимовыгодный интерес сторон, а также двустороннее доверие и открытость, что и предполагает минимизацию коррупции. Новизна исследования состоит также в постановке проблемы, касающейся цифровой среды доверия, поскольку формальными структурами акцент все еще делается на технологической составляющей и наличии формальных каналов обратной связи с гражданами.

Ключевые слова: публичная политика, антикоррупционная политика, сетевое управление, этический кодекс, гражданское участие, ответственность

Введение

Для современной теории публичной политики тема коррупции не является новой, но термин этот имеет много значений и трактовок, а причины возникновения коррупционных рисков, коррупционные механизмы, возможности и пределы борьбы с этим явлением сохраняют актуальность для исследователей-обществоведов по всему миру. Коррупция обычно понимается как незаконное использование служебного положения, как «подкуп, а также получение взятки и другое неоправданное влияние», что включает в себя как «взятничество, так и вымогательство, влияние на принятие решений, кумовство, мошенничество, присвоение государственных денег и растраты» (Tiihonen, 2003, с. 51). Безусловно, что коррупция — это явление,

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ 2018 № 18-011-00705 «Объяснительный потенциал сетевой теории в политических исследованиях: методологический синтез как аналитическая стратегия».

которое подрывает общественное управление и принципы ответственного управления, а следовательно, качество жизни и благосостояние граждан, их доверие к государственным должностным лицам и учреждениям (Maciel, 2018; Baklouti, 2018; Stager, 2017).

Нельзя не признать, что современное общество значительно продвинулось в деле принятия правовых рамок и «мягких законов» в форме стандартов, кодексов поведения как на национальном, так и на международном уровнях. В последние десятилетия правительства, международные учреждения и организации разработали и официально приняли стандарты профессионального поведения, этические кодексы и уставы для лиц, занимающих государственные должности (CNFPT и IASIA, 2018). Например, в 2001 г. Европейский союз принял «Европейский кодекс надлежащего (хорошего) административного поведения», а затем в 2012 г. «Принципы государственной службы для гражданской службы ЕС» через Европейского омбудсмена. Аналогичным образом в 2013 г. ООН приняла «Стандарты поведения для международной гражданской службы, Комиссии по международной гражданской службе», а в 2015 г. — «Цели устойчивого развития», где ставка делается на глобальное поощрение борьбы с коррупцией и строительство эффективных и прозрачных институтов, служащих гражданам. И это лишь небольшая часть европейской антикоррупционной политики, под которой понимается комплекс мер и технологий по формированию отношения нетерпимости ко всем проявлениям коррупции, формирование антикоррупционного климата в структурах гражданского общества, власти и бизнеса, а также создание определенной модели восприятия коррупции общественным сознанием, т.е. формирование антикоррупционной организационной культуры (Europe's Crises, 2017; Охотский, 2015; Роуз-Аккерман, 2010). Несмотря на эту активность, для современной теории и практики публичного управления актуальными остаются вопросы о путях и механизмах совершенствования национальной антикоррупционной политики, выявления и анализа как открытых, так и «тонких» форм коррупции, которые имеют место в национальных институциональных средах. И здесь мы сталкиваемся с проблемой социально-культурных, политико-культурных контекстов, обуславливающих различные трактовки и коннотации универсальных, казалось бы, норм. Так, во многих странах существует общее убеждение, что коррупция является частью человеческой природы, что она «в крови», тогда как для других это вопрос выбора, верховенство закона, образование и передача из поколения в поколение того, что является правильным и неправильным (Caiden, 2001, p. 54). С практической точки зрения система с меритократической бюрократией, делающая ставку на подотчетность, прозрачность, открытость и вовлечение граждан в публичную политику, позволяет гораздо эффективнее бороться с коррупцией и продвигать высокие этические стандарты и публичные ценности, но тем не менее не является совершенной (Нисневич, 2014; Нисневич, 2016). Поскольку коррупция и этические ценности чувствительны к социально-культурному контексту, сегодня необходимо сосредоточиться на понимании механизмов коррупции и предотвращении коррупционных практик, а также на поощрении этики в государственном управлении.

Методология

Сетевое публичное управление обладает значительными возможностями в развитии как антикоррупционного мышления, так и различных форм гражданского

участия и гражданского контроля. Это достигается в том числе за счет высокой степени охвата и вовлечения граждан, обеспечения открытости (прозрачности) процедур и коммуникативной практики и формирования сетевой культуры и этики, зачастую размывающей границы национальных культурных стереотипов.

Результаты исследования

Действительно, социально-культурный контекст играет важную роль в борьбе с такими негативными явлениями, как коррупция. К сожалению, ссылка на особенности российской политической культуры и традиции часто служит оправданием снисходительного, легкого отношения к фактам коррупции на разных уровнях общественной жизни. В России о коррупции, как правило, рассуждают в контексте традиции «кормления» или указа А.Д. Меншикова об акциденции (подписанный в 1726 г., он фактически легализовал взяточничество и, что примечательно, никем не был отменен впоследствии). Вспоминают и исторический анекдот о Петре, обещавшем своим приближенным повесить каждого, кто украдет хотя бы на веревку, и ответ мудрого Ягужинского: «Государь, ты останешься один». Разница в русском языке между словами «жалование» и «зарплата» отсылает к управленческой практике XVIII в., когда труд первых российских бюрократов (служащих коллегий) не оплачивался, а в периоды между получениями «жалований» чиновники вынуждены были кормиться «от дел». Изменение этой установки требует времени и, что более важно, — накопления иного социального опыта.

С позиций подхода *governance* государство является важным, но не единственным игроком в деле формирования политической повестки и управления публичной политикой. Государство выступает инициатором и разработчиком мер антикоррупционной политики и тем самым демонстрирует свое отношение к этому явлению и предлагает основные направления действий. В качестве примера можно привести активность государственных структур по формированию профессиональных этических кодексов в России. Период «лихих 1990-х» оставил после себя в числе прочего моральный плюрализм по самым принципиальным вопросам (долг, честь, патриотизм и т.д.). Несмотря на то что необходимость принятия Этического кодекса государственных служащих в России дискутировалась с середины 1990-х гг., процесс этот занял не одно десятилетие. Противоречивость процесса создания профессионального этического кодекса была связана с влиянием двух факторов: с одной стороны, создание кодекса актуализировалось уровнем развития общественных представлений и требований, с другой стороны, имелись внутренние, корпоративные потребности в закреплении системы своих ценностей и приоритетов.

Впервые о необходимости разработки Этического кодекса государственных служащих было заявлено еще в период ельцинских административных реформ, и группа специалистов РАГС и МГУ под руководством М. Соколова разработала и в 1997 г. опубликовала первый проект Кодекса этики государственного служащего РФ. Он не получил формального закрепления, но широко использовался в качестве основы для работы над подобными кодексами в ряде субъектов РФ и федеральных ведомств (в частности, в Республике Саха-Якутия и Республике Бурятия). В 2001–2003 гг. группа депутатов (В.Н. Южаков, В.А. Рыжков, Б.Е. Немцов и др.) лоббировала в Государственной думе принятие альтернативного законопроекта «Кодекс поведения государственных служащих Российской Федерации» (проект № 85554–3). Документ был подвергнут критике за императивность требований

к государственному служащему, несоответствующий стиль, юридические и абстрактно-специфические термины («ненадлежащая выгода», «коррупционно опасное поведение» и т.д.). Несмотря на активную полемику и корректировки проекта совместно с группой РАГС, он во втором чтении в 2003 г. был отвергнут Государственной думой. Тем не менее и этот проект способствовал созданию «переходных», временных этических Кодексов государственных служащих в регионах (Новгородская область). Сегодня можно с уверенностью констатировать, что эта активность как раз и поспособствовала развитию «антикоррупционного» дискурса, а такие понятия, как «коррупционно опасное поведение», «коррупционные риски», активно используются в публичной коммуникации.

Дискуссия вокруг проекта депутатской группы побудила группу ученых РАНХиГС усовершенствовать проект Кодекса 1997 г., создать на его основе новый документ, который бы носил модельный характер. В 2004 г. такой Модельный проект был представлен, но вновь не был принят. Попытки принять этот кодекс осуществлялись в Думе и в 2009 г., но он прошел только первое чтение. Тем не менее именно этот проект долгое время оставался ориентиром для большинства региональных и муниципальных органов: они дословно копировали текст и утверждали его в региональных парламентах.

По этой причине процесс принятия этических кодексов государственных и муниципальных служащих в субъектах РФ на протяжении десятилетия носил стихийный и хаотичный характер. Регионы Северо-Западного федерального округа (ФО) по-разному решали для себя проблему кодификации этических принципов профессиональной деятельности госслужащих. В большинстве случаев органы государственной власти пошли по пути закрепления некоторых этических норм и правил поведения в системе должностных регламентов и инструкций. В подобных документах регламентируются вопросы взаимодействия госслужащих с населением, со СМИ и работа с информацией. Ответственность служащего перед гражданами в них была выделена особо, но высшей ценностью выступало государство. Так, к примеру, Новгородская область наиболее последовательно и кропотливо разрабатывала и обсуждала этический кодекс государственного служащего еще до провозглашения административной реформы 2003–2010 г. Начало обсуждения проблемы Кодекса госслужащих было связано с появлением проекта «Кодекса поведения государственных служащих Российской Федерации» В.Н. Южакова и В.А. Рыжкова в 2001 г. Область приняла участие в программе ТАСИС и привлекла зарубежных специалистов, но завершение работы над проектом, безусловно, осуществлялось уже в рамках административной реформы 2003–2010 гг. и в соответствии с ее целями. Но даже наличие внушительного пакета документов по проведению реформы, не сняло проблему разногласий: «Калининградские чиновники знают, как себя вести и без этических кодексов. Как сообщили в пресс-службе правительства, правила поведения чиновника прописаны во многих нормативных актах, в частности в Законе «О государственной гражданской службе РФ», региональном Уставе и Уголовном кодексе РФ. Что же касается требований, основанных на общепризнанных нравственных принципах, то они настолько известны, что не требуют законодательного закрепления» («Российская газета» — Федеральный выпуск № 4965 (141) от 31 июля 2009 г. / <http://www.rg.ru/2009/07/31/kodeks.html>). В Вологодской области разработка в рамках административной реформы 2003–2010 г. какого-либо документа, фиксирующего этические нормы и требования, не проводилась и не

планировалась. Органы государственной власти исходили из того, что Указ «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» является федеральным законом прямого действия и не требует дополнительных разработок или принятия подзаконных актов. В Архангельской области процесс разработки и принятия этических кодексов начался и на уровне субъекта, и на уровне муниципальных образований. Так, после принятия Этического кодекса государственного служащего Архангельской области был принят ряд полностью тождественных этических кодексов муниципальных служащих (Волкова, 2013).

Новый всплеск активности по формированию этической инфраструктуры общества и противодействия коррупции был связан с мероприятиями по реализации административной реформы в 2006–2010 гг., с деятельностью созданного при Президенте Совета по борьбе с коррупцией. Так, в 2010 г. был разработан в соответствии с рекомендациями Группы государств по борьбе с коррупцией (ГРЕКО) «Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих». Новацией в практике российского публичного управления были общественные слушания по обсуждению проекта Типового кодекса этики и служебного поведения госслужащих, организованные в РАНХиГС. Значимым в новом документе стало признание Конституции РФ источником профессионального кодекса и его соответствие базовому принципу Конституции «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью» (разд. 1, гл. 1 «Основы конституционного строя» ст. 2). Но, что не менее важно, важнейшей целью выступает «доверие граждан к государственным органам и органам местного самоуправления и обеспечение единой нравственно-нормативной основы поведения государственных и муниципальных служащих», ответственность перед «государством, обществом и гражданами». Данная ценностная установка соответствует Указу Президента № 885 и гораздо в большей степени соответствует духу Конституции РФ, хотя категория «доверие» там не упоминается. «Типовой Кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих» служит основой для региональных этических кодексов (Мурманская область, республика Карелия, Калининградская область) и корректировки ранее принятых документов (Новгородская область).

В настоящее время основанием для этико-правового регулирования деятельности государственных служащих является Указ Президента Российской Федерации № 885 от 12 августа 2002 г. «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих». Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58 ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» также закрепляет основные принципы построения и функционирования государственной службы. Источником важнейших норм выступает Указ Президента РФ № 147 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2016–2017 годы».

Определение правовых рамок, принятие нормативно-правовых актов и «мягких законов» в форме стандартов поведения на национальном и международном уровнях имеют важное значение, тем не менее во всем мире признается необходимость уделять больше внимания процессам внедрения, мониторинга и постоянного совершенствования мер антикоррупционной политики, которая становится образом, стилем мышления в публичном взаимодействии. В фокусе внимания современных обществоведов — выявление объективных и субъективных факторов восприятия гражданами коррупции и антикоррупционной проблематики (Мартынов, 2017;

Минина, 2014; Никовская, 2017; Петухов, 2017). Это делает актуальным анализ открытости сайтов органов власти и управления в аспекте антикоррупционных мероприятий, а также контент-анализ публикаций в СМИ о фактах коррупции и освещения антикоррупционной политики.

Развитию антикоррупционного мышления был посвящен ряд мероприятий по организации общественных обсуждений и формированию публичных ценностей. В частности, в регионах Северо-Запада, как и в целом по России, с начала 2000-х гг. прошла не одна информационно-просветительская кампания антикоррупционной направленности, сопровождавшаяся активной социальной рекламой. Но оказалось, что первоначальные лозунги антикоррупционной борьбы («Не рискуй!», «Это опасно!») не сработали, были неэффективны прежде всего из-за традиции восприятия риска в российской культуре, риск — благородное дело. В 2009 г. (Год молодежи) был создан Межрегиональный общественный фонд содействия реализации программ, направленных на поддержку молодежи, «Мир молодежи», который уже почти десять лет ведет ряд федеральных социокультурных проектов, в том числе Всероссийский конкурс социальной рекламы «Новый Взгляд» (http://tvooykonkurs.ru/archive?p=2&id_nomin=1&id_theme=57&concur=8). Используя не только возможности официального сайта фонда, но и социальных сетей (ВКонтакте, Instagram) организаторы добились действительных успехов. При анализе плакатов пользователей видна динамика от восприятия коррупции как явления постороннего, далекого («Узнал о коррупции — сообщи») к пониманию сопричастности («Одна взятка — два преступника» или «Даешь взятку — рождаешь преступника», 2017 http://tvooykonkurs.ru/p/daesh_vzyatku_rogdaesh_prestupnika) и ответственности каждого гражданина.

Опыт регионов Северо-Западного федерального округа интересен в связи с активностью этих субъектов в плане реализации различных пилотных проектов, управленческих инноваций и внедрения ИКТ. О Санкт-Петербурге, Ленинградской и Калининградской областях часто говорят как о территориях, в наибольшей степени ориентированных на партнерство со странами Западной Европы, на активную коммуникацию в сферах культуры, образования, бизнеса, что выводит на первый план и вопросы антикоррупционной политики как вопрос имиджевого характера. Среди субъектов Северо-Западного ФО Ленинградская область является, пожалуй, наиболее динамично и успешно развивающейся территорией. За последние несколько лет она сделала ряд важных шагов, направленных на развитие новейших управленческих технологий, внедрение сетевых и IT-механизмов гражданской коммуникации. Следует назвать прежде всего соглашение о взаимодействии между администрациями муниципальных районов и представителями общественных организаций («Опора России» по Ленинградской области, региональное объединение работодателей «Союз промышленников и предпринимателей Ленинградской области», ассоциация «Ленинградская областная Торгово-промышленная палата»). Ленинградская область вошла в число пилотных субъектов РФ по созданию регионального портала на базе федерального ([regulation.lenreg.ru.](http://regulation.lenreg.ru)) для публичного обсуждения проектов и действующих нормативных правовых актов Законодательного собрания, органов исполнительной власти Ленинградской области и органов местного самоуправления Ленинградской области. На протяжении нескольких лет удерживает высокие позиции в рейтинге регионов по оценке регулирующего воздействия. В 2019 г. область станет пилотным регионом по внедрению ряда инновационных проектов цифровой экономики (<http://lenobl.ru/dlya-smi/news/14735/>).

Именно в Ленинградской области формирование сообщества активных и лояльных пользователей системы государственных электронных ресурсов идет наиболее быстрыми темпами и носит системный характер. Примером является проект «Электронный гражданин Ленинградской области» (<https://lenobl.ecdl.su/>) под эгидой Комитета по связи и информатизации. Проект ориентирован на тех, кто не так давно освоил компьютер или просто хочет попрактиковаться в получении электронных государственных услуг. Он включает в себя обучающий видеокурс «Электронный гражданин Ленинградской области» (55 серий), в ходе которого ведущие вместе со зрителями повышают компьютерную грамотность, выполняют практические задания, проходят интерактивный тест на знание компьютера, знакомятся с электронными ресурсами ЛО.

Новый уровень взаимодействия государства и граждан в сети — проект-платформа iGrajdanin.ru — независимый и бесплатный инструмент для улучшения городской среды и развития сельских территорий. После её создания созданная в 2012 г. благодаря гранту Президента РФ в 2017 г. началось активное продвижение платформы iGrajdanin.ru в малых городах России (это единственная в своем роде и масштабированная на территории всей России платформа). Ленобласть — активный участник и этой программы.

Что касается мероприятий по реализации антикоррупционной политики, то анализ более 50 официальных сайтов муниципальных образований Ленинградской области позволяет сделать выводы о достаточно формальном подходе к реализации мероприятий антикоррупционной политики. Все муниципальные образования, городские и сельские поселения принимают типовой план работы, положение о комиссии, кодекс служебного поведения. В качестве примера типичного отчета о реализации антикоррупционной политике рассмотрим «Мониторинг реализации антикоррупционных мероприятий, проводимых администрацией Дружнгорского городского поселения, Гатчинского района Ленинградской области» (см. таблицу).

Подобные таблицы размещены на всех сайтах муниципалитетов, поскольку раздел «Антикоррупционная деятельность» — обязательная часть информационного пространства российской системы как государственного управления, так и муниципального.

Ряд муниципалитетов оказался более активен в формальном поле: городские и сельские поселения представили в интернет-пространстве материалы, касающиеся управления коррупционными рисками. В качестве примера приведем «Методику оценки эффективности внутренних систем выявления и профилактики коррупционных рисков» (<http://войсковицкое.рф/?p=8960>, дата обращения — 14.09.2018). В перечень коррупционно-опасных функций администрации муниципального образования Войсковицкое сельского поселения Гатчинского муниципального района Ленинградской области попали:

- 1) предоставление муниципальных услуг;
- 2) осуществление контрольных функций;
- 3) планирование и использование бюджетных средств;
- 4) подготовка и принятие решений по установлению цен (тарифов) на услуги муниципальных учреждений;
- 5) управление и распоряжение имуществом, находящимся в муниципальной собственности;
- 6) разработка и принятие муниципальных правовых актов;

Мониторинг реализации антикоррупционных мероприятий, проводимых администрацией Дружногорского городского поселения, Гатчинского района Ленинградской области

Monitoring of anticorruption activities (events) arranged by the administration of Druzhnogorskiy urban settlement situated in Gatchinskij district of Leningrad region

Проводимые мероприятия	Результат
Программа по противодействию коррупции	Выполняется в соответствии с программой противодействия коррупции в Дружногорском городском поселении Гатчинского муниципального района Ленинградской области, утвержденной постановлением от 26.10.2010 г. № 227
План по противодействию коррупции	Выполняется в соответствии с планом, утвержденным постановлением от 07.02.2017 г. № 37 «Об утверждении плана мероприятий по противодействию коррупции на территории Дружногорского городского поселения на 2017 г.»
Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов	Проведена антикоррупционная экспертиза 46 нормативных правовых, нарушений не выявлено
Информационное освещение антикоррупционной деятельности	Информация размещается (обновляется) на официальном сайте Дружногорского городского поселения
Комиссия по соблюдению требований к служебному поведению муниципальных служащих и урегулированию конфликта интересов	Проведено 3 заседания комиссии. Рассмотрены следующие вопросы: 1) предоставление сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера; нарушений не выявлено. 2) об обеспечении соблюдения требований к служебному поведению в отношении 1 чел.; дисциплинарное взыскание применено к 1 чел.
Анализ обращений в органы местного самоуправления по фактам коррупции	Обращений не поступало

(<http://www.drpg.ru/taxonomy/term/106> дата обращения 22.09.2018)

7) осуществление закупок товаров, работ, услуг для обеспечения муниципальных нужд. Как видим, этот перечень охватывает все виды деятельности данной управленческой структуры и является примером формального, бюрократического подхода к вопросу совершенствования антикоррупционной политики, когда об успехе предлагается судить по числу принятых документов, отчетов, методических материалов. Сама система отношений подталкивает к формальному характеру участия. Тем не менее и такая форма способствует развитию антикоррупционного дискурса.

Интересно, что, приняв свои этические кодексы в 2011–2013 гг. и позже, управленческие структуры муниципального уровня в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», Федеральным законом от 2 марта 2007 г. № 25-

ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации», Федеральным законом от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Указом Президента РФ от 01.07.2010 № 821 «О комиссиях по соблюдению требований к служебному поведению федеральных государственных служащих и урегулированию конфликта интересов», руководствуясь Методическими рекомендациями по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции, принимают в 2016–2018 гг. к своим документам необходимые дополнения. В контексте вопроса об открытости и прозрачности управленческого процесса вызывает некоторые опасения норма «воздерживаться от публичных высказываний, суждений и оценок в отношении деятельности органов местного самоуправления МО... их руководителей, если это не входит в должностные обязанности муниципального служащего», существующая сегодня во всех документах, регулирующих служебное поведение муниципальных служащих. Необходимость введения этого пункта свидетельствует об опасениях как государственных, так и муниципальных органов, которые, с одной стороны, стремятся использовать механизмы интеграции и солидарности общества, а с другой стороны, опасаются этого ресурса: общество всегда сложнее управляющей системы, а в условиях сетевизации «коммуникативная власть» способна влиять на администрацию любого уровня и в этом видится угроза их легитимности.

Исследование, проведенное с использованием оборудования ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет исследования» в мае–июне 2018 г.², явило ряд интересных противоречий, касающихся формирования антикоррупционного климата в регионах Северо-Запада. Большинство респондентов (65% в Санкт-Петербурге, 67,8% в ЛО) признали коррупцию прежде всего социальной и нравственной проблемой и поддержали идею воспитания антикоррупционного поведения людей. В то же время основным препятствием для формирования антикоррупционного климата в организациях граждане счиали отсутствие заинтересованности со стороны руководства (41,1% в Санкт-Петербурге и 39,4% в ЛО). Около половины респондентов (47,3% и 59,7%) признали свое бессилие («Я лично ничего не могу поделать с коррупцией, это не от меня зависит»). Более того, борьбу с коррупцией назвали опасной для простых граждан деятельностью 46,1% в Санкт-Петербурге и 53,4% жителей ЛО. Только около трети опрошенных граждан в каждом из исследуемых регионов оказались готовы публично осудить коррупцию и открыто выступить против коррупционеров.

---

² Метод сбора информации — личное интервьюирование. Категории респондентов — жители Ленинградской области и Санкт-Петербурга в возрасте 18 лет и старше, постоянно проживающие на этой территории. Выборка — квотная. Контролируемые параметры — пол, возраст, тип населенного пункта.

Расчет контрольных параметров репрезентативности выполнялся для ЛО и Санкт-Петербурга на основании сведений о численности населения в отдельных поселениях, населенных пунктах, районах (для Санкт-Петербурга) (Перепись населения 2010 г).

ЛО: Места проведения опросов — поселения разного типа Ленинградской области, 10 районов. Пропорциональное представительство в выборке ЛО жителей различных типов поселений, территорий с разным уровнем развития инфраструктуры, населенных пунктов разного типа, расположенных на разном удалении от районного центра. Объем выборочной совокупности проведенного опроса населения — 701 чел.

Места проведения опросов — 9 районов Санкт-Петербурга, пропорциональная выборка. Объем выборочной совокупности проведенного опроса населения — 802 чел.

Принятие этических кодексов различными коммерческими структурами, НКО и другими институтами гражданского общества еще в период 1990-х гг. проходило достаточно активно. Были разработаны и приняты профессиональными сообществами Кодекс чести банкира (1992), Профессиональный кодекс консультанта по управлению, Кодекс чести членов Российской гильдии риэлторов (1994), Этический Кодекс Российского врача (1994), Кодекс этики членов института профессиональных бухгалтеров России (2003), но они в наибольшей степени ориентированы не на Конституцию Российской Федерации, а на аналогичные кодексы зарубежных стран и узкопрофессиональные интересы. Главным моментом остается рассмотрение этического кодекса как способа повышения эффективности и прибыли. Следует признать, что привнесение в систему государственного управления рыночных механизмов, принципов и ценностей, повышающих мотивацию и эффективность работы в целом, имело серьезные негативные последствия вдоминирования принципа личной экономической выгоды в управленческой среде. Это наиболее ярко прослеживается в случаях незаконной, мошеннической деятельности по заключению госконтрактов и госзакупок.

Институционализация управленческих новаций на принципах нового публичного менеджмента, с одной стороны, и культура, стиль управления конкретных людей, сформированные специфические отношения в бюрократическом слое (организационный подход), с другой стороны, порождают структурные деформации системы государственного управления. Устойчивость нововведений, их развитие и укоренение в повседневных практиках государственных служащих, имеющих непосредственный контакт с получателями государственных услуг (предпринимателями и гражданами), а также руководителей, в чью компетенцию входят формирование и поддержание новых культурных паттернов у подчиненных, требуют особых мотивационных управленческих практик с упором на этику ответственности. Организация мониторинга и контроля хозяйственной и финансовой сферы жизнедеятельности общества с помощью инструментов экономических, налоговых и правоохранительных ведомств, направленных на упорядочивание взаимодействий в обществе, должно дополняться управленческими инновациями на основе информационно-коммуникационных технологий в сфере государственных закупок силами Центрального банка России, Счетной палаты и Государственной Думы Российской Федерации. Эта группа противоречий требует «выравнивания» способностей государства усилиями в расширении открытости и прозрачности за счет электронного/цифрового правительства, устранения межведомственных барьеров и т.д. Мобилизационные практики в этой сфере должны быть сбалансированы, чтобы обеспечить развитие страны. Противоречия между центром государственной власти и управления, с одной стороны, и различными сообществами заявляющими свои права на участие в принятии решений — с другой заставляют государственные органы искать и находить новые формы взаимодействия с гражданскими организациями, давая выход социальной энергии (частно-государственное партнерство, гражданское бюджетирование, городские инициативы и т.п.).

Дискуссия

В то время как официальный дискурс последнего десятилетия буквально перенасыщен антикоррупционными темами, государственным структурам не удалось удержать монополию и лидерство в деле борьбы с коррупцией. Не менее интересно

сегодня использование антикоррупционной риторики в антиправительственной активности, деятельности оппозиции на федеральном и региональном уровнях. Так, в 2016–2018 гг. жители Санкт-Петербурга активно формировали политическую повестку региона, выступали с позиций таких публичных ценностей, как справедливость, сотрудничество, солидарность. Это, прежде всего, гражданская активность по резонансным городским событиям (передача Исаакиевского собора РПЦ, слияние крупнейших библиотек и т.д.), но также и крупнейшие в России согласованные и несогласованные акции против коррупции (7 октября 2017 г., 26 марта 2018 г., 12 июня 2018 г. и др.) (<https://www.vedomosti.ru/politics/galleries/2017/03/26/682733-protiv-v-sankt-peterburge>).

На митингах в Санкт-Петербурге весной-летом 2018 г. присутствовало несколько тысяч человек, часть митингов и акций имела драматическое завершение: произошли столкновения с полицией, были задержания, были травмы. Лозунги антикоррупционных митингов демонстрировали однозначную и четкую связь фактов коррупции исключительно с высшими эшелонами власти и формировали представление о российском государстве как о тотально коррумпированном, что в целом соответствует общемировым тенденциям потери доверия к институтам власти, как исполнительной, так и законодательной. Тема бытовой, низовой, тонкой коррупции на этих митингах не поднималась.

Исследование, проведенное с использованием оборудования ресурсного центра Научного парка СПбГУ «Социологические и интернет-исследования» в мае-июне 2018 г.³, выявило ряд интересных противоречий, касающихся формирования антикоррупционного климата в регионах Северо-Запада. Большинство респондентов (65% в Санкт-Петербурге, 67,8% в ЛО) признали коррупцию социальной и нравственной проблемой и поддержали идею воспитания антикоррупционного поведения людей. В то же время основным препятствием для формирования антикоррупционного климата в своих организациях граждане считают отсутствие заинтересованности со стороны руководства (41,1% в Санкт-Петербурге и 39,4% в ЛО). Около половины респондентов (47,3% и 59,7%) признали свое бессилие («Я лично ничего не могу поделать с коррупцией, это не от меня зависит»). Более того, борьбу с коррупцией назвали опасной для простых граждан деятельностью 46,1% жителей Санкт-Петербурга и 53,4% жителей ЛО. Только около трети опрошенных граждан в каждом из исследуемых регионов оказались готовы публично осудить коррупцию и открыто выступить против коррупционеров.

---

³ Метод сбора информации — личное интервьюирование. Категории респондентов — жители Ленинградской области и Санкт-Петербурга в возрасте 18 лет и старше, постоянно проживающие на этой территории. Выборка — квотная. Контролируемые параметры — пол, возраст, тип населенного пункта.

Расчет контрольных параметров репрезентативности выполнялся для ЛО и Санкт-Петербурга на основании сведений о численности населения в отдельных поселениях, населенных пунктах, районах (для Санкт-Петербурга — перепись населения 2010 г.).

ЛО: Места проведения опросов — поселения разного типа Ленинградской области, 10 районов. Пропорциональное представительство в выборке ЛО жителей различных типов поселений, территорий с разным уровнем развития инфраструктуры, населенных пунктов разного типа, расположенных на разном удалении от районного центра. Объем выборочной совокупности проведенного опроса населения — 701 чел.

Места проведения опросов — 9 районов Санкт-Петербурга, пропорциональная выборка. Объем выборочной совокупности проведенного опроса населения — 802 человека.

Тема государственной коррупции актуализировалась осенью 2018 г. и в связи с непопулярной пенсионной реформой, что нашло свое выражение как офлайн (на митингах и пикетах), так и онлайн (активность блогеров, огромное количество мемов, фотожаб, сатирических роликов и клипов). Вопреки популярному в российском публичном сетевом пространстве (ФБК, «Усы Пескова», «Политикана» и т.д.) убеждению, коррупция не является специфической характеристикой отечественной системы управления, но может быть названа общемировой проблемой, борьба с которой, несмотря на внедрение инноваций, успехи сетевого публичного управления, и формирование «коммуникативной власти гражданского общества» (Мирошниченко, 2017), еще далека от завершения. По мнению Д. Хью, международное антикоррупционное движение достигло сегодня не тупика, но «перекрестка»: несмотря на десятилетия напряженной работы, разочарований больше, чем явных успехов (Hough, 2013). Трудно утверждать, что глобальная система или общество стали значительно менее коррумпированными, поскольку даже при новаторских попытках измерения нет никакого способа узнать общие тенденции. Элиты все чаще действуют сепаратно и латентно, оберегая свои полномочия и привилегии, манипулируя законами и общественным мнением. Д. Хью предлагает долгосрочную оценку движения по борьбе с коррупцией и ее результатов, начиная с отслеживания эволюции мышления об управлении, и это крайне актуальный и важный тезис. Коррупция как сложное и латентное целе-рациональное действие не может быть полностью искоренена и абсолютно исключена в управленческой практике, но среди механизмов, способных обеспечивать сдерживание коррупции «в приемлемых пределах» (наряду с совершенствованием законодательства), выделяют формирование публичных ценностей, институциональную этику и личную (персональную) честность граждан (Caiden, 2001, p. 15–38).

Заключение

В данном случае мы имеем дело с существенным противоречием, которое заключается в использовании традиционных для государства методов принуждения (пусть и в формально-юридическом виде) с представлениями о демократии как более общественном, не бюрократическом стиле управления. Противоречия между центром власти и управления, с одной стороны, и различными сообществами, заявляющими свои права на участие в принятии решений — с другой, заставляют государственные органы искать и находить новые формы взаимодействия с гражданскими организациями, давая выход социальной энергии (гражданское бюджетирование, городские инициативы, платформы взаимодействия и т.п.). Отечественные диалоговые практики взаимодействия органов государственного управления и общества находятся пока в начале своего становления (Соловьев, 2014). Гражданские активисты развивают свои «способности, состязаясь в умении убеждения государства в преимуществе собственных планов, необходимости его подключения к их поддержке и реализации». М. Кастельс, обсуждая явление постнациональной констелляции Юргена Хабермаса, замечал, что в современном мире конституции государств являются «национальными, а источники власти все в большей степени формируются в наднациональной сфере», что затрагивает государство как таковое: изменяются «его роль, его структура и функции, оно постепенно

эволюционирует в новую форму государства... сетевое государство» (Кастельс, 2017, с. 63).

Выводы

Признаем, что отдаленность гражданских организаций и граждан от центров и каналов принятия политико-государственных решений бюрократическими процедурами, регламентами, законодательными нормами должна преодолеваться путем взаимодействия, инициирования властью, создания условий для развития низовых гражданских инициатив, способствующих развитию общества и умножению публичного блага (в том числе с использованием ИКТ).

Важным направлением антикоррупционной политики является формирование этической инфраструктуры общества. Этические нормы формулируются и применяются по согласию: это результат коммуникационного процесса (свидетельство консенсуса) в определенном социуме, а не только внутри профессиональной группы. Отвечая актуальным потребностям развития современного общества, они нацелены на практическое применение и использование теоретических разработок и отличаются стремлением к максимальной конкретизации, к выработке норм, стандартов, требований, характерных для определенных видов деятельности. Принципы профессиональной этики призваны дать чиновнику ценностную платформу для принятия решений в соответствии с профессиональной необходимостью и публичными интересами (отсюда — идеи о необходимости принесения присяги перед вступлением в должность). На наш взгляд, для достижения Россией обозначенных стратегических целей дальнейшее совершенствование правового обеспечения государственного аппарата должно основываться на принципах формирования высокопрофессионального, неполитизированного управленческого аппарата, имеющего надежные социальные гарантии и отстаивающего публичные ценности. Целью развития этической структуры может быть названа конституционность сознания государственных служащих и усилия по оптимизации корпоративной этики. Но реализация антикоррупционной политики не может быть ответственностью исключительно государственной бюрократии. Сегодня внимание Российского государства, СМИ, общественности приковано к государственным и муниципальным служащим, в то время как формирование этической инфраструктуры предполагает равное внимание к усилиям по реализации антикоррупционной политики не только государственных и муниципальных структур, но и бизнеса и НКО. Самым сложным, трудоёмким, длительным во времени, но самым действенным инструментом является формирование как внутри профессиональной группы, так и в обществе в целом атмосферы нетерпимости к неэтичному, коррупционному поведению.

Библиографический список

- Бусыгина, И. М., Филиппов, М. Г. (2013). Ограничить коррупцию: найти новых людей или изменить мотивации? *Полис. Политические исследования*, 1, С. 50–71.
- Волкова, А. В. (2012). Конституционные основания этических кодексов. В С. И. Дудник, И. Д. Осипова (ред.) *Аксиология российского конституционализма: история и современность* (с. 273–293). Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Волкова, А. В. (2017). Механизмы «Умного регулирования» в публичной политике современной России: расширение гражданского участия. *Человек. Сообщество. Управление*, 3, 37–52.
- Кастельс, М. (2017). *Власть коммуникации*. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики.

- Ковалев, В. А. (2017). Региональные политики и коррупция (на примере республики Коми). *Социологические исследования*, 4, 147–154.
- Кравченко, С. А. (2018). Международное сотрудничество в сфере противодействия глобальной коррупции. *Полис. Политические исследования*, 1, 116–128.
- Мартынов, М. Ю., Габеркорн, А. И. (2017). Особенности восприятия россиянами коррупции. *Социологические исследования*, 6, 79–84.
- Минина, А. А., Ризк, О. А. (2014). Правовая активность граждан как критерий эффективности деятельности органов государственной власти и местного самоуправления. *Административное и муниципальное право*, 7, 619–625.
- Мирошниченко, И. В., Морозова, Е. В. (2017). Сетевая публичная политика: контуры предметного поля. *Полис. Политические исследования*, 2, 82–102.
- Мирошниченко, И. В., Рябченко, Н. А., Ячменник, К. В. (2017). «Новые» сетевые акторы развития локальной политики в условиях современной России. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 1, 150–163.
- Никовская, Л. И., Скалабан, И. А. (2017). Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития. *Полис. Политические исследования*, 6, 43–60.
- Нисневич, Ю. А. (2011). Гражданский контроль как механизм противодействия коррупции: проблемы реализации в России. *Полис. Политические исследования*, 1, 165–176.
- Нисневич, Ю. А. (2016). Коррупция: инструментальная концептуализация. *Социологические исследования*, 5, С. 61–68.
- Нисневич, Ю. А., Рожич, П. (2014). Люстрация как инструмент противодействия коррупции. *Полис. Политические исследования*, 1, 109–130.
- Охотский, Е. В., Охотский, И. Е. (2015). Международно- правовые стандарты противодействия коррупции и их имплементация в российскую практику. *Публичное и частное право*, 3 (27), 64–77.
- Петухов, Р. В. (2017). Доверие российского общества к органам местного самоуправления как проблема. *Полис. Политические исследования*, 6, 61–75.
- Роуз-Аккерман, С. (2010). *Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы*. М.: Логос.
- Рябченко, Н. А., Катермина, В. В., Гнедаш, А. А., Малышева, О. П. (2018). Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика. *Южно-российский журнал социальных наук*, 3 (19), 139–162.
- Соловьев, А. И. (2014). Государство как политический институт: проблемы теоретической идентификации. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*, 4, 124–129.
- Baklouti, N., Boujelbene, Y. (2018). Moderation of the Relationship Between Size of Government and Corruption by Democracy. *Journal of the Knowledge Economy*, 9 (4), 1210–1223.
- Caiden, G. E. (2001). Corruption and Governance. In G. E. Caiden, O. P. Dwivedi, and J. Jabbara (Eds.) *Where Corruption Lives*. Bloomfield: Kumarian Press, Inc.
- Castells, M. (2010). *The Rise of the Network Society*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- CNFPT and IASIA. (2018). *Charter for Civil Servants on the Meaning and Purpose of Public Action*. Paris: CNFPT.
- Castells, M. (Ed.) (2017). *Europe's Crises*. Cambridge: Polity Press.
- Gillanders, R., Neveleyska, O. (2018). Public Sector Corruption and Trust in the Private Sector. *Journal of International Development*, 30 (8), 1288–1317.
- Hough, D. (2013). *Corruption, Anti-Corruption and Governance Palgrave Macmillan UK*. DOI: 10.1057/9781137268716
- Maciel, G. G., de Sousa, L. (2018). Legal Corruption and Dissatisfaction with Democracy in the European Union. *Social Indicators Research*, 140 (2), 653–674.

- Marres, N. (2017). *Digital Sociology. The Reinvention of Social Research*. Cambridge: Polity Press.
- Slager, R. (2017). The Discursive Construction of Corruption Risk. *Journal of Management Inquiry*, 26 (4), 366–382. DOI: 10.1177/1056492616686839
- Tiihonen, S. (2003). Central Government Corruption in Historical Perspective. In S. Tiihonen (Ed.) *The History of Corruption in Central Government* (pp. 1–36). Amsterdam: IOS Press.

Статья поступила в редакцию 3.09.2018

Статья принята к публикации 6.11.2018

Для цитирования: Волкова А.В., Кулакова А.А. Совершенствование антикоррупционной политики: возможности и пределы сетевого политического управления. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 4. С. 40–56.

IMPROVING ANTI-CORRUPTION POLICY: OPPORTUNITIES AND LIMITS OF THE NETWORK POLITICAL GOVERNANCE

A. V. Volkova, A. A. Kulakova

Anna V. Volkova

E-mail: a.volkova@spbu.ru. ORCID 0000-0002-3687-5728

Tatyana A. Kulakova

E-mail: koulakova812@mail.ru. ORCID 0000-0003-3386-8078

St. Petersburg State University, Universitetskaya Str., 7/9, St. Petersburg, 199034, Russia

Abstract. The main goal of the article was is to analyze the mechanisms used to improve anti-corruption policies in present-day Russia. The authors took advantage of network public governance, in which the power of integration and solidarity of the society form the network of communicative power. It has been revealed that such modern institutions of anti-corruption policy as codes of ethics and anti-corruption expertise, offered by the state, do not fully take into account the potential of public sentiments, demands and network civic activism in the transformation and improvement of institutions and practices of anti-corruption policy. The article presents the results of a 2018 sociological survey on the perception of corruption in St. Petersburg and the Leningrad Region. The authors proceed from the assertion that in modern Russia, the processes of making and adopting political decisions still remain closed, but the government seeks to delegate some of the responsibility, involving business into publicity; the desire to make the processes more transparent is traced. Under the civil society's declining interest to participate in public policy, processes on the basis of formal mechanisms and an increase in the activity of forming their own stand, citizens are actively exploring the possibilities of digital communications for cooperation (cooperation platform). An important condition for cooperation is the mutually beneficial interest of the parties, as well as bilateral trust and openness, which implies minimizing corruption. The novelty of the research also consists formulating the problem of the digital environment of trust, since the formal structures still focus on the technological component and on the presence of formal feedback channels with the citizens.

Keywords: public policy, anti-corruption policy, network public policy, code of ethics, citizen participation, responsibility

DOI: 10.31429/26190567-19-4-40-56

References

- Baklouti, N., Boujelbene, Y. (2018). Moderation of the Relationship Between Size of Government and Corruption by Democracy. *Journal of the Knowledge Economy*, 9 (4), 1210–1223.
- Busygina, I. M., Filippov, M. G. (2013). Ogranichit' korruptsiju: najti novykh ljudej ili izmenit' motivatsii? [Restrict Corruption: Hire New Cadres or Change Motivation?]. *Polis. Politicheskije issledovaniya* [Polis. Political studies], 1, 50–71.

- Caiden, G. E. (2001). Corruption and Governance. In G.E. Caiden, O.P. Dwivedi, and J. Jabbra (Eds.) *Where Corruption Lives*. Bloomfield: Kumarian Press, Inc.
- Castells, M. (2010). *The Rise of the Network Society*. Oxford: Wiley-Blackwell.
- Castells, M. (2017). *Vlast' kommunikacii* [The Power of Communication]. M.: VSE Publishing house.
- Castells, M. (Ed.) (2017). *Europe's Crises*. Cambridge: Polity Press.
- CNFPT and IASIA. (2018). *Charter for Civil Servants on the Meaning and Purpose of Public Action*. Paris: CNFPT.
- Gillanders, R., Neveleyska, O. (2018). Public Sector Corruption and Trust in the Private Sector. *Journal of International Development*, 30 (8), 1288–1317.
- Hough, D. (2013). *Corruption, Anti-Corruption and Governance Palgrave Macmillan UK*. DOI: 10.1057/9781137268716
- Kovalev, V. A. (2017). Regional'ny'je politiki i korrupciya (na primere respubliki Komi) [Regional Politicians and Corruption (as Exemplified by Komi Republic)]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 4, 147–154.
- Kravchenko, S. A. (2018). Mezhdunarodnoje sotrudnichestvo v sfere protivodejstvija global'noj korrupcii [International Cooperation in the Fight Against Global Corruption]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political studies], 1, 116–128.
- Maciel, G. G., de Sousa, L. (2018). Legal Corruption and Dissatisfaction with Democracy in the European Union. *Social Indicators Research*, 140 (2), 653–674
- Marres, N. (2017). *Digital Sociology. The Reinvention of Social Research*. Cambridge: Polity Press.
- Marty`nov M. Yu., Gaberkorn A.I. (2017). Osobnosti vospriyatiya rossiyanami korrupcii [Features of Mass Consciousness Perception of Corruption in Russia]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 6, 79–84.
- Minina, A. A., Rizk, O. A. (2014). Pravovaja aktivnost' grazhdan kak kriterij jeffektivnosti organov gosudarstvennoj vlasti i mestngo samoupravlenija [Citizens' Legal Activity as a Criterion of the State Power and Local Governance Effective Work]. *Administrativnoje i municipal`noje pravo* [Administrative and Municipal Law], 7, 619–625.
- Miroshnichenko, I. V., Morozova, E. V. (2017). Setevaya publichnaya politika: kontury' predmetnogo polya [Network Public Policy: Outlines of Subject Field]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2, 82–102
- Miroshnichenko, I. V., Ryabchenko, N. A., Yachmennik, K. V. (2017). "Novy'je" setevy'je aktory' razvitiya lokal'noj politiki v usloviyaxh sovremennoj Rossii ["New" Network Actors of Local Policy Development in the Conditions of Contemporary Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya* [Perm' University Bulletin. Politicalology], 1, 150–163.
- Nikovskaya, L. I., Skalaban, I. A. (2017). Grazhdanskoe uchastie: osobnosti diskursa i tendencii real'nogo razvitiya [Civic Participation: Features of Discourse and Actual Trends of Development]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 6, 43–60.
- Nisnevich, Yu. A. (2016). Korrupciya: instrumental'naya konceptualizaciya [Corruption: Instrumental Conceptualization]. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 5, 61–68.
- Nisnevich, Yu. A., (2011). Grazhdanskij kontrol` kak mexkhanizm protivodejstviya korrupcii: problemy` realizacii v Rossii [Civil Control as Mechanism of Counteracting Corruption: Problems of Realization in Russia]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1, 165–176.
- Nisnevich, Yu. A., Rozhich, P. (2014). Lyustraciya kak instrument protivodejstviya korrupcii [Lustration as Instrument of Counteracting Corruption]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 1, 109–130.
- Okhotskij, E. V., Okhotskij, I. E. (2015). Mezhdunarodno- pravovy`je standarty` protivodejstviya korrupcii i ikh implementatsiya v rossijskuyu praktiku [International legal Standards for Countering Corruption and their Implementation into Russian Practice]. *Publichnoe i chastnoe pravo* [Public and Private Law], 3 (27), 64–77.

- Petukhov, R. V. (2017). Doverieje rossijskogo obshhshchestva k organam mestnogo samoupravleniya kak problema [The Russian Society's Confidence in the Local Governments as a Problem]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 6, 61–75.
- Rouz-Akkerman, S. (2010). *Korruptsiya i gosudarstvo. Prichiny, sledstviya, reformy* [Corruption and the State. Causes, effects, and Reforms]. M.: Logos.
- Ryabchenko, N. A., Katermina, V. V., Gnedash, A. A., Maly'sheva, O. P. (2018). Politicheskij kontent social'ny'xkh dvizhenij v online-prostranstve sovremenny'xkh gosudarstv: metodologiya analiza i issledovatel'skaya praktika [Political Content of Social Movements in the Online Space of Modern States: Methodology of the Analysis and Research Practices]. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'ny'xkh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 3 (19), 139–162.
- Slager, R. (2017). The Discursive Construction of Corruption Risk. *Journal of Management Inquiry*, 26 (4), 366–382. DOI: 10.1177/1056492616686839
- Solov'ev, A. I. (2014) Gosudarstvo kak politicheskij institut: problemy teoreticheskoi identifikatsii [The State as a Political Institution: Problems of Theoretical Identification]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija. Politologiya. Sociologiya* [Voronezh State University Bulletin: History. Politology. Sociology], 4, 124–129.
- Tiihonen, S. (2003). Central Government Corruption in Historical Perspective. In S. Tiihonen (Ed.) *The History of Corruption in Central Government* (pp. 1–36). Amsterdam: IOS Press.
- Volkova, A. V. (2012). Konstitutsionnyje osnovaniya eticheskikh kodeksov [Constitutional foundations of ethical codes]. In S. I. Dudnik, I. D. Osipova (Eds.) *Aksiologiya rossijskogo konstitucionalizma: istoriya i sovremennost'* [Axiology of Russian Constitutional System: History and the Present Day] (pp. 273–293). Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta.
- Volkova, A. V. (2017). Mexanizmy "Umnogo regulirovaniya" v publichnoj politike sovremennoj Rossii: rasshirenie grazhdanskogo uchastiya [Mechanisms of "Smart Regulation" of Public Policy in Contemporary Russia: Development of Citizen Participation]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenije* [Human. Community, Management], 3, 37–52.

Received 3.09.2018

Accepted 6.11.2018

For citation: Volkova A. V., Kulakova A. A. Improving Anti-Corruption Policy: Opportunities and Limits of the Network Political Governance.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 4. Pp. 40-56.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ СОГЛАСИЕ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КОНЦЕПЦИИ И ПРАКТИКИ

А.Л. Бардин

Бардин Андрей Леонидович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, ул. Профсоюзная, д. 23, Москва, 117997, Россия.
Эл. почта: andreybardin@gmail.com. ORCID 0000-0001-9526-9763

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к изучению социокультурных последствий миграционных процессов для городских пространств и связанному с этим решению задач по обеспечению в городе межэтнического согласия. Показано, что городской уровень политического управления сегодня приобретает особую значимость не только вследствие общего роста роли городов как самостоятельных акторов и центров сосредоточия уникальных ресурсов, но и ввиду специфики миграционных и интеграционных процессов и необходимости поиска новых ответов на вызовы правого populizma и национализма, а также противодействия негативному влиянию национального дискурса о миграции на социальную атмосферу на местах. Особое внимание уделяется исследованиям пространственных аспектов практик конвивальности и интеркультурализма, позволяющих отойти от нормативной, направленной сверху вниз модели интеграции мигрантов, вовлечь их в процессы ежедневного формирования «ткани города», сделав их его «соавторами» посредством естественных повседневных взаимодействий. Анализируются практики, способствующие сближению различных траекторий развития в рамках общества сверхразнообразия и установлению коммуникационных моделей, при которых межэтнические и социокультурные различия перестают играть значимую роль. Под конвивальностью в статье понимается процесс сосуществования и взаимодействия, при котором множественность культур выступает нормой социальной жизни в городе, а его жители готовы предпринять активные усилия для предотвращения конфликтов на почве межнациональных или социокультурных различий. Интеркультурный подход также делает акцент не на различиях, а на общности представителей различных социокультурных групп; равнодействующей интеркультурных практик выступает продвижение к новому «социальному целому», единству во множестве. Представляется, что практики конвивальности и интеркультурализма являются заметным шагом вперед по сравнению с теорией и практикой мультикультурализма, которая показала свою неэффективность применительно к решению актуальных проблем полиэтничных и поликультурных городских сообществ.

Ключевые слова: город, политическое пространство, гражданское согласие, социальная сплоченность, миграция, интеграция, сверхразнообразие, конвивальность, интеркультурализм, идентичность

Отношения между представителями различных социокультурных групп в городском пространстве — одна из ключевых тематик городских исследований. К этой теме обращаются как ученые-социологи, социальные антропологи и социальные географы, так и всё чаще политологи. Причин актуальности данной проблематики немало — ведь исторически большинство городов мира сформировалось именно в результате миграционных процессов, и, как правило, именно конкретный город (а не страна) служит пунктом назначения мигранта. Мощный импульс исследованиям межнационального измерения городского коммуникативного пространства придал всплеск инокультурной транснациональной миграции в начале XXI в., прежде всего в страны ЕС, и миграционный кризис 2015 г. («кризис беженства»).

Эти процессы не просто изменили социокультурный облик целого ряда городов: во многих из них сформировалось общество сверхразнообразия, а в некоторых местные жители обнаружили, что оказались в численном меньшинстве по отношению к мигрантам (majority-minority cities). Произошел беспрецедентный рост

неопределенности, проникающей в самые разные аспекты жизни, вкупе с потерей многими гражданами чувства безопасности в собственном городе, которая усугубилась террористическими атаками в Париже, Брюсселе, Берлине, нападениями на женщин в Кельне, общим ростом ассоциируемой с мигрантами преступности. Мир испытал новый подъем национализма и популизма; участились апелляции к этнической идентичности как ориентиру политической мобилизации (Семененко, 2018: 71), обострилась борьба за идентичность.

В столь турбулентных условиях, когда принятие имеющих жизненно важное значение решений на национальном уровне часто оказывается затруднено в результате политической борьбы или требует значительного времени — тогда как проблема требует безотлагательного решения — на первый план выходят локальные практики управления. Как пишут американские урбанисты Брюс Катц и Джереми Новак, это лишь одна из граней общей тенденции к перетеканию реальной власти из национальных систем контроля и управления на уровень городских пространств, в область коллективных усилий гражданского общества, муниципальных структур и частных акторов — «новой локальности». По мнению исследователей, в современном мире понятие «власть» отражает прежде всего способность лидеров и институтов трансформировать потенциал рынка и энергию общества в решение конкретных проблем — будь то обеспечение экономической конкурентоспособности, ликвидация бедности, ответ на вызов социального разнообразия или обеспечение экологически ответственного развития, и такая власть сосредоточена прежде всего в городах, которые являются одновременно географическими и экономическими пространствами, рынками товаров и услуг, сосредоточием государственных, бизнес- и групп гражданского общества, местами, где разделяются общая культура и ценности (Katz, Nowak 2018: 2). Кроме того, можно согласиться с авторами в том, что «новая локальность» имеет существенный потенциал для ответа на вызовы правого и левого популизма. В отличие от них, она приветствует разнообразие и отвергает этноцентричность, будучи прагматичной, сконцентрированной на решении конкретных проблем, лишенной идеологической подоплеки. Города, проникшиеся духом «новой локальности», прежде всего заинтересованы в долгосрочном гармоничном развитии и устремлены в будущее, они отвергают близорукий взгляд популистов, апеллирующих к сиюминутным эмоциям и смутным картинам идеального прошлого (ibid., 6). Представляется, что подобный прагматизм есть наиболее здравая основа для усилий городских властей по укреплению гражданского согласия.

Еще одна причина, по которой местные практики управления сегодня приобретают центральную роль, связана со спецификой миграционных и интеграционных процессов. Если на первом этапе миграционного кризиса в ЕС основные заботы о беженцах легли на национальные власти, то в решении наиболее сложной задачи — их долгосрочной экономической и социальной интеграции — приоритетную роль играют именно локальные, прежде всего городские структуры (так как значительная часть прибывших распределилась по крупным городам). Перед местными властями стоят две ключевые задачи. Первая — обеспечить интеграцию беженцев — которые относятся к разным культурам, сильно различаются по уровню образования и психологической подготовленности к жизни в новой стране — в рынок труда и общество в целом. Вторая — проводить политику, которая позволит избежать формирования в городе «параллельных обществ», роста социальной напряженности, обеспечит гражданское согласие и межкультурный диалог. Действительность говорит о том, что решение этих задач будет крайне

непростым, а градус напряженности во многих обществах весьма велик; примером тому служат драматические события в немецком Хемнице и последовавшие за ними волнения, охватившие почти всю Германию¹.

Цель настоящей статьи — проанализировать различные концепции, которые исследуют социокультурные последствия миграционных процессов, а также некоторые практики и механизмы интеграции мигрантов в современных крупных городах через призму пространственного подхода и дать оценку перспектив применения данного подхода для решения задачи обеспечения гражданского согласия в городском пространстве.

«Текущий город» как пространство коммуникации

Обращаясь к тематике интеграции мигрантов и гражданского согласия, следует особо остановиться на термине «пространство». Очевидно, что город — это пространство не только физическое, но и коммуникативное, пространство взаимодействия. При этом, вопреки возникающей порой иллюзии статичности, город есть неотъемлемая часть текучей современности. Он переменчив и «создается заново» каждый день: узор его ткани зависит от воспроизводства тех или иных практик его жителями. Это качество социальный и культурный географ Дорин Массей охарактеризовала термином «*thrown-togetherness*» («оказавшиеся вместе») — со-бытие людей различных национальностей, вероисповедания, возраста, пола, сексуальной ориентации и так далее. Пространство по Массей — это продукт взаимоотношений и взаимодействий, сфера возможности существования множественности в смысле одновременного плюрализма, то, что всегда находится «в процессе строительства» (Massey 2005: 9).

Подобный взгляд на городское пространство крайне важен для понимания протекающих в нем процессов, в том числе коммуникации в обществе сверхразнообразия. Так, говоря об интеграции, местные власти в странах ЕС и в США часто связывают ее с весьма ригидным набором требований: брошюры, которые раздаются мигрантам, проникнуты идеей о том, что город, в который они приехали, — сродни музейной экспозиции, на которую можно только смотреть и ни в коем случае нельзя трогать. Тем самым постулируется тезис о том, что город представляет собой окончательно сформированное социальное пространство, к которому мигрант должен адаптироваться. Очевидно, что при всей важности наличия и соблюдения понятных «правил игры», такой односторонний подход не только создает для мигранта дополнительный психологический барьер (в дополнение к уже непростой задаче поиска новой идентичности в чужой стране), но и сильнее подталкивает его к уходу в «параллельное общество», способствует пространственной сегрегации, появлению районов компактного проживания мигрантов, закрытых для «местных» досуговых пространств и так далее — тем более, что значительная часть мигрантов в принципе не имеет опыта жизни в большом городе, будучи выходцами из сельской местности, где ключевую роль играют общинные связи, которые они стремятся воспроизвести на новом месте.

Мы приходим к тому, что Анри Левфер назвал «правом на город» — спрос жителей на расширенное право на доступ к городской жизни, право на активное создание

---

¹ 26 августа 2018 г. в результате столкновений с участием лиц с миграционным прошлым после городского праздника в г. Хемниц от ножевых ранений скончался 35-летний немец и еще двое в возрасте 33 и 38 лет серьезно пострадали. За этими событиями в городах ФРГ последовали акции и шествия протеста противников миграции и столкновения с антинацистами.

городского пространства и доступ к нему. Применительно к вопросу социальной сплоченности более релевантной представляется трактовка этого понятия Дэвидом Харви как права на изменение себя посредством изменения города: «Как я уже сказал, право на город — это не просто условное право доступа к тому, что уже существует; это активное право на преобразование города, на приведение его в соответствие с нашими общими нуждами и желаниями и, следовательно, преобразование нашей повседневной жизни, изменение наших архитектурных практик и просто альтернативное определение того, что значит быть человеком» (Харви 2008: 93). Важнейшей из его манифестаций для Харви было создание новых городских общественных пространств, публичной сферы активного демократического участия, что заслуживает отдельного рассмотрения; для нас же наиболее значима сама концепция сопричастности городскому развитию всех без исключения его жителей.

Один из базовых аспектов «права на город» состоит в знании и умении использовать городское пространство, получать доступ к возможностям, которые оно в себе заключает. Как отмечает социальный географ Франц Бур, исследование процесса обретения мигрантами этих навыков проливает свет на многие аспекты процесса интеграции. Как правило, ожидается, что мигранты так или иначе сами изучат город, однако на практике этот процесс нередко завершается пространственной сегрегацией и ведет к отчуждению. Чтобы избежать этого, мигрантам необходима помощь в том, чтобы изучить ноу-хау города, узнать о различных его местах. Полноценная пространственная интеграция мигрантов возможна лишь после формирования ими понимания того, какие в городе наличествуют ресурсы и как наилучшим образом ими пользоваться: в данном случае знание почти всегда предшествует доступу, практическому действию (Buhr 2017: 5). Ф. Бур предлагает осмысливать и характеризовать интеграцию в терминах превращения мигранта в «местного», так как эта категория позволяет уйти от этнических коннотаций; быть местным — значит прежде всего ощущать свою принадлежность городу и быть признанным таковым. Местный может не принадлежать к титульной нации и не быть гражданином страны, но при этом прожить в городе достаточно долго, чтобы прочувствовать это пространство и близко познакомиться с ним. В общественном дискурсе понятие «местный», как правило, связывается с тем, кто «знает куда пойти, зачем, каковы условия доступа в это место и поведения в нем» (Knowles 2011: 140). Помощь других местных — один из лучших механизмов, чтобы стать таковым. Об этом говорят многие из респондентов с миграционным прошлым, у которых Ф. Бур взял интервью в ходе своего научного проекта в Лиссабоне. Примечательно, пишет ученый, что почти каждый из респондентов утверждал: «я знаю Лиссабон лучше любого португальца!» (ibid.: 6) — будь то знание того, где лучше приобретать те или иные товары или услуги, как быстрее добраться из пункта А в пункт Б, или где находятся рестораны с лучшей кухней. Обладание этим знанием выступает для мигрантов важным «якорем», который с одной стороны придает им уверенность в себе и помогает выстраивать собственную идентичность как жителя города, а с другой стороны, открывает для них новые возможности, в том числе для диалога с местным населением, что выступает важным фактором социальной сплоченности.

Концепция «оказавшиеся вместе» рассматривает существование в городе множества различных траекторий развития как одну из базовых характеристик городского пространства. Когда в городе складывается общество сверхразнообразия, пишет Стивен Вертовек, мигранты как представители этнорелигиозных сообществ

формируют собственные особые траектории развития (Vertovec, 2007: 1025). Для обеспечения инклюзивного развития города, социальной безопасности и гражданского согласия крайне важно, чтобы эти траектории постепенно сближались с локальными паттернами коммуникации: другими словами, требуется решить задачу по сближению разнородного в повседневной жизни, создать условия для позитивной коммуникации, инклюзивного развития, восстановления атмосферы предсказуемости там, где она была нарушена. Наибольший интерес в этом отношении представляет вопрос о том, какие конкретные практики способствуют формированию таких социальных отношений, при которых межнациональные и социокультурные различия перестают играть значимую роль, уступая место взаимному уважению и совместным устремлениям, и какой научный аппарат позволяет наилучшим образом изучить становление таких практик и отношений.

Конвивальность: дискурс добрососедства

Особое место в научном дискурсе о гражданском согласии в городских пространствах в последние годы занимает термин «конвивальность» (*conviviality*, от лат. *cum vivere* — жить вместе), предложенный культурологом Полом Гилроем. Он описывает «процесс сосуществования и взаимодействия, при котором множественность культур стала обычной социальной чертой жизни в городах» (Gilroy 2004: xi). Лакмусовой бумажкой конвивальности выступает характер «повседневного дискурса» — то, как в городе говорят с соседями, знакомыми и незнакомцами и о них, а также наличие или отсутствие «интеркультурного габитуса», как его называют социологи Аманда Вайз и Селвараж Велаюдам — набора практик, свидетельствующих о том, что жители привыкли к общению с представителями других культур и в случае необходимости готовы предпринять усилия для предотвращения конфликтов на почве межнациональных или социокультурных различий (Wise, Velayutham 2013).

В отличие от направленных сверху вниз процессов интеграции, конвивальность в городском пространстве формируется «сама собой» через взаимодействие жителей города и не несет в себе каких-либо нормативных установок: речь идет о повседневном процессе переговоров прагматичного характера, при этом достаточно хрупком и подчас противоречивом (Nowicka and Vertovec 2014, Neil 2015). Изучение того, как вырабатывается конвивальность, представляет собой весьма любопытный ракурс исследования, который позволяет отойти от подхода, единицей анализа которого выступает этническая группа. Анализ оформления «интеркультурного габитуса» дает немало ценной информации, которая может быть использована как учеными для более глубоких теоретических исследований общества сверхразнообразия, так и городскими властями в их стратегии развития, так как конвивальность есть в числе прочего продукт выстраивания особым образом социального и физического пространства, что напрямую зависит от стратегии городского развития. Следует отметить, что ценность такого подхода подвергается рядом ученых сомнению: в частности, критики исследований конвивальности задают вопрос, не подменяется ли в рамках такого дискурса обычная неформальная вежливость проявлением уважения к Другим, и обращают внимание на ограниченность его применения и потенциала (Amin 2012). С такой критикой можно согласиться лишь отчасти: несмотря на порой «сходную до степени смешения» природу конвивальности и простой вежливости, первая все же выходит за рамки последней. Конвивальность тесно пересекается с понятием «повседневного космополитизма», описывающим

готовность индивида «примерять на себя» и совмещать в себе различные идентичности, представить, каково это — быть частью этого мира иным образом (Radice 2015). Это готовность не только к взаимодействию с Другим, но и к переменам в самом себе в результате такого взаимодействия (Hall 2002).

Исследованию конвивальности посвящен целый ряд интересных и содержательных работ; здесь мы рассмотрим лишь некоторые из них, раскрывающие важные для нас пространственные аспекты межнациональных отношений в городе.

А. Вайз и С. Велаудам, изучая кейс многонационального Сингапура, обращают внимание на политику властей в части организации жизненного пространства. Большинство жителей города (около 80%), принадлежащие главным образом к нижней части среднего класса и к рабочему классу, проживают в муниципальном жилье — небоскребах. Власти города уже много лет проводят последовательную политику по их заселению с соблюдением пропорций между представителями различных национальностей. В каждом доме жители китайского происхождения всегда составляют по меньшей мере 70% квартирантов, и часть помещений всегда занимают молодые одинокие и семейные мигранты из Индии, Китая и Филиппин. Первый этаж здания представляет собой многофункциональное пространство, где проходят самые разные мероприятия — от малайских свадеб до китайских похорон. Как показали результаты интервью, несмотря на то, что шум от мероприятий иногда раздражает жильцов, в конечном счете большинство из них высоко ценит знакомство с соседями и возможность всегда принять участие в интересующем их событии. Рядом с домом всегда есть озелененная территория или парк, который в разное время дня наводняют разные горожане — он служит местом совместных игр, общения матерей с детьми, занятий тай-чи. Другими словами, такое пространство продуцирует возможности для повседневных интеркультурных взаимодействий (Wise, Velayutham 2013: 6). Этому способствует и планировка дома — близость квартир друг к другу, наличие общего коридора, который опоясывает дом по внешней части: жильцы имеют возможность вместе заботиться о стоящих здесь растениях, быстро узнают о событиях у соседей — кто что готовит, у кого родился ребенок и т.д., что также служит поводом для разговора и участия в жизни соседей — в совместной готовке, помощи с мытьем посуды, в переводе документов или посредничестве в каких-либо вопросах, обмене подарками и поздравлениями.

Канадский антрополог Марта Рэдис посвятила свое исследование другому пространству конвивальности, а именно — пешеходным зонам города. Она выделяет четыре «слоя места»: микропространства; господствующие нормы социальной коммуникации; восприятие локальных отношений между группами и роль места как объекта «ключевой инфраструктуры». Одно из своих этнографических исследований, состоявшее из включенного наблюдения и серии глубинных интервью, М. Рэдис провела в Монреале, на четырех торговых улицах, две из которых расположены в более богатых районах города, и две в более бедных. Конвивальность каждой из улиц, приходит к выводу исследователь, отличается от другой: где-то она обусловлена прежде всего прагматическими соображениями, консенсусом, который не принято нарушать; где-то — историческим духом, репутацией улицы как традиционного места встреч; в других местах ключевую роль играют облюбовавшие их уличные музыканты и художники, привлекающие самую разношерстную публику, а где-то — стараниями владельцев кафе, сумевших создать в них атмосферу, располагающую к проведению досуга представителями разных культур.

Примечательно, что если в рассмотренном выше исследовании Сингапура важную роль в формировании конвивальности сыграл фактор пространственной близости, то, скажем, в случае улицы Шербрук Квест, по наблюдениям Рэдис, важную роль играет именно наличие достаточного свободного пространства — широкие тротуары, длинные скамейки, просторные скверы — которое дает жителям возможность выбирать, в какие типы взаимодействия вступать, а в какие нет (Radice 2016: 444).

Датский исследователь Тина Гудрун Дженсен также выбрала объектом анализа взаимоотношения представителей различных наций в рамках общего жизненного пространства, а именно социального жилья в Копенгагене, где проживают более 60% мигрантов из западных стран, прибывших в Данию. Дженсен провела серию интервью с жителями жилого комплекса «Зеленый парк», в отношении которого у городских властей возникли опасения в его «геттоизации». Как показало исследование, среди жителей-датчан оказались сильны стереотипы о соседях-мигрантах («проблемные», «не интегрируются», «плохо обращаются с женщинами», «безработные» и т.д.). В свою очередь, жители-мигранты знали о таком к себе отношении и выражали в связи с этим беспокойство. Некоторые хотели бы общаться с датчанами ближе: например, угостить их, пригласить на свежезваренный кофе, однако сетовали, что датчане «не открытые люди»: «похоже, в Дании это не работает», — отметил один из респондентов, мигрант турецкого происхождения (Jensen 2016: 89). Основной формой коммуникации с датчанами было обычное приветствие. Напротив, конвивальность среди представителей различных этнических меньшинств оказалась на высоком уровне. Жильцы-мигранты оказывают друг другу поддержку, просят присмотреть за квартирой на время своего отсутствия, одалживают друг у друга вещи, помогают в уходе за лицами старшего возраста, детьми и больными, в подготовке бюрократических документов и в том, как лучше вести себя в местном обществе — фактически, в интеграции в него. Как и в Сингапуре, жильцы участвуют в жизни друг друга — днях рождения и т.д., однако если в Сингапуре на такие мероприятия приходят почти все жильцы, вне зависимости от национальности, то в Копенгагене датчане практически не участвуют в них. Специфика пространственного аспекта здесь близка к тому, что действует в рассмотренном выше исследовании в Монреале: для всех жильцов дома важно личное пространство и возможность пользоваться им по своему усмотрению — будь то сближение (в случае этнических меньшинств) или отдаление (в случае датчан).

Тем не менее, несмотря на подобный характер взаимоотношений и наличие стереотипов, жильцы-датчане отмечают, что не заостряют внимание на многонациональном характере проживающих в доме (т.е. воспринимают разнообразие как должное) и не задаются вопросом о том, что мигрантов нужно особым образом интегрировать, и полагают, что это происходит само собой (в том числе благодаря взаимопомощи последних). Примечательно, что жильцы как датского происхождения, так и с миграционным прошлым говорят о том, что государственный дискурс и общественная дискуссия в Дании о миграции и интеграции оказывает негативное влияние на атмосферу в их доме. Как «оскорбительные» охарактеризовали жильцы и интеграционные инициативы местных властей ввиду их «снисходительного характера» и направленности только на лиц западного происхождения, а не на всех жителей (ibid.: 95). Результаты исследования Дженсен подтверждают гипотезу сторонников концепции конвивальности о том, что реализуемые «сверху» интеграционные проекты, направленные на отдельные этнические группы, как правило мало

эффективны и наоборот, могут негативно сказываться на социальной сплоченности. Основной вклад в интеграцию в данном случае внесло именно формирование конвивальности, пространства безопасности и добрососедской коммуникации.

Практики интеркультурализма

Концепция конвивальности во многом отталкивается от общности людских интересов, что роднит ее с концепцией интеркультурализма, в русле которой во многих городах мира применяются заслуживающие внимания практики содействия межэтническому согласию.

Интеркультурализм уходит от акцента на различия культур и подчеркнутой защиты культурных особенностей, характерного для мультикультурализма; ему на смену приходит «культурный полилог», при котором культуры взаимодействуют, сохраняя при этом свою самобытность. Такое социальное взаимодействие «призвано способствовать формированию общей публичной культуры и нового социального целого, которые функционируют по принципу “E Pluribus Unum” — во многом единое, единство во множестве» (Цапенко 2017: 918). В этой сфере действует ряд международных проектов, например инициатива «Межкультурные города» Европейской комиссии и Совета Европы. Среди его главных направлений — перестройка основных функций города в ключевых областях через «межкультурные линзы», посредничество и разрешение конфликтов, развитие межкультурных навыков и компетенций; межкультурное управление городом (ibid.: 921).

Берлин стал одним из городов Европы — участников инициативы «Межкультурные города», в ходе миграционного кризиса 2015 г. испытавших приток огромной волны беженцев. Власти города и организации гражданского общества предприняли ряд важных шагов по урегулированию кризиса, в том числе через интеркультурные практики. Была поставлена задача – обеспечить единство коммуникативного пространства государства, третьего сектора и мигрантов в решении актуальных задач, добиться наилучшей координации усилий сторон. С этой целью были созданы консультационные советы по миграции и интеграции, в работе которых приняли участие представители третьего сектора и организаций мигрантов, а также координационный офис — единое информационное окно, содержащее данные обо всех релевантных инициативах волонтеров и НКО.

В духе концепции «право на город» одним из приоритетов властей Берлина выступает решение задачи по обеспечению включенности мигрантов в развитие города. В этой связи поставлена задача сделать работу в государственном секторе более открытой для мигрантов, обеспечить условия для их включения в процесс принятия управленческих решений. Для этого мигрантов приглашают на заседания различных комитетов и советов, вовлекают в принятие решений на местном уровне, знакомят со спецификой административной работы: действует программа, в рамках которой мигрант может «прикрепиться» к политику, наблюдать за его работой и помогать в ней.

Среди интеркультурных проектов, реализуемых в Берлине, выделим следующие проекты. Во-первых, это центры по медиации и урегулированию межнациональных конфликтов, где посетители получают практические знания об основах права, типологии конфликтов, моделируют различные конфликтные ситуации и обсуждают пути их решения. Во-вторых, проект «Матери по соседству», «выросший» из практики неформальных встреч матерей из числа мигрантов; участницы проекта приходят

в гости к женщинам из семей мигрантов, ведущим изолированный образ жизни, и помогают им интегрироваться в общество. Таким образом, через практики интеркультурализма и конвивальности, развивается сеть «слабых связей» между соседями, купируется социальная напряженность. В-третьих, проект «Управление районами», нацеленный на стабилизацию и развитие малоблагополучных районов. В районе создается финансовый фонд жильцов, который управляется советом, выбранным из числа местных жителей: средства фонда направляются на реализацию инициатив самих жильцов, которые служат укреплению социальной сплоченности в районе.

Помимо подобных проектов в Берлине, как и в более чем 500 других городов Германии, с 1975 г. ежегодно проходит «Межкультурная неделя» (Interkulturelle Woche). Это совместная инициатива Конференции немецких епископов, Евангелической церкви Германии и греческой православной митрополии. Более 5 тыс. мероприятий проводятся при поддержке благотворительных организаций, религиозных общин, профсоюзов, советов по интеграции, ассоциаций мигрантов и различных структур гражданского общества. В 2018 г. «Межкультурная неделя» проводится под девизом «Разнообразие объединяет». В каждом из городов проводится особая программа; как показывает опыт прошлых лет, такие события уже стали доброй традицией и находят заметный отклик среди населения. В 2018 г. в рамках Межкультурной недели в Берлине прошли такие мероприятия, как дни кухни разных стран, «интеркультурные бранчи», обучение готовке блюд разных стран (когда блюда готовы, часто проходит совместная трапеза); обучение языкам в тандеме; чтение вслух сказок; семинар, где разбирается мотивация и риторика правого популизма; консультации о работе биржи труда; молитвы о здравии и мире; ярмарки изделий мастеров и крафта; спортивные и танцевальные фестивали; просмотр фильмов с последующим их обсуждением; фото- и художественные выставки (также с возможностью обсудить увиденное) и многое другое. Интересен семинар, участники которого узнают о том, как научиться правильно отвечать на расистские высказывания в повседневной жизни, уметь отстоять свое достоинство, а также тренинги по «коммуникации без насилия», которые ведут профессиональные психологи (Interkulturelle Woche 2018).

Разумеется, практики конвивальности и интеркультурализма не являются панацеей и средством решения всех проблем, связанных с интеграцией инокультурных мигрантов. Об этом свидетельствует реальная политическая ситуация во многих городах стран Евросоюза. Рассматриваемые практики имеют свои ограничения, которые определяются многими факторами, в частности, желанием или нежеланием как иммигрантов, так и местных жителей общаться с соседями или осуществлять интеркультурное взаимодействие. В конечном счете многое упирается в желание и способность прибывающих мигрантов интегрироваться в инокультурную среду, а также в способность общества на деле интегрировать прибывающих мигрантов. Тем не менее, практики конвивальности и интеркультурализма, основанные как на эмпирических, так и на теоретических исследованиях, как можно полагать, являются заметным шагом вперед по сравнению с теорией и практикой мультикультурализма, которая показала свою неэффективность в плане решения актуальных проблем, возникающих в полиэтничных и поликультурных современных городских сообществах.

Заключение

Рассмотренные практики конвивальности и интеркультурализма — лишь один из множества механизмов, содействующих поддержанию и укреплению гражданского

согласия в городе. Ценность этих практик проистекает прежде всего из их естественного, повседневного и прагматично-практически ориентированного характера, который позволяет избежать акцента на этничности агентов коммуникации, выделения конкретных групп в качестве «объектов интеграции», равно как и искусственности «карнавального мультикультурализма». Данные практики способствуют формированию атмосферы предсказуемости и «интеркультурного габитуса», при котором разнообразие воспринимается как неотъемлемая часть культурной, социальной и политической действительности, а жители города готовы в случае необходимости предпринять усилия для предотвращения возникающих конфликтов. Кроме того, эти практики вносят важный вклад в реализацию мигрантами «права на город», начиная от знакомства с его ресурсами и доступа к ним (что снижает вероятность формирования «параллельных сообществ») и заканчивая участием в политической жизни города. Безусловно, идеализировать эти практики нельзя, они имеют определенные ограничения. В частности, их использование эффективно на ранних стадиях адаптации иммигрантов, когда еще не возникли более или менее замкнутые «параллельные сообщества». В то же время практики и подходы, о которых идет речь, определенно заслуживают дальнейшего изучения. Результатом такого изучения может стать не только разработка теоретических подходов к исследованию городских пространств, но и осуществление практических программ развития городских сообществ.

Библиографический список

- Семененко, И. С. (2018). Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в “старой” Европе. *Полис. Политические исследования*, 5, 70–87. DOI:10.17976/jpps/2018.05.07
- Харви, Д. (2008). Право на город. *Логос*. Режим доступа http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/04.pdf
- Цапенко, И. П. (2017). Интеркультурная парадигма интеграции мигрантов. *Вестник Российской академии наук*, 87 (10), 915–926. DOI: 10.7868/S0869587317100061
- Amin, A. (2012). *Land of Strangers*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buhr, F. (2018). Using the City: Migrant Spatial Integration as Urban Practice. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44 (2), 307–320. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1341715
- Gilroy, P. (2004). *After Empire: Melancholia or Convivial Culture?* London: Routledge.
- Hall, S. (2002). Political Belonging in a World of Multiple Identities. In Vertovec, S. & Cohen, R. (Eds.) *Conceiving Cosmopolitanism: Theory, Context, and Practice* (pp. 25–31). Oxford: Oxford University Press.
- Heil, T. (2015). Conviviality: (Re)Negotiating Minimal Consensus. In Vertovec, S., (Ed). *Routledge International Handbook of Diversity Studies* (pp. 317–324). Abingdon: Routledge.
- Interkulturelle Woche 2018. Programm Berlin (Auswahl) mit Hinweisen auf Veranstaltungen im Land Brandenburg*. Режим доступа <https://www.interkulturelle-woche-berlin.de/wp-content/uploads/2018/02/programmheft.pdf>
- Jensen, T. G. (2016). The Complexity of Neighbourhood Relations in a Multiethnic Social Housing Project in Copenhagen. *Identities*, 23 (1), 84–98. DOI: 10.1080/1070289X.2015.1016519
- Katz, B. & Nowak, J. (2018). *The New Localism. How Cities Can Thrive in the Age of Populism*. Brookings Institution Press.
- Knowles, C. (2011). Cities on the Move: Navigating Urban Life. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*, 15 (2), 135–153.
- Lefebvre, H. (1996). *Writings on Cities*. Wiley-Blackwell.

- Massey, D. (2005). *For Space*. Sage Publications Ltd.
- Nowicka, M. & Vertovec, S. (2014). Comparing Convivialities: Dreams and Realities of Living-With-Difference. *European Journal of Cultural Studies*, 17 (4), 341–356.
- Radice, M. (2016). Unpacking Intercultural Conviviality in Multiethnic Commercial Streets. *Journal of Intercultural Studies*, 37 (5), 432–448. DOI:10.1080/07256868.2016.1211624
- Radice, M. (2015). Micro-Cosmopolitanisms at the Urban Scale. *Identities*, 22 (5), 588–602.
- Vertovec, S. (2007). Super-Diversity and Its Implications. *Ethnic and Racial Studies*, 30 (6), 1024–1054. DOI:10.1080/01419870701599465
- Wise, A., & Velayutham, S. (2013). Conviviality in Everyday Multiculturalism: Some Brief Comparisons Between Singapore and Sydney. *European Journal of Cultural Studies*, 17 (4), 406–430. DOI:10.1177/1367549413510419
- Zukin, S. (1991). *Landscapes of Power: From Detroit to Disney World*. Berkeley: University of California Press.

Статья поступила в редакцию 26.09.2018

Статья принята к публикации 6.11.2018

Для цитирования: Бардин А.Л. Межэтническое согласие в городском пространстве: концепции и практики. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 4. С. 57–68.

INTER-ETHNIC SOCIAL HARMONY IN THE CITY: CONCEPTS AND PRACTICES

A. L. Bardin

Andrei L. Bardin, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Profsoyuznaya Str. 23, Moscow, 117997, Russia.
E-mail: andreybardin@gmail.com. ORCID 0000-0001-9526-9763

Abstract. The article examines diverse approaches to the analysis of socio-cultural aftermath of migratory processes for urban spaces and the resulting attempt to solve the problem of ensuring interethnic consent. It is shown that the present-day level of urban political governance has become especially important not only due to the overall growth of the cities' role as independent political and economic actors and centres with unique resources. It also happened in view of the specificity of migratory and integration processes and the necessity to search for new answers to the challenges of right-wing populism and nationalism, considering the opposition to the negative influence of the national discussion on migration upon local social climate. Emphasis is put on the analysis of spatial aspects of conviviality and inter-culturalism, which allows to abandon the normative downward model of the migrants' integration. Instead, these practices help involve the migrants into everyday activity of creating "the city-cloth", thus making them its "co-authors" through the natural day-by-day interaction. The article dwells upon practices that promote the convergence of different ways of development within the super-diversified society and the establishment of communication models in which inter-ethnic and socio-cultural differences are no longer important. "Conviviality" is understood as "co-existence and interaction" process according to which the multiplicity of cultures is a norm of social life in the city and its residents are proactive in preventing inter-ethnic or socio-cultural conflicts. Similarly, the intercultural approach accentuates not differences but the commonality of different socio-cultural groups; the resultant of intercultural practices is advancement towards a new "social whole" — a unity in multitude. The author maintains that conviviality and inter-culturalism practices are a noticeable step forward in comparison with the theory and practice of multiculturalism that failed to effectively solve the urgent problems of poly-ethnic and poly-cultural urban communities.

Keywords: city, political space, social cohesion, migration, integration, superdiversity, conviviality, interculturalism, identity

DOI: 10.31429/26190567-19-4-57-68

References

- Amin, A. (2012). *Land of Strangers*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buhr, F. (2018). Using the City: Migrant Spatial Integration as Urban Practice. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44 (2), 307–320. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1341715
- Gilroy, P. (2004). *After Empire: Melancholia or Convivial Culture?* London: Routledge.
- Hall, S. (2002). Political Belonging in a World of Multiple Identities. In Vertovec, S. & Cohen, R. (Eds.) *Conceiving Cosmopolitanism: Theory, Context, and Practice* (pp. 25–31). Oxford: Oxford University Press.
- Harvey, D. (2008). Pravo na gorod [Right to the City]. *Logos*. Retrieved from http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/04.pdf
- Heil, T. (2015). Conviviality: (Re)Negotiating Minimal Consensus. In Vertovec, S., (Ed.) *Routledge International Handbook of Diversity Studies* (pp. 317–324). Abingdon: Routledge.
- Interkulturelle Woche 2018. Programm Berlin (Auswahl) mit Hinweisen auf Veranstaltungen im Land Brandenburg*. Retrieved from <https://www.interkulturelle-woche-berlin.de/wp-content/uploads/2018/02/programmheft.pdf>
- Jensen, T. G. (2016). The Complexity of Neighbourhood Relations in a Multiethnic Social Housing Project in Copenhagen. *Identities*, 23 (1), 84–98. DOI: 10.1080/1070289X.2015.1016519
- Katz, B. & Nowak, J. (2018). *The New Localism. How Cities Can Thrive in the Age of Populism*. Brookings Institution Press.
- Knowles, C. (2011). Cities on the Move: Navigating Urban Life. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*, 15 (2), 135–153.
- Lefebvre, H. (1996). *Writings on Cities*. Wiley-Blackwell.
- Massey, D. (2005). *For Space*. Sage Publications Ltd.
- Nowicka, M. & Vertovec, S. (2014). Comparing Convivialities: Dreams and Realities of Living-With-Difference. *European Journal of Cultural Studies*, 17 (4), 341–356.
- Radice, M. (2016). Unpacking Intercultural Conviviality in Multiethnic Commercial Streets. *Journal of Intercultural Studies*, 37 (5), 432–448. DOI:10.1080/07256868.2016.1211624
- Radice, M. (2015). Micro-Cosmopolitanisms at the Urban Scale. *Identities*, 22 (5), 588–602.
- Semenenko, I. S. (2018). Natsionalizm, separatizm, demokratiya... Metamorfozy natsional'noi identichnosti v "staroi" Evrope [Nationalism, Separatism, and Democracy. New Patterns of National Identity in "Old" Europe]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 5, 70–87. DOI:10.17976/jpps/2018.05.07
- Tsapenko, I. P. (2017). Interkul'turnaya paradigma integratsii migrantov [Intercultural Paradigm of Migrant Integration]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 87 (10), 915–926. DOI: 10.7868/S0869587317100061
- Vertovec, S. (2007). Super-Diversity and Its Implications. *Ethnic and Racial Studies*, 30 (6), 1024–1054. doi:10.1080/01419870701599465
- Wise, A. & Velayutham, S. (2013). Conviviality in Everyday Multiculturalism: Some Brief Comparisons Between Singapore and Sydney. *European Journal of Cultural Studies*, 17 (4), 406–430. doi:10.1177/1367549413510419
- Zukin, S. (1991). *Landscapes of Power: From Detroit to Disney World*. Berkeley: University of California Press.

Received 26.09.2018

Accepted 6.11.2018

For citation: Bardin A.L. Interethnic Social Cohesion in the City: Concepts and Practices.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. № 4. Pp. 57–68.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ПОСЕЛЕНЧЕСКИЙ УРОВЕНЬ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ И ФИНАНСОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ¹

Р. Ф. Туровский

Туровский Ростислав Феликсович. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Кривоколенный пер., д. 3, Москва, 3103070, Россия.
Эл. почта: RFT777@mail.ru. ORCID 0000-0001-8496-3098

Аннотация. В статье проведен анализ общественно значимых функций поселенческого уровня местного самоуправления в России на основе статистических данных Минфина РФ о доходах и расходной политике поселений за последнее десятилетие в целом и в разрезе отдельных регионов. Главной целью исследования было выявление реально действующих функций (которые могут отличаться от закрепленных в законодательстве) местного самоуправления на поселенческом уровне. Наряду с этим предполагалось определить степень финансовой зависимости поселений от вышестоящих уровней власти и объем их государственной поддержки. Методология исследования основывалась на теории принципал-агентских отношений, исходя из того, что местное самоуправление на поселенческом уровне способно выступать в роли агента как государства, так и местного сообщества, но в условиях централизованной системы управления скорее выполняет ограниченный набор функций, определенных (и частично финансируемых) государством. Исследование продемонстрировало наличие неустойчивой ситуации с государственной поддержкой поселений и структурой его расходов, что не позволяет сделать поселенческий уровень устойчивым звеном в многоуровневой системе властных отношений в России. Низкое политическое влияние поселений взаимосвязано с изменением политики государства на более прагматичную — с переходом от активной поддержки поселений к их относительной финансовой автономизации, но с низким уровнем бюджетных доходов. В то же время в последние годы государство стало следовать логике политического бизнес-цикла, усилив поддержку поселений перед президентскими выборами 2018 г. Как показало исследование, в России минимизирована реализация поселениями социальных функций, в то время как приоритет отдан инфраструктурным вопросам (ЖКХ, дорожное хозяйство) и отмечаются непропорционально высокие расходы на содержание органов власти. Выявлено значительное региональное разнообразие функций и влияния поселений, что свидетельствует о наличии множества региональных моделей, сложившихся в связи с подходами региональных властей.

Ключевые слова: местное самоуправление, поселенческий уровень, бюджетный федерализм, расходная политика

Теоретические аспекты исследований поселенческого уровня местного самоуправления

Финансовые основы местного самоуправления (МСУ) являются предметом интереса для экономической географии, политологии, государственного и муниципального управления и т.д. Данный вопрос непосредственно связан с тематикой полномочий МСУ, которые и создают его расходные обязательства. Полномочия местного самоуправления напрямую исходят из его места в общей системе управления в государстве. Очевидно, что задачи МСУ можно разделить на те, которые локальное сообщество считает необходимым выполнять, и те, что ему делегированы

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект №17-03-00566 «Поселенческий уровень местного самоуправления в России: политическое положение и проблемы развития». Автор выражает благодарность А.Трудолюбову за помощь в написании данной статьи.

вышестоящими уровнями власти. Эта тема являлась важной для ранних теорий МСУ: разные подходы предполагали различный характер отношений между государством и общинами. Так, теория свободной общины англо-саксонского типа, разработанная Алексисом де Токвилем, включала в список задач муниципалитетов охрану общественного порядка, попечительство над бедными, образование, инспекцию дорог и т.д., а также установление и сбор налогов и сохранность казны – всего 19 задач, каждой из которых соответствовала отдельная должность (де Токвиль, 1992). Такой список обусловлен фактическим отсутствием исполнительной власти на уровне штатов в то время, а значит, и административной централизации.

Привлекшая в России большое внимание общественно-хозяйственная теория МСУ полагала, что полномочия местного самоуправления могут быть полностью отделены от государственных, так как касаются исключительно внутренних дел общины (Ильин, Стялова, 2012). Теория подверглась критике со стороны авторов «государственной» теории МСУ, полагавшей, что оно является просто представителем государства на местах, а значит и список его задач неотделим от задач государственной власти. Последнее соответствует остаточному принципу передачи полномочий, при котором центральное правительство передает на нижний уровень только те полномочия, которые сочтет релевантными именно для локального уровня. В рамках «юридической» теории МСУ; позиция несколько иная: во-первых, отрицался тезис об однозначно негативном влиянии административной централизации на свободу МСУ, во-вторых, заявлялось, что полномочия местного самоуправления полностью отделить от государственных невозможно. В список задач МСУ включались местное хозяйство, безопасность, благосостояние (максимально широкое понятие, включавшее в себя в том числе широкий список социальных обязательств) и общие государственные дела (Чичерин, 1894). Реализация этих полномочий должна происходить за счет местных налогов и повинностей, доходов от собственности. Законодательство предполагало, помимо указанного, непосредственное привлечение местных жителей на работы, использовались натуральные повинности, денежные сборы за пользование услугами МСУ (аналогичны государственному пошлинам), пособия от государственной казны и кредит. Указывалось на существование двух систем обложения: самостоятельные налоги и несамостоятельные, существующие в виде надбавок к государственным налогам (Архипкин, Караваева, 2011).

Также стоит упомянуть марксистские подходы к теории местного самоуправления («локальное государство», «дуалистичная политика», «неравномерное развитие»). Основная идея состояла в передаче МСУ полномочий, которые господствующий класс не считает важными для себя, а потому готов делегировать их местным властям, дабы они выступили в качестве буфера между ним и угнетаемыми слоями (Harloe, Pickvance, Urry, 2006).

В литературе принято считать, что при определении полномочий МСУ стоит придерживаться ряда принципов, таких как: фискальная равноценность (требование отдельной юрисдикции для каждой предоставляемой услуги); соответствие (требование большого числа пересекающихся юрисдикций); теорема децентрализации (каждая услуга должна предоставляться юрисдикцией, контролирующей минимальную территорию); субсидиарность (максимальное количество функционала должно быть на максимально низком уровне, за исключением тех случаев, когда это невозможно; подход противоположен остаточному принципу) (Boadway, Shah, 2009).

Конкретный список полномочий МСУ является предметом отдельных теоретических построений. Так, локалисты отдают этот вопрос на усмотрение самого локального сообщества. Индивидуалисты, выступающие с праволиберальных позиций, считают, что количество полномочий и их реализация должны регулироваться рыночными законами (желание гражданина платить за больший объем услуг или за меньший — его законное право). Централисты полагают, что объем услуг должен диктоваться центральным правительством, а мобилизационная теория (левые) выступает за максимально широкий объем расходных статей МСУ с целью обеспечить таким образом развитие человеческого капитала (Miller, Dickson, Stoker, 2000).

Далее стоит обратиться к теоретическим разработкам по фискальному федерализму. Для федерализма, как системы децентрализованного принятия решений свойственно вертикальное распределение власти между уровнями (федеральный — региональный — местный), при котором существуют как автономные сферы исключительной компетенции, так и сферы совместной деятельности различных уровней власти. Система подкрепляется существованием у каждого из уровней своих собственных источников доходов, на основании которых они реализуют свои задачи. К подобным позициям подходит и теория децентрализации, которая, руководствуясь принципом субсидиарности, рекомендует нагрузить местное самоуправление максимальным объемом полномочий. Данный принцип, правда, является предметом напряженных споров в научном сообществе, где количество голосов за уравнивается количеством голосов против (Boadway, Shah, 2009).

Отдельным вопросом является размер муниципалитетов, который во многом определяет их способность к предоставлению некоторых достаточно дорогостоящих услуг. А. Токвиль считал идеальным размер американской общины в 2500 чел., но община в его понимании заведовала небольшим списком вопросов, а малый размер скорее способствовал сохранению единства локальных сообществ. Б. Чичерин в этом плане различал города и села. Размер сел, с его точки зрения, не является важным, так как государство через региональные власти всегда могло заведовать на локальном уровне вопросами, стоимость которых превышала ресурсы отдельных общин. В то же время, считая самоуправление плотью и кровью городской жизни и учитывая больший объем городских ресурсов, Б. Чичерин полагал, что город в состоянии брать на себя больший объем полномочий, а его статус следует закрепить законодательно, допуская при этом вариант выделения городов из состава областей (Чичерин, 1894).

В современной литературе дискуссия не утихает. В основе ее лежат четыре основных вопроса.

1. Муниципалитет какого размера расходует средства эффективнее?
2. В каком муниципалитете участие граждан в политике выше (вопрос демократичности)?
3. Какой муниципалитет эффективнее справляется с перераспределением доходов?
4. Зависит ли экономическое развитие на территории муниципалитета от численности его населения? (Judge, Stoker, Wolman, 1995).

Вопросы демократичности в данной статье не затрагиваются. Отвечая же на первый вопрос, современная наука утверждает, что график эффективности муниципальных трат имеет форму, схожую с перевернутой параболой, в которой траты неэффективны в слишком больших и слишком маленьких муниципалите-

тах. Пиковую точку определяют примерно на уровне в 100 тыс. чел. (Multi-level Governance Reforms: Overview of OECD Country Experiences, 2017), т.е. речь идет все же о сравнительно крупных городах. Логично утверждать, что в малых поселениях объем полномочий либо должен быть существенно меньше, либо должны присутствовать некоторые альтернативные практики, например, передача части полномочий НКО, что неплохо себя показывает в городах среднего размера (Lankina, Hudalla, Wollmann, 2008).

В мировой практике доходы муниципалитетов принято делить на три категории: собственные доходы (местные налоги и сборы, дивиденды и т.д.), доходы из бюджетов верхних уровней (доли в совместных налогах, трансферты, гранты и т.д.) и прочие доходы (например, местные облигации). К местным налогам принято относить в первую очередь налог на собственность (земля, строения и т.д.), налог на продажу недвижимости, налоги на местные продажи, местные налоги на прибыль, на туризм (отели, рестораны), пошлины на рекламу, лицензирование и т.д. Трансферты принято подразделять на нецелевые и целевые. Совместными налогами обычно являются НДС, подоходный и корпоративный налоги (Farvacque-Vitkovic, Koranyi, 2014). Также существует система «performance grants», которая предполагает стимулирование местных властей к реформам и лучшей работе.

Следует обратить внимание на две классические модели фискального федерализма, сделав акцент на местном самоуправлении: децентрализованную американскую и кооперативную германскую.

Американская модель фискального федерализма предполагает систему «один уровень — один налог». Местное самоуправление в ее рамках получает доходы от налогов на собственность (землю в первую очередь), продажи, доходы и др. Основную часть налоговых доходов (более 70%) муниципалитеты в США получают от налогов на собственность. Также существует система межбюджетных трансфертов, которые в структуре местных доходов составляют около трети. Важным является тот факт, что Соединенные Штаты дополнительно используют систему специальных округов, которые часто значатся как муниципальные образования. Обычно это школьные округа, но возможна ситуация, когда несколько округов как бы наслаиваются друг на друга, забирая у муниципалитетов часть полномочий (Donovan, Smith, Mooney, 2013).

Германская модель предполагает существование еще и совместных налогов, в которых каждый из уровней обладает своей законодательно закрепленной долей. К ним относятся в первую очередь подоходный налог (42,5% — федерации и землям, 15% — муниципалитетам), корпоративный налог (по 50% — землям и федерации), НДС (пропорции динамичны, у МСУ — около 2%), существует также практика отчислений в бюджеты федерации и земель с промышленного и земельного налогов, собираемых на муниципальном уровне (Кузнецов, Кузнецова, 2015).

Российская модель фискального федерализма в целом схожа с германской, значимую роль в ней играют совместные налоги. Так бюджеты поселений получают 100% от налогов на землю и имущество физических лиц, а также 10% от подоходного налога (НДФЛ) и 50% от единого сельскохозяйственного налога. Муниципальные районы при этом получают те же 100% с земельного и имущественного налога с межселенных территорий, а также 10% от НДФЛ, 50% от единого сельскохозяйственного налога. Система трансфертов в РФ состоит из дотаций (на выравнивание и сбалансированность), субсидий (целевые трансферты) и субвенций (компенсация

стоимости реализации полномочий верхних уровней). Трансферты из бюджетов регионального уровня идут через систему фондов, либо финансовой поддержки поселений и финансовой поддержки муниципальных районов и городских округов; или же фонд поддержки поселений создается на уровне районов и финансируется за счет субвенций. Также существует практика отказа муниципальных образований от дотаций в пользу дополнительных отчислений от НДФЛ. «Performance grants» в нашей стране существовали в течение 2000-х гг. (Фонд реформирования региональных и муниципальных финансов), однако муниципалитеты получали гранты только в период с 2006 по 2009 г. (до этого они зачислялись в региональные бюджеты); планка численности населения муниципального образования, претендующего на грант, находилась на уровне 200 тыс. чел., затем опустилась до 100 тыс. чел. (Данилова, Лавров, Онищенко, Покатович, 2015).

В Российской Федерации согласно 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» существует двухуровневая модель МСУ. Вся территория субъектов федерации (за исключением городов федерального значения) разделена на городские округа (более крупные города региона) и муниципальные районы; районы в свою очередь включают в себя городские (малые города и поселки) и сельские поселения (один или несколько близлежащих населенных пунктов в сельской местности), также существуют городские округа с внутригородским делением и, соответственно, внутригородские районы, но это отношения к нашей теме не имеет². Под описание компактных общин подходит именно поселенческий уровень.

В список вопросов местного значения городских и сельских поселений входят:

- установление местных налогов и сборов;
- пользование имуществом, находящимся в собственности поселений;
- обеспечение теплоснабжения (ЖКХ);
- организация и содержание библиотек, культурных учреждений;
- содержание муниципального дорожного фонда;
- ритуальные услуги;
- содержание и развитие муниципального жилого фонда.

Остальные вопросы часто прописаны в форме «оказания содействия», «создания условий для...» и т.д. Также поселениям предоставляется право решать еще ряд вопросов, самыми крупными из которых можно назвать содержание музеев, муниципальной пожарной охраны, создание условий для туризма. Как можно увидеть, список полномочий поселенческого уровня МСУ в РФ довольно мал, в нем практически отсутствуют образование, здравоохранение, обеспечение общественной безопасности и т.д.

Тем не менее общая ситуация с бюджетами поселенческого уровня в Российской Федерации на данный момент довольно тяжелая. В целом по муниципальным образованиям исследователями часто отмечается «трансфертозависимость» по причине острой нехватки собственных доходов (Кириллова, Чиликин, 2010). В работах прошлых лет отмечалось, что на момент 2011 г. в структуре налоговых доходов поселений НДФЛ составлял 54,3%, а земельный налог — 38,4%, налоговые

---

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации^ Закон Российской Федерации от 06.10.2003 № 131-ФЗ (с изм. и доп. в ред. от 30.10.2017) // Российская газета. 2003. № 202.

доходы при этом составляли более 2/3 собственных доходов поселений. При этом собственные доходы имели долю лишь 40,1% от всех доходов. Что касается структуры трансфертов на тот период, то дотации имели долю в 42%, субсидии — 30%, субвенции — 4%, а 23% средств поступало от прочих трансфертов. По структуре расходов поселенческого уровня в 2011 г.: ЖКХ — 45,5%, общегосударственные вопросы — 21,7%, культура — 14,1%, остальные статьи расходов незначительны (Кузнецова, 2015).

Таким образом, прежде чем перейти к эмпирической части статьи, можно сделать следующий вывод — поселенческий уровень местного самоуправления в Российской Федерации обделен полномочиями и имеет крайне малый объем собственных доходов, не обеспечивающий ему финансовой автономии даже в том узком круге вопросов, которым он заведует. Во многом это объясняется наличием еще и районного уровня МСУ. Получается, что поселения попадают в логику остаточного принципа распределения полномочий между уровнями власти. Также с таким спектром дополнительных полномочий, который он может на себя взять, он не соответствует, например, рыночной теории индивидуализма, так как даже при наличии финансовых возможностей и желания граждан, конкретные поселения не в состоянии реализовывать дополнительные по-настоящему серьезные полномочия. Скорее российские поселения оказываются функционирующими согласно теории принципал-агентских отношений (Laffont, Martimort, 2002), но возникает вопрос, чьим агентом они являются: местного сообщества, которое выбирает органы власти в поселениях, или вышестоящих органов власти, прежде всего — государства (в лице в первую очередь региональной власти). В данном исследовании мы предполагаем, что определение полномочий поселенческого уровня местного самоуправления посредством федерального закона и их фактическое уточнение с помощью как региональных законов, так и конкретных практик выделения средств делает поселения агентом государственной власти, а также создает определенный баланс в их отношениях с вышестоящим уровнем местного самоуправления — районным, который находится в схожем политическом и финансовом положении. Ранее мы уже проводили исследование на базе теории принципал-агентских отношений для российского местного самоуправления в целом (Туровский, 2015) и теперь сосредоточимся на поселенческом уровне.

Бюджетные доходы российских поселений: бедность и самостоятельность

В настоящем исследовании мы провели анализ доходов и расходной политики поселенческого уровня местного самоуправления в России, сделав самостоятельные расчеты на основе официальной информации, представленной на сайте Минфина (www.minfin.ru) и Федерального казначейства (www.roskazna.ru). Наши задачи состояли в том, чтобы определить место и вес поселений в бюджетной системе, исследовать динамику, а также выявить реальные функции поселенческого уровня на основании анализа его расходов. В связи с проблемами доступности открытой и сопоставимой бюджетной статистики по поселениям мы вынуждены были ограничить свое исследование десятилетием (данные с 2007–2008 гг. по 2017 г. включительно). Но этот период как раз имеет важное значение. Дело в том, что в 2008 г. завершился длительный процесс вступления в силу нового федерального закона об общих принципах организации местного самоуправления в России, принятого в 2003 г. Этот закон определил обязательный характер

двухуровневого местного самоуправления с делением муниципальных районов на городские и сельские поселения. В свою очередь, это как раз и привело к формированию поселенческого уровня местного самоуправления в его нынешнем виде в связи с созданием большого числа поселений в тех районах, где населенные пункты до реформы не являлись муниципальными образованиями или ранее утратили этот статус. Иными словами, поселенческий уровень в рассматриваемый период стал широко распространенным, а в ряде регионов был просто создан с нуля.

В то же время число поселений и проживающих в них жителей в рассматриваемый период менялись, что важно учитывать при анализе статистики. Так, по данным Росстата, численность жителей поселений по всей стране достигала 58,1 млн. чел. по состоянию на 1 января 2012 г. Далее произошло некоторое сокращение, и в 2012–2014 гг. численность населения, проживающего в поселениях, составляла 57,3–57,5 млн. чел. Затем началось явное сокращение и числа самих поселений (в связи с их укрупнением и с созданием единых муниципальных образований — городских округов на базе бывших муниципальных районов), и численности проживающих в них людей, — до 56,1 млн. чел. на 1 января 2016 г., 55,8 млн. чел. на 1 января 2017 г. и, наконец, 53,3 млн. чел. на 1 января 2018 г. (данные, опубликованные на официальном сайте Росстата www.gks.ru). По этой причине и при анализе финансовой динамики будет корректным использовать показатели на душу населения с тем, чтобы нивелировать влияние постоянно меняющейся численности поселений и их жителей.

Анализ доходов поселенческого уровня демонстрирует волнообразную картину, что связано как с влиянием финансово-экономических кризисов, так и с частыми решениями государства по поводу перераспределения налоговой базы между уровнями власти (табл. 1). В частности, рост доходов поселений, превосходящий инфляцию, отмечался в 2009 и 2010 г., но в 2011 г. темпы роста уступили инфляции. Затем рост вновь отмечался в 2012 и 2013 гг., после чего на поселенческом уровне начались наиболее явные за всю его историю кризисные процессы. Так, рост доходов в 2014 г. вновь оказался ниже инфляции, а в 2015 и 2016 гг. происходил уже спад и в абсолютном выражении. Даже принимая во внимание происходившее в то же самое время снижение численности самих поселений, приходится констатировать, что и с учетом этой поправки объем бюджетных доходов в поселениях все равно падал. Наихудшая для поселений бюджетная динамика была отмечена по итогам 2015 г., но она стала немного выправляться в 2016 г. и, наконец, вновь продемонстрировала позитивную динамику в 2017 г. Последнее можно также связать с логикой политического бизнес-цикла, предусматривавшего попытки улучшения финансово-бюджетной ситуации на местах в преддверии президентской кампании 2018 г. Как видно, в отношении поселений эта логика полностью сработала.

Финансовое благополучие поселений, учитывая слабость их собственной доходной базы, сильно зависит от межбюджетных трансфертов. В этой связи тем более важно обратить внимание на динамику ситуации с собственными налоговыми и неналоговыми доходами поселений (табл. 2). Эта динамика в основном повторяет ситуацию с доходами в целом, но у нее есть и свои нюансы. Так, резкий рост собственных доходов поселений — почти в полтора раза (если не вводить поправку на инфляцию) отмечался в 2009 г., как раз по завершении формирования пореформенного поселенческого уровня МСУ, когда новая система полностью заработала.

Таблица 1. Динамика доходов поселенческого уровня местного самоуправления в России
Table 1. Budget revenues' annual change in Russia's settlements

Год	Объем доходов поселений, млрд., р.	Динамика доходов поселений к предыдущему году, %	Динамика доходов поселений с поправкой на инфляцию, %	Доходы поселений на душу населения, р.	Динамика доходов поселений на душу населения, %	Динамика доходов поселений на душу населения, с поправкой на инфляцию, %
2009	242,4	122,5	111,7	Нет данных	—	—
2010	267,4	110,3	100,6	Нет данных	—	—
2011	282,5	105,6	99,2	4 984	—	—
2012	322	114	106,5	5 616	112,7	105,3
2013	351,1	109	102	6 137	109,3	102,3
2014	368,5	104,9	93	6 427	104,7	92,8
2015	353	95,8	83,4	6 293	97,9	85,3
2016	348,7	98,8	93,5	6 252	99,3	94
2017	367,3	105,3	102,7	6 893	110,3	107,5

Примечание. Расчеты проведены автором на основе официальной статистики Минфина РФ и Федерального казначейства (www.minfin.ru и www.roskazna.ru).

Рост продолжился и в 2010 г., но в 2011 г., как и в случае с доходами в целом, он был уже ниже инфляции. Новый и тоже заметный рост собственных доходов происходил не только в 2013 г., но и (в отличие от доходов в целом, где картину испортило сокращение трансфертов) в 2014 г., причем в последнем случае этот рост все-таки превзошел немалую тогда инфляцию. Однако за этим в 2015 г. последовал серьезный спад, продолжившийся (но уже не в таких масштабах) в 2016 г. И, наконец, новое улучшение финансового положения поселений было достигнуто только в 2017 г.

Изучая доходную базу поселений, следует учитывать, что их собственные доходы находятся в высокой зависимости от считанного числа налогов (табл. 3). Как известно, Налоговый и Бюджетный кодексы закрепляют за поселениями (как и за местным самоуправлением в целом) только два налога — земельный налог и налог на имущество физических лиц. В условиях двухуровневого местного самоуправления эти налоги делятся в определенной пропорции между бюджетами муниципальных районов и поселений. В то же время известно, что основную часть налоговых поступлений органы местного самоуправления получают от подоходного налога, который делится между региональным и муниципальным уровнями власти. В связи с гораздо большими объемами сборов от этого налога именно он оказывается основным.

Проведенный нами анализ показал, что доля подоходного налога в доходах поселений находилась в рассматриваемый период на уровне 14–17%. Рост этой доли происходил непрерывно в 2011–2014 гг., достигнув в 2014 г. пика (17,1%). Затем этот показатель немного упал до 15–16%.

Таблица 2. Динамика собственных (налоговых и неналоговых) доходов поселенческого уровня местного самоуправления в России

Table 2. Own tax and non-tax revenues's annual change in Russia's settlements

Год	Объем собственных доходов поселенций, млрд. р.	Динамика собственных доходов к предыдущему году, %	Динамика собственных доходов к предыдущему году, % с поправкой на инфляцию	Объем собственных доходов поселений на душу населения, р.	Динамика объема собственных доходов поселений на душу населения к предыдущему году, %	Динамика объема собственных доходов поселений на душу населения к предыдущему году, %
2009	98,5	147,9	134,9	Нет данных	—	—
2010	108,9	110,6	100,9	Нет данных	—	—
2011	113,2	103,95	97,6	1 998	—	—
2012	137,4	121,3	113,3	2 396	119,9	112
2013	155,2	113	105,7	2 713	113,2	105,9
2014	184,7	119	105,5	3 222	118,8	105,3
2015	171,1	92,6	80,6	3 050	94,7	82,5
2016	169,5	99,1	93,8	3 039	99,6	94,2
2017	178,6	105,4	102,7	3 352	110,3	107,5

Примечание. Расчеты проведены автором на основе официальной статистики Минфина РФ и Федерального казначейства (www.minfin.ru и www.roskazna.ru).

В то же время самые большие колебания связаны с поступлениями от земельного налога, что объясняется повышением его ставок и более активными действиями властей по его внедрению и повышению его собираемости. Для поселений роль земельного налога оказалась и критически важной, и растущей. И здесь необходимо отметить, что с 2015 г. доля земельного налога в доходах поселений впервые превысила долю подоходного налога. Сама эта доля росла в 2009–2010 гг., но немного упала в 2011 г. После этого происходил непрерывный рост до 2015 г., когда и был достигнут наблюдаемый и поныне пик (18–19%). Для сравнения: в 2008 г. доля составляла только 7,6%, и последующая динамика свидетельствует о росте и объемов, и значимости земельного налога для поселений. Отмечается также рост значимости налога на имущество физических лиц, но пока поступления от этого налога в России очень малы, и он не способен стать надежной опорой для бюджетной системы поселенческого уровня. Тем не менее с 2014 г. доля этого налога в доходах поселений хотя бы превышает 2% и в самое последнее время стала приближаться к 3%.

С учетом критической важности поступлений от подоходного и земельного налогов становится понятной зависимость финансового благополучия поселений именно от этих налогов. Так, резкий спад поступлений от подоходного налога в 2015 г. и обусловил наибольшее в истории сокращение финансовой базы по-

Таблица 3. Доля основных налогов в доходной части бюджета поселений
Table 3. Share of own revenues in the whole amount of revenues in the settlements

Год	Подходный налог,%	Земельный налог,%	Налог на имущество физических лиц,%
2008	13,7	7,6	1,2
2009	15,4	11,2	1,9
2010	14,8	12	1,7
2011	15,3	10,85	0,5
2012	16,7	12,2	1,6
2013	16,9	13,4	1,9
2014	17,1	15,5	2,2
2015	15,2	19	2,55
2016	15,7	18	2,3
2017	15,8	19	2,9

Примечание. Расчеты проведены автором на основе официальной статистики Минфина РФ и Федерального казначейства (www.minfin.ru и www.roskazna.ru).

селений. Напротив, в 2009 и 2012 гг. отмечался значительный рост поступлений этого налога, что позитивно сказалось на поселениях. Что касается земельного налога, то поступления от него падали только в 2011 и 2016 гг., а в остальные годы отмечался рост.

Таким образом, финансовые основы поселенческого уровня местного самоуправления в России нельзя признать устойчивыми. С одной стороны, на них влияет политика государства, когда оно перераспределяет налоги между уровнями власти. В первую очередь поселенческий уровень уязвим по отношению к решениям, связанным с перераспределением подоходного налога. С другой стороны, не является устойчивой сама налоговая база. Она зависит, в частности, от ставок и администрирования земельного налога, но в этом случае как раз можно говорить об общей тенденции роста (в аналогичном положении, но с гораздо меньшими объемами сборов находится налог на имущество физических лиц). Также она зависит от ситуации с доходами и зарплатами жителей поселений. В целом государство продемонстрировало заинтересованность в том, чтобы в поселенческих бюджетах возрастала роль именно тех налогов, которые прямо отнесены к муниципальному уровню власти в соответствии с законодательством.

Традиционно принято считать, что поселения являются финансово самым слабым уровнем российской власти. Однако этот тезис нуждается в уточнении. Дело в том, что по формальному уровню финансовой самостоятельности поселения выглядят неплохо, и уровень их дотационности не следует преувеличивать. Наиболее высоким уровнем дотационности отличаются в России не поселения, а вышестоящий уровень — муниципальные районы, в которые они входят. Дело в том, что поселения выполняют весьма ограниченный набор функций, в связи с чем их бюджеты и не должны быть велики. И особенность российской многоуровневой бюджетной системы такова, что поселения в значительной степени обеспечивают себя сами — на том уровне доходов, который им необходим для реализации их функций. Для

Таблица 4. Доля собственных налоговых и неналоговых доходов в бюджетных доходах поселений и муниципальных районов

Table 4. Shares of own revenues in the whole amount of revenues in settlements and municipal districts

Год	Поселения,%	Муниципальные районы,%
2008	33,6	26,9
2009	40,6	24,9
2010	40,7	25,5
2011	40,1	24,4
2012	42,7	25,3
2013	44,2	25,9
2014	50,1	23,2
2015	48,5	25,2
2016	48,6 (58,6 — городские поселения, 40,7 — сельские поселения)	26
2017	48,6 (57,4 — городские поселения, 41,3 — сельские поселения)	25,9

Примечания. Расчеты проведены автором на основе официальной статистики Минфина РФ и Федерального казначейства (www.minfin.ru и www.roskazna.ru).

сравнения: районы выполняют более масштабные задачи и не в состоянии себя обеспечить, в связи с чем у них гораздо больше и бюджеты, и дотационность.

Проведенный нами анализ финансовой самостоятельности поселений (доля собственных доходов в общей доходной базе, табл. 4) свидетельствует о резком росте этой самостоятельности в 2009 г. и дальнейшем ее повышении вплоть до пика в 2014 г. Причем в 2014 г. первый и последний раз доля собственных доходов у поселений даже чуть превысила 50%. В самые последние годы уровень дотационности поселений немного вырос, но все равно собственные доходы составляют почти половину от всех доходов поселений. В статистике 2016–2017 гг., где приводятся отдельные данные для городских и сельских поселений, можно найти основания для ожидаемого вывода о том, что большей самостоятельностью характеризуются городские поселения, которые обеспечивают себя сами более чем наполовину.

С муниципальными районами ситуация совершенно иная, и она к тому же практически не меняется. Уровень финансовой самостоятельности муниципальных районов колеблется в изучаемый период вокруг 23–27%, т.е. составляет лишь около четверти, а все остальное обеспечивают трансферты из регионального бюджета. Поселения представляют собой заведомо самое слабое (с точки зрения объемов доходов и расходов) звено российской территориально-политической системы, но из этого отнюдь не следует его активное финансирование государством. Скорее задача государства видится сегодня в том, чтобы стабилизировать финансовое положение поселений на определенном уровне.

При этом налицо большие различия в степени финансовой автономии поселений. С этой точки зрения формально наиболее самостоятельными являются

поселения в совсем небогатой Псковской области, где более 80% их доходов составляют собственные доходы (расчеты проведены нами по итогам 2017 г.). Более 70% достигает этот показатель в таких очень разных регионах, как Московская и Саратовская области. Очевидно, что в этих регионах государственная власть не склонна дотировать поселения, но в некоторых случаях у них могут быть и свои неплохие доходы, например, от земельного налога (как в Подмоскovie). Напротив, минимальной финансовой самостоятельностью характеризуются поселения Ингушетии (доля собственных доходов едва более 5%), где и сам поселенческий уровень МСУ формировался с опозданием. Также крайне велика дотационность (собственные доходы составляют менее 20%) у поселений в Чечне, Якутии, Сахалинской и Свердловской областях. Из этого перечня уже понятно, что финансовая самостоятельность поселений зависит не от богатства и бедности региона и не от его географического положения, а в первую очередь от политического курса региональной власти в отношении местного самоуправления. В одних случаях поселения более или менее сносно существуют за счет дотаций, а в других являются бедными, но формально финансово самостоятельными.

Тем не менее трансферты все равно, конечно, играют огромную роль в финансировании поселений. Но возникает вопрос, в какой степени государство готово к финансированию, учитывая мизерное политическое влияние поселенческого уровня, которым в худшей ситуации можно и пренебречь. Проведенный нами анализ межбюджетных трансфертов показывает, что государство наращивало финансовую помощь поселениям после финансового кризиса и в течение 2009–2012 гг. (табл. 5). Положение немного изменилось в 2013 г., когда трансферты вновь выросли, но этот рост уже отставал от инфляции. Качественно иная ситуация с трансфертами возникает с 2014 г., когда государство, оказавшись в сложных геополитических и финансовых условиях, ежегодно стало сокращать трансферты поселениям и делало это вплоть до предвыборного 2017 г. Поэтому в условиях последнего финансово-экономического кризиса, в отличие от предыдущего, очевидно, что финансовая помощь поселениям оказалась на одном из последних мест среди государственных приоритетов. Опять же в логике политического бизнес-цикла помощь была увеличена к президентским выборам (но, что примечательно, не к думской кампании 2016 г., а только к президентской 2018 г.).

Тем временем существуют заметные различия в динамике поддержки поселений для различных видов межбюджетных трансфертов. В частности, государство не очень склонно к тому, чтобы поддерживать поселения с помощью дотаций. Это косвенно свидетельствует о том, что бюджетная ситуация на уровне поселений признается приемлемой, что позволяет государству сокращать свои обязательства. Наш анализ показывает, что объемы дотаций поселениям в рассматриваемый период чаще всего сокращались. Причем снижение их объема отмечалось не только в проблемный период 2014–2016 гг. (особенно резко — в 2014 г., который был неплохим для собственных доходов поселений), но еще и в 2009 и 2012 гг. И только один раз (в 2011 г.) рост дотаций оказался выше инфляции.

Тем самым поселения в высокой степени зависят от колебаний других видов трансфертов, которые, в свою очередь, больше уязвимы к ситуативным решениям, лоббизму и манипуляциям. В частности, сильнее всего меняется год от года размер субсидий. Крупный рост субсидий отмечался в 2009 и 2012–2013 гг. Напротив, в 2011

Таблица 5. Динамика межбюджетных трансфертов (% к предыдущему году; в скобках приведены те же данные с поправкой на инфляцию)

Table 5. Annual change of interbudgetary transfers (in % to the previous year, inflation-adjusted figures in brackets)

Год	Все межбюджетные трансферты,%	Дотации,%	Субсидии,%	Иные межбюджетные трансферты,%
2009	108,9 (99,3)	99,1 (90,4)	120,15 (109,6)	121,8 (111,1)
2010	110,7 (101)	104,2 (95,1)	110,4 (100,7)	136,3 (124,3)
2011	108,5 (101,9)	113,6 (106,7)	94,3 (88,5)	120,5 (113,1)
2012	109 (101,8)	94,25 (88)	137,5 (128,5)	100 (93,4)
2013	106,05 (99,2)	103,4 (96,7)	113 (105,7)	104,9 (98,1)
2014	94,1 (83,4)	98,9 (87,7)	89 (78,9)	95,35 (84,5)
2015	98,7 (86)	99,4 (86,6)	91,3 (79,5)	115,3 (100,4)
2016	99,15 (93,8)	98,9 (93,6)	100,3 (94,9)	99,2 (93,9)
2017	105,2 (102,5)	100,4 (97,9)	105,7 (103)	112,3 (106,4)

Примечание. Расчеты проведены автором на основе официальной статистики Минфина РФ и Федерального казначейства (www.minfin.ru и www.roskazna.ru).

и 2014–2015 гг. государство предоставляло поселениям гораздо меньше субсидий. В год думских выборов (2016 г.) ситуация стабилизировалась в том смысле, что объемы трансфертов в целом и по их отдельным разновидностям почти не изменились в абсолютном выражении. А в 2017 г. государство уже наращивало финансовую поддержку поселениям за счет субсидий. Схожим является и положение с иными межбюджетными трансфертами, составляющими значительную часть бюджетных доходов поселений. В их случае большой рост продолжался в 2009–2011 гг. и был также отмечен уже на фоне последнего кризиса, в 2015 г., а также в 2017 г. Сокращение оказалось наиболее заметным в 2014 г.

Проведенный анализ показывает, что государственная власть в России так и не выработала какой-либо единый подход к финансированию поселений. При возникновении у государства финансовых трудностей поселения оказываются самым слабым и маловлиятельным звеном и, как правило, поддержку им сокращают (это ярко продемонстрировала ситуация сразу после 2014 г.). В то же время в преддверии крупных федеральных избирательных кампаний внимание к поселениям опять возрастает, что продемонстрировали события 2017 г. Общая ситуация выглядит довольно хаотичной, о чем свидетельствуют значительные колебания объемов различных видов трансфертов год от года. Причем общая картина на самом деле является еще очень сглаженной: на уровне отдельных субъектов федерации эти колебания гораздо больше и хаотичнее. Значительную роль в финансировании поселений играют целевые трансферты, такие как субсидии. Иными словами, средства предоставляются поселениям не столько для решения их общих бюджетных проблем (дотации), сколько под те или иные проекты. И в таком случае возрастает значимость индивидуального подхода, поскольку объемы субсидий не всегда определяются по прозрачным правилам, и нередко выигрывают те поселения, которые находятся в особых отношениях с региональными (или районными) властями. В этих условиях бюджетная обеспеченность на уровне отдельных поселений и объ-

Таблица 6. Динамика бюджетных расходов поселений (в скобках приведены данные с поправкой на инфляцию)

Table 6. Annual change of budget expenditures in settlements (inflation-adjusted figures in brackets)

Год	Расходы, млрд. р.	Расходы на душу населения, р.	Динамика расходов, % к предыдущему году	Динамика расходов на душу населения, % к предыдущему году
2008	192,7	Нет данных	144,2 (125,1)	Нет данных
2009	236,2	Нет данных	122,6 (111,8)	Нет данных
2010	262,9	Нет данных	111,3 (101,5)	Нет данных
2011	280,6	4 828	106,75 (100,2)	Нет данных
2012	317,8	5 523	113,2 (105,8)	114,4 (106,9)
2013	343,5	5 999	108,1 (101,1)	108,6 (101,6)
2014	365,9	6 385	106,5 (94,4)	106,4 (94,3)
2015	355,2	6 331	97,1 (84,6)	99,1 (86,3)
2016	354	6 346	99,7 (94,3)	100,2 (94,8)
2017	368,3	6 911	104 (101,4)	108,9 (106,2)

Примечание. Расчеты проведены автором на основе официальной статистики Минфина РФ и Федерального казначейства (www.minfin.ru и www.roskazna.ru).

емы бюджетных доходов могут резко меняться год от года. Поэтому полагаться поселениям приходится скорее на собственные доходы, которых, однако, немного.

Расходная политика поселений: компетенции формальные и фактические

В условиях недофинансирования очевидно, что поселениям сложно выполнять на устойчивой основе какие-либо общественно значимые функции. Это подтверждает проведенный нами анализ расходной политики поселенческих бюджетов (табл. 6).

Общая динамика расходов яснее всего свидетельствует о наличии двух периодов — условно благополучного и неблагоприятного. Первый период захватывает 2008–2013 гг., когда расходы поселений стабильно росли, и все эти годы их динамика превосходила уровень инфляции. Самый резкий рост расходов отмечался в начале этого периода — в 2008 и 2009 гг. Заметим, что поселенческий уровень не был затронут кризисными процессами 2008–09 гг., когда доходы и расходы здесь росли.

Неблагополучный период начинается в кризисном 2014 г., когда рост расходов поселений не превысил уровень инфляции, а в 2015–2016 гг. расходы уже снижались в абсолютном выражении. Правда, в 2014 г. был достигнут пик расходов поселений в расчете на душу населения, но в реальных ценах эти цифры были ниже, чем в 2013 г., который, вероятно, можно признать кульминацией роли поселений в реализации общественно значимых функций, связанных с расходной политикой. Важно помнить, что в 2015–2016 гг. происходит сокращение числа поселений, но расходы все равно снижались еще быстрее. Этот период был прерван только в 2017 г., что мы склонны связывать с активизацией государственной политики, направленной на поддержку нижестоящих уровней власти, в преддверии президентской кампании. Но вряд ли это свидетельствует о начале нового, «благополучного» периода.

Наконец, ключевым вопросом в условиях неустойчивой финансовой ситуации и зависимости поселений от буквально всех вышестоящих уровней власти — от федерального до районного — становится формирование набора общественно значимых функций, которые способны реализовывать поселения. Учитывая политическую и финансовую зависимость поселений, их целесообразно рассматривать в соответствии с началами теории «принципал-агент», считая поселения в первую очередь агентом региональной государственной власти. Такое положение вызвано тем, что поселения сильно зависят от региональных трансфертов, а их функции определяются тоже фактически за счет решений государственной власти с учетом баланса отношений между поселениями и муниципальными районами.

Анализ расходной политики показывает, что на практике поселения выполняют очень ограниченный набор функций (табл. 7). Первое место в структуре расходов поселений устойчиво занимает жилищно-коммунальное хозяйство, но его доля может существенно меняться в зависимости от значимости некоторых других функций. Кроме того, понятно, что ЖКХ — это не прерогатива поселений, и в данной сфере функции распределены между всеми уровнями власти. Стабильную роль играют и расходы по статье «культура». Это связано с тем, что именно на поселенческий уровень зачастую возложено содержание бюджетных учреждений в этой сфере, и, кстати, по остаточному принципу.

Зато очень важной новой функцией поселений стало содержание части муниципального дорожного хозяйства — эта функция появилась у поселений как раз в связи с улучшением их финансового положения в начале десятых годов XXI в. Одновременно, но в гораздо меньших масштабах выросла роль поселений в финансировании физкультуры и спорта, т.е. в содержании своей части соответствующих муниципальных учреждений. Напротив, поселения свели к минимуму свою роль в поддержке сферы образования, которая и изначально была небольшой. Тем самым в структуре социальной бюджетной сферы поселениям досталась в первую очередь сфера культуры, а в наибольшей степени они сконцентрировались на решении вопросов ЖКХ и (позднее) дорожного хозяйства.

Проведенный анализ показывает, что ЖКХ всегда было ключевой функцией поселенческого уровня местного самоуправления в России. Его доля в бюджетных расходах поселений достигла пика в 2010–2011 гг. (на уровне около 45%), но затем стала падать, снизившись в итоге до уровня около 35%. Произошло это отчасти в связи с появлением с 2012 г. в структуре бюджетных расходов поселений такой значимой статьи, как дорожное хозяйство, доля которого с тех пор превышает 10% и к 2017 г. достигла пика, превысив 16%. По совокупности эти инфраструктурные направления получают более половины средств, расходуемых поселениями.

При этом динамика расходов поселений на ЖКХ в целом соответствует общероссийским тенденциям, когда финансирование этой сферы стало целенаправленно сокращаться. Резкий рост расходов произошел в 2008 г., когда и сама значимость поселений в этой сфере вышла примерно на нынешний уровень. Рост продолжался и в 2009–2011 гг. Ситуация с финансированием ЖКХ начинает принципиально меняться с 2012 г., когда его объемы в абсолютных величинах стали сокращаться (исключение составили 2014 и 2017 гг., но тогда рост расходов поселений на ЖКХ не превысил размеры инфляции).

Дорожное хозяйство, напротив, буквально «ворвалось» в структуру фактических полномочий поселений в 2012 г., сразу заняв там одно из главных мест. Это произо-

Таблица 7. Расходы поселений на основные статьи (доля статьи расходов,%, в скобках — динамика расходов,% к предыдущему году без поправки на инфляцию)

Table 7. Principal items of expenditures (shares of items in%, annual change in% in brackets — not inflation-adjusted figures)

Год	ЖКХ,%	Общегосударственные вопросы,%	Культура,%	Дорожное хозяйство,%	Физкультура и спорт,%	Образование,%
2007	33,75	24,35	11,2	Отсутствуют	1,36	7,2
2008	39,85 (170,2)	22,6% (133,6)	11,05 (142,5)	1,34	1,71 (180,7)	5,5 (110,3)
2009	42,65 (131,2)	21,75 (118,2)	11,2 (124,7)	1,46 (132,7)	1,69 (121,6)	3,7 (83,2)
2010	45,25 (118,1)	20,8 (106,6)	11,2 (110,6)	1,85 (141,6)	1,84 (120,8)	3,4 (100,8)
2011	45,5 (107,3)	21,7 (111,05)	13,6 (130,4)	1,26 (72,4)	2,4 (137,2)	3,2 (100,2)
2012	39,1 (97,45)	21,6% (112,7)	13,4 (111,2)	11,2 (рост в 10,1 раз)	2,35 (112,8)	2,4 (85)
2013	36 (99,5)	22 (110)	14,6 (117,7)	13,1 (126,8)	2,45 (112,7)	1,8 (80,2)
2014	36,4 (107,5)	21,9 (106,3)	15,1 (110,3)	12,7 (103,1)	2,7 (116,1)	1,45 (87,2)
2015	36,2 (96,6)	23,1 (102,3)	14,8 (95,3)	12,75 (97,4)	2,95 (107,3)	1,4 (93,8)
2016	35,1 (96,7)	22,35 (96,4)	14,6 (98)	15,6 (122,2)	2,6 (87,8)	1,7 (122,7)
2017	34,4 (101,9)	22 (102,5)	15,6 (111,1)	16,1 (106,9)	2,8 (110,9)	1,7 (101,8)

Примечание. Расчеты проведены автором на основе официальной статистики Минфина РФ и Федерального казначейства (www.minfin.ru и www.roskazna.ru).

шло в связи с изменением государственной политики в отношении финансирования дорожного хозяйства, позволившей создание на местах дорожных фондов: поселения в результате этого процесса самостоятельно включились в финансирование строительства и ремонта своих муниципальных дорог. Рост расходов на эту сферу продолжился в 2013 г., но затем свою роль стали играть финансовые ограничения — рост расходов в 2014 г. был незначительным, а в 2015 г. и вовсе произошел спад. Однако в 2016–2017 гг. обращает на себя внимание новый существенный рост расходов на дороги, в результате которого и сама доля этой сферы в расходах поселений достигла своего исторического максимума. Возможно, это событие было связано с общим ростом внимания государства к решению инфраструктурных проблем перед выборами, в соответствии логике политического бизнес-цикла.

Примечательно, что в России собственно социальная сфера относится к поселенческому уровню в существенно меньшей степени. Как мы уже отмечали, на

поселения была возложена главным образом нагрузка по содержанию наименее «крупной» подобной сферы — муниципальных культурных учреждений. Доля этой сферы в расходах муниципалитетов кардинально не менялась, но выросла в 2011 г., и с 2013 г. составляет около 15%. Сами расходы поселений на эту сферу непрерывно росли в 2008–2013 гг., но в 2015–2016 гг. происходил уже спад в абсолютных величинах, преодоленный опять-таки в 2017 г. Тем самым бремя содержания учреждений культуры в условиях острой фазы кризиса было для поселений неподъемным. В гораздо меньших масштабах поселения финансируют физкультуру и спорт. Причем доля расходов на эту сферу стала значимой не сразу, превысив 2% с 2011 г., но никогда в период наблюдений не превосходила 3%.

В то же время содержание наиболее затратных социальных направлений для поселений оказывается невозможным. Как известно, содержание здравоохранения оказалось неподъемным и для местного самоуправления в целом, в связи с чем его финансирование целиком перешло на уровень регионов. Но как раз поселения этой сферой вообще не занимались. Частично в их фактическом ведении находилось образование, причем как общее, так и дошкольное. Но в этой связи как раз показательно то, что эта функция в условиях бюджетных ограничений поселениями была почти полностью утрачена. Если в 2007 г. доля расходов на образование составляла хотя бы 7,2%, то с 2013 г. она уже не превышает 2%. Правда, в 2016–2017 гг. отмечался рост расходов поселений на образование после продолжавшегося несколько лет спада, что, вероятно, тоже связано с избирательным циклом. В любом случае расходы поселений на образование остались очень скромными.

Напротив, характерной чертой поселенческого уровня местного самоуправления в России является очень высокая доля расходов на общегосударственные вопросы, т. е. фактически на содержание собственной бюрократии. На всех других уровнях власти в России эта доля гораздо ниже. И это не только важный показатель финансовой слабости поселенческого уровня, но и повод задаться вопросом об эффективности его функционирования. Ведь с экономической точки зрения странной выглядит ситуация, когда органы местного самоуправления собирают налоги для того, чтобы платить самим себе зарплаты, и вряд ли у населения есть смысл содержать такие органы власти. Доля расходов на общегосударственные вопросы у поселений стабильно превышает 20%, причем сокращение этих расходов в абсолютных величинах произошло только один раз — в 2016 г. Наиболее масштабный рост таких расходов отмечался в 2008–2009 и 2011–2013 гг. Если учитывать, что поселения наполовину зависят от трансфертов, то получается, что на содержание органов власти там уходит едва ли не половина собственных доходов. Причем в некоторых регионах эта доля еще более высокая (табл. 8).

Оценивая общий вклад поселений в расходную политику государства, стоит заметить, что доля поселений во всех расходах консолидированного регионального бюджета является очень низкой, находясь в диапазоне 3–4% (табл. 8). За весь рассматриваемый период она лишь в 2010 г. составила ровно 4%, а во все другие годы была ниже (минимум в этот период был отмечен в самом его начале (в 2008 г.) — 3,1%).

Исследование также показывает, что ни одна из сфер поселения в рамках региона не выделяется при их финансировании. Наиболее важную роль в регионах (и в целом) поселения играют при финансировании сферы культуры, где их доля в некоторые годы приближалась к 20%. Роль поселений в финансировании ЖКХ

Таблица 8. Доля поселений в бюджетных доходах и расходах консолидированного регионального бюджета, %

Table 8. Shares of settlements in budget revenues and expenditures of consolidated regional budgets, in%

Год	Доходы	Собственные доходы	Расходы в целом	Культура	ЖКХ	Общегосударственные вопросы	Дорожное хозяйство	Физкультура и спорт
2008	3,2	1,4	3,1	12,6	7,5	9,8	0,6	3,2
2009	4,1	2,3	3,8	16,1	11,8	11,3	0,9	4
2010	4,1	2,2	4	16,4	14,2	11,4	1,3	4,7
2011	3,7	1,9	3,65	18,2	13,2	13	0,8	4,6
2012	4	2,15	3,8	18,55	14,1	13,5	5,5	4,8
2013	4,3	2,4	3,9	19,3	13,7	13,7	6,2	4,9
2014	4,1	2,6	3,9	19,1	14,7	13,7	6,6	5,1
2015	3,8	2,2	3,75	18,85	15	13,6	6,1	5,4
2016	3,5	2	3,6	16,8	13,3	12,7	6,4	4,35
2017	3,4	2	3,4	15,5	11,2	12,3	6,3	4

Примечание. Расчеты проведены автором на основе официальной статистики Минфина РФ и Федерального казначейства (www.minfin.ru и www.roskazna.ru).

значительна, но все же весьма ограничена, составляя около 11–15%. При всей значимости расходов поселений на дорожное хозяйство в масштабах региона это все-таки очень немного, и доля поселений оказалась на уровне 5–6% от всех объемов регионального финансирования. В том же положении находятся физкультура и спорт, доля которых лишь в отдельные годы превосходила 5%. И при этом бросается в глаза чрезмерная доля поселений в региональных расходах на общегосударственные вопросы, которая после 2009 г. стабильно превышает 10% и временами приближается к 14%. Это еще один критерий низкой эффективности поселенческой бюрократии, что, конечно, подталкивает государство к принятию решений об оптимизации поселенческой структуры МСУ.

В системе двухуровневого местного самоуправления важную роль играет также формирование баланса в отношениях между поселениями и муниципальными районами. И здесь налицо безусловное доминирование районного уровня. Так, рассчитанный нами показатель отношения объема доходов поселений к объему доходов муниципальных районов установился к 2009 г. и с тех пор мало изменялся. В среднем районы получают в России в три раза больше средств, чем поселения. Однако с собственными налоговыми и неналоговыми доходами ситуация иная, поскольку районы получают и гораздо больше трансфертов из регионального бюджета. В данном случае показатель отношения приближается к 0,5 и в 2014 г. даже составил 0,55, т.е. налоговые и неналоговые доходы районов больше аналогичных доходов поселений примерно в два раза.

Интересные результаты дает сравнительный анализ общественно значимых функций районного и поселенческого уровней власти. Мы провели его, сопоставляя

объемы бюджетных расходов на те или иные направления и доли этих направлений в расходах по итогам 2017 г.

Интересно, что поселения играют более значимую или сопоставимую роль в финансировании ЖКХ и дорожного хозяйства. Соотношение расходов оказывается в пользу поселений в случае ЖКХ и примерно одинаковым для дорожного хозяйства. Очень существенно отличается доля этих направлений в расходах: для ЖКХ это — 34,4% в бюджетах поселений и только 6,5% — в бюджетах районов, для дорожного хозяйства — 15,6% у поселений и 3,9% — у районов.

Напротив, принципиально иная ситуация возникла в сфере образования, где расходы поселений на два порядка меньше, чем расходы районов. Причем именно сфера образования является основной для расходной политики муниципальных районов, на нее тратится 57,6% средств. В сфере здравоохранения сейчас незначимы и поселения, и районы. Что касается социальной политики (как отдельной статьи расходов), то у районов это небольшая, но все-таки значимая функция (8,5% расходов), а у поселений ее фактически нет.

В остальных значимых для поселений сферах они все-таки отстают по объемам расходов от районного уровня власти. Например, районы тратят на культуру в целом больше, чем поселения, хотя доля культуры в их расходах невелика (4,7%, у поселений — 15,6%). В два раза больше средств расходуют районы на физкультуру и спорт.

Таким образом, в решении всех социальных вопросов муниципальные районы оказываются значимее поселений. Фактически в двухуровневом МСУ социальная сфера находится на содержании у районных властей. На поселенческий уровень в российской практике частично перенесена финансовая нагрузка, связанная с локальным инфраструктурными вопросами — ЖКХ и дорогами.

В то же время в России не сложилась единая практика наделения поселенческого уровня какими-либо определенными полномочиями. Приведенные выше усредненные данные скрывают огромные межрегиональные различия. Например, по расчетам за 2017 г., расходы на ЖКХ абсолютно доминируют в расходах поселений, составляя более 50%, в некоторых северных регионах — на Чукотке и Сахалине, но к ним присоединяются также Республика Марий Эл и два региона Центральной России — Калужская и Тульская области. Напротив, в Туве эта доля не превышает 10%, а в Кабардино-Балкарии составляет только 5,9%.

Столь же огромные различия связаны с финансированием дорожного хозяйства. У поселений уже отмеченной Кабардино-Балкарии эта доля, наоборот, является рекордной, превышая 40%. Более 30% составляют эти расходы в Самарской, Смоленской и Омской областях. А в Туве поселения этой сферой практически не занимаются (менее 1,1%), в Чечне расходов на нее в 2017 г. не было вообще, а в Республике Алтай, Республике Коми и Курской области доля не превышает 5%.

В сфере культуры поселения играют самую большую роль в Карачаево-Черкесии (более 30% расходов). Напротив, на Чукотке, в Ненецком АО и Марий Эл поселения на эту сферу не расходовали никаких средств, а в Смоленской области доля не превышала 1%. Расходами же поселений на физкультуру и спорт особенно выделяются Республика Алтай и Северная Осетия (более 10%), значительно опережая все прочие регионы.

Встречаются и ситуации, когда поселения в отдельных регионах играют важные роли в финансировании направлений, которые в целом этому уровню сейчас не свойственны. Особенно интересна ситуация со сферой образования, где выделяются

два региона: поселения Татарстана расходуют на эту сферу 23,4% средств, а Челябинской области — 10,8%. Нигде больше регионы и близко не подходят к таким результатам (только в Ингушетии и Новосибирской области доля превышала 5%).

Есть также регионы с заметными тратами поселений на другие «нетипичные» сферы. Например, расходами на социальную политику выделяются поселения Ненецкого АО (более 9%), Адыгеи (более 7%), Оренбургской и Томской областей (более 6%), Камчатки (более 5%). На Чукотке поселения, учитывая специфику удаленного региона, направляют более 8% расходов на транспорт (эта доля составляет более 6% еще и в Калининградской области). В Мордовии поселения расходуют более 7% средств на сельское хозяйство и рыболовство, более 2% составляет этот показатель в Омской и Самарской областях.

Отдельное внимание стоит обратить на огромные различия в доле расходов на общегосударственные вопросы. В Туве она превышает 70%, а в Чечне — 50%, что, по сути, делает бессмысленным существование там поселенческого уровня, если бюджетные средства уходят главным образом на содержание местных органов власти. Близок к тому же состоянию еще ряд регионов с расходами на уровне более 40% — Республика Алтай, Бурятия, Дагестан, Республика Коми, Забайкальский край, Орловская, Тюменская области, Еврейская АО и Ненецкий АО. Заметим, что и этот список разнообразен — в нем немало республик, есть ряд северных и восточных регионов, но ими дело не ограничивается. В то же время в Тульской области, в отличие от соседней Орловской, ситуация принципиально иная, и эти расходы не превышают 10%.

Таким образом, на фоне условной общероссийской картины можно говорить о множестве региональных моделей фактического наделения поселений тем или иным функционалом. В отдельных регионах поселения играют значимые роли и в социальной сфере. В удаленных и других своеобразных районах у поселений могут появляться и иные специфические функции. Но есть региональные модели, где поселения, по сути, вообще не занимаются решением общественно значимых задач, тратя основную часть средств на содержание органов власти. Тем самым речь идет о стихийно сложившемся региональном разнообразии, которое к тому же не имеет какой-то ярко выраженной территориальной привязки. По сути, формирование поселенческого функционала связано с конкретными региональными практиками и решениями региональных властей, и его география имеет хаотичный характер.

В целом же поселения, несмотря на сравнительно высокий формальный уровень финансовой автономии (хотя бы в сравнении с районами), не обрели какого-то ясно определенного места в системе распределения общественных благ в России. Их конкретный функционал в России приобрел специфические черты — в нем меньше социальных вопросов (хотя, казалось бы, именно поселения географически расположены ближе всего к гражданам) и больше инфраструктурных. Но при этом выделяется разнообразие региональных моделей с разным уровнем финансовой автономии и разной структурой расходной политики поселений. Весь этот функционал реализуется в условиях финансовых ограничений и слабой поддержки государства, что было особенно очевидным после 2014–15 гг., когда система поселений фактически вновь начала свертываться и через сокращение финансирования, и через уменьшение числа самих поселений. Хотя политический бизнес-цикл в 2016 и особенно в 2017 гг., связанный в первую очередь с президентскими выборами 2018 г., способствовал небольшому росту значимости поселений в решении социально значимых задач, здесь скорее можно говорить о временной

благоприятной конъюнктуре, которая как раз в логике политического бизнес-цикла может вновь измениться в худшую сторону.

Библиографический список

- Архипкин, И., Караваева, И. (2011). Зарождение отечественной теории местных финансов. *Вестник Института экономики Российской академии наук*, 3, 273–283.
- Данилова, Я. А., Лавров, А. М., Онищенко, В. В., Покатович, Е. В. (2015). Стимулирование субнациональных властей в проведении бюджетных реформ: российский опыт. *Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал*, 5, 5–25.
- Ильин, О. Ю., Стялова, И. К. (2012). Сущность местного самоуправления в теориях дореволюционных российских исследователей. *Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика*, 5, 148–154.
- Кириллова, Л. Н., Чиликин, А. Ю. (2010). Особенности управления муниципальными финансами в России. *Экономический журнал*, 19, 116–126.
- Кузнецов, А. В., Кузнецова, О. В. (2015). *Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии*. Москва: ИМЭМО РАН.
- Кузнецова, О. В. (2015). *Региональная политика России: 20 лет реформ и новые возможности*. Москва: «Книжный дом ЛИБРОКОМ».
- Токвиль, А. де. (1992). *Демократия в Америке*. Москва: Прогресс.
- Туровский, Р. Ф. (2015). Российское местное самоуправление: агент государственной власти в ловушке недофинансирования и гражданской пассивности. *Полис. Политические исследования*, 2, 35–51.
- Чичерин, Б. Н. (1894). *Курс государственной науки. Тома I–III*. Москва: Типография товарищества И. Н. Кушнерев и Ко.
- Boadway, R. & Shah, A. (2009). *Fiscal federalism: Principles and Practice of Multiorder Governance*. New York: Cambridge University Press.
- Donovan, T., Smith, D. A. & Mooney, C. Z. (2013). *State and Local Politics: Institutions and Reform*. Boston: Wadsworth.
- Farvacque-Vitkovic, C. D. & Kopanyi, M. (Eds.). (2014). *Municipal Finances: A Handbook for Local Governments*. Washington: World Bank Publications.
- Harloe, M., Pickvance, C. G. & Urry J. (Eds.). (2006). *Place, Policy and Politics: Do Localities Matter?* London: Unwin Hyman.
- Judge, D., Stoker, G. & Wolman, H. (Eds.). (1995). *Theories of Urban Politics*. London: Sage.
- Laffont, J.-J. & Martimort, D. (2002). *The Theory of Incentives: the Principal-Agent Model*. Princeton: Princeton University Press.
- Lankina, T., Hudalla, A. & Wollmann, H. (2008). *Local Governance in Central and Eastern Europe: Comparing Performance in the Czech Republic, Hungary, Poland and Russia*. Basingstoke: Palgrave.
- Miller, W., Dickson, M. & Stoker, G. (2000). *Models of Local Governance: Public Opinion and Political Theory in Britain*. London: Palgrave.
- Multi-level Governance Reforms: Overview of OECD Country Experiences. (2017). Retrieved from http://www.oecd-ilibrary.org/governance/multi-level-governance-reforms_9789264272866-en
- Nordhaus, W.D. The Political Business Cycle. (1975). *The Review of Economic Studies*, 42 (2), 169–190.

Статья поступила в редакцию 22.09.2018

Статья принята к публикации 6.11.2018

Для цитирования: Туровский Р. Ф. Поселенческий уровень местного самоуправления в России: общественные функции и финансовые возможности. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 4. С. 69–91.

SETTLEMENT LEVEL OF LOCAL GOVERNMENT IN RUSSIA: SOCIAL FUNCTIONS AND FINANCIAL OPPORTUNITIES

R.F. Turovsky

Rostislav F. Turovsky, National Research University Higher School of Economics,
Krivokolennyj per., 3, Moscow, 103070, Russia.

E-mail: RFT777@mail.ru. ORCID 0000-0001-8496-3098

Acknowledgements. This article is a result of the study supported by Russian foundation for basic research, project № 17-03-00566 "Settlement level of local government in Russia: political status and problems of development".

Abstract. In this article the author analyzes the socially important powers of the settlement level of local self-government in Russia using statistical data of the Russia's Ministry of Finance on the regional revenues and expenditures during the last decade both for all the settlements in Russia and for the particular regions. The main research goal was to define the really working functions (being probably different from those prescribed by law) of local self-government in the settlements. Besides it was important to study the degree of financial dependency of settlements and the volume of state support for them. The methodology is based on the theory of principal-agent relations which means that the local self-government in settlements can act as an agent of both the state and the local community. However in a centralized system it acts rather as an agent of the state dealing with the limited set of powers defined and partly sponsored by the state. The study shows rather unstable state support of the settlements and ever-changing structure of their expenditures. As a result settlements still cannot find an appropriate place in the system of multilevel government in Russia. Tiny political influence of settlements is entwined with the change of the state policy towards more pragmatism – from active state support of settlements to relative financial autonomy but with very small budget revenues. At the same time the state has moved to the policies of political business cycle recently, rising up the financial support of the settlements before the 2018 presidential elections. The study also shows that Russia's settlements are mostly deprived of social functions while giving priority to infrastructure (housing, communal services, roads etc) and spending high shares of money on the maintenance of local administrations themselves. Finally the author reveals huge regional diversity of powers and influence of settlements which is the evidence of many regional models evolving according to the local policies of different regional governors.

Keywords: local government, settlement, fiscal federalism, expenditure policy

DOI: 10.31429/26190567-19-4-69-91

References

- Arhipkin, I., Karavaeva, I. (2011). Zarozhdenije otechestvennoj teorii mestnyh finansov [The Beginning of Russia's Theory of Local Finances]. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossijskoj Akademii Nauk* [Bulletin of Institute of Economy of Russian Academy of Sciences], 3, 273–283.
- Boadway, R. & Shah, A. (2009). *Fiscal federalism: Principles and Practice of Multiorder Governance*. New York: Cambridge University Press.
- Chicherin, B. N. (1894). *Kurs gosudarstvennoj nauki* [A Course of the Science of the State]. Moscow: Tipografija tovarischestva I. N. Kushnerev.
- Danilova, Ya. A., Lavrov, A. M., Onischenko V.V. & Pokatovich, Ye. V. (2015). Stimulirovanie subnatsional'nyh vlastej v provedenii budzhethnyh reform: rossijskij opyt [Incentives for Subnational Authorities to Promote Fiscal Reforms: Russian Experience]. *Nauchno-issledovatel'skij finansovyj institut. Finansovyj zhurnal* [Scientific Financial Institute. Journal of Finance], 5, 5–25.
- Donovan, T., Smith, D. A. & Mooney, C. Z. (2013). *State and Local Politics: Institutions and Reform*. Boston: Wadsworth.
- Farvacque-Vitkovic, C. D. & Kopanyi, M. (Eds.). (2014). *Municipal Finances: A Handbook for Local Governments*. Washington: World Bank Publications.

- Harloe, M., Pickvance, C. G. & Urry J. (Eds.). (2006). *Place, Policy and Politics: Do Localities Matter?* London: Unwin Hyman.
- Ilyin, O. Yu., Stjalova, I. K. (2012). Suschnost' mestnogo samoupravlenija v teorijah dorevolucionnyh rossijskih issledovatelej [The Essence of Local Self-government in Theories of Russian Pre-revolutionary Scholars]. *Gosudarstvennoje i municipal'noe upravlenie v XXI veke: teorija, metodologija, praktika* [State and Municipal Government in XXI Century: Theory, Methods, Practice], 5, 148–154.
- Judge, D., Stoker, G. & Wolman, H. (Eds.). (1995). *Theories of Urban Politics*. London: Sage.
- Kirillova, L. N., Chilikin, A. Yu. (2010). Osobennosti upravlenija municipal'nymi finansami v Rossii [The Features of Management in Municipal Finances in Russia]. *Ekonomicheskij zhurnal* [Journal of Economy], 19, 116–126.
- Kuznetsov, A. V. & Kuznetsova, O. V. (2015). *Regional'naja politika: zarubezhnyj opyt i rossijskije realii* [Regional Policy: Foreign Experience and Russian Reality]. Moscow: IMEMO RAN.
- Kuznetsova, O. V. (2015). *Regional'naja politika Rossii: 20 let reform i novye vozmozhnosti* [Russia' Regional Politics: 20 years of Reforms and New Opportunities]. Moscow: Knizhnyj dom LIBROKOM.
- Laffont, J.-J. & Martimort, D. (2002). *The Theory of Incentives: the Principal-Agent Model*. Princeton: Princeton University Press.
- Lankina, T., Hudalla, A. & Wollmann, H. (2008). *Local Governance in Central and Eastern Europe: Comparing Performance in the Czech Republic, Hungary, Poland and Russia*. Basingstoke: Palgrave.
- Miller, W., Dickson, M. & Stoker, G. (2000). *Models of Local Governance: Public Opinion and Political Theory in Britain*. London: Palgrave.
- Multi-level Governance Reforms: Overview of OECD Country Experiences. (2017). Retrieved from http://www.oecd-ilibrary.org/governance/multi-level-governance-reforms_9789264272866-en
- Nordhaus, W.D. The Political Business Cycle. (1975). *The Review of Economic Studies*, 42 (2), 169–190.
- Tocqueville, A. (1992). *Demokratija v Amerike* [Democracy in America]. Moscow: Progress.
- Turovsky, R. F. (2015). Rossijskoje mestnoje samoupravlenie: agent gosudarstvennoj vlasti v lovushke nedofinansirovanija i grazhdanskoj passivnosti [Russia's Local Self-government: an Agent of State Authorities in a Trap of Poor Financing and Civic Inactivity]. *Polis. Politicheskije issledovanija* [Polis. Political Studies], 2, 35–51.

Received 22.09.2018

Accepted 6.11.2018

For citation: Turovsky R.F. Settlement Level of Local Government in Russia: Social Functions and Financial Opportunities. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 4. Pp. 69-91.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

EU CULTURAL POLICY AND EUROPEAN IDENTITY: A WAY TO VIEW THEIR CORRELATION

M. Stoicheva

Maria Stoicheva, Sofia University St Kliment Ohridski, 15 Tzar Osvoboditel blvd, Sofia, 1504, Bulgaria. E-mail: maria.stoicheva@gmail.com. ORCID 0000-0002-3093-4715

Abstract. The paper considers the extent to which European cultural identity can be shaped through EU cultural policy. It follows the chronology of the EU cultural policy aiming to identify its capacity to build a cultural identity for the Europe of the EU. In the same line of reasoning it attempts to find what its evolution could tell us about European identity and the potential of identification with the EU. Three periods in the historical overview of the EU cultural policy are distinguished from the beginning of the process of European integration to the adoption of the first strategy for culture, which includes a new understanding of the role of culture in the framework of EU policies. Drawing on the assumption that the cultural dimension of European identity is 'bound' with national identity, the dynamics of the formation and outlining of the scope of the EU cultural policy draws the attention to the cultural aspect of the understanding of European identity. The process of shaping of the EU cultural policy in the family of EU policies is inseparable from the dynamics and the awareness of the necessity of application of political instruments for formation of 'cultural identity' of 'Europe of the EU', although the main outcomes of EU action in cultural matters are limited.

Keywords: European identity, cultural identity, cultural policy, EU cultural policy, European integration, EU competences

Raise the question of Europe's cultural dimension and you also have to raise that of the European identity or, more reasonably, identities, without shrinking from shaking the kaleidoscope and bringing strong, often contradictory, pictures into view.

Is it possible to reunite Europe without pondering on the European identity and without trying to identify what conception Europeans should have of themselves? Frankly, I do not think so, even if this undertaking turns out to be risky and difficult.

Delors 1999

Reuniting Europe: Our Historic Mission

In the spring of 2002, upon the initiative of the then President of the European Commission, Romano Prodi, a group of Europeans with intellectual credentials, political experience and a stature transcending that of the political parties in their countries was set up to reflect on values that are particularly relevant to the continuing process of European unification. They remarked that the Union's expansion brought into the Union 'people who are often much poorer and culturally vastly different from the majority of the citizens in the older member states'¹. Similarly, Shore (2006) points to a similar ambiguity in whether Europe is conceived as a unified or singular cultural entity in examining the interrelation between EU cultural policy and the governance of Europe.

¹ The Spiritual and Cultural Dimension of Europe, Reflection Group, Concluding Remarks. (2005) https://ec.europa.eu/research/social-sciences/pdf/other_pubs/michalski_091104_report_annexes_en.pdf.

Yet there is something curiously contradictory in the way the concept of culture is conceived and deployed in EU official discourses, a confusion that is perhaps symptomatic of a more profound philosophical ambiguity over the status and definition of the Union and its people(s). (Shore 2006: 7)

In this contribution particular attention will be given to the extent to which a European cultural identity is shaped through EU cultural policy. Why was cultural policy actually introduced? How has it originally been conceived and how can its capacity to build a cultural identity for the Europe of the EU be assessed? How then should we make sense of the evolution of EU cultural policy? What can its evolution tell us about European identity and the potential of identification with the EU?

1. European Identity: a Review

There has been a considerable theoretical interest in speculating about the conceptualization of European identity, as well as empirical surveys exploiting various methodologies to identify existing patterns of identification with Europe and the EU in the past ten-fifteen years. There is also an increasing political borrowing of the term and a wide resorting to the concept of European identity as the 'soul of Europe' and to the values of democracy, rule of law and fundamental human rights. Conceptual and empirical arguments have one significant feature — they are framed by the correlation or/and opposition of European and national identity. They aim at providing an explanation of a possible combination between the two that is derived from the empirical research and complies with the theoretical constructs.

In this paper I argue that in its cultural dimension European identity is 'bound' with national identity, which creates specific limitations. National identity is interpreted as a specific interface between political and cultural identity in which cultural components (myths, customs, symbols, language, religion) have a prominent role. The cultural dimension explains the different intensities and power of collective identities. Identities are viewed as significant factors in making the political regime of the state legitimate (Lucarelli and Fioramonti 2010). Meaning is attached, created and understood along these lines. Smith (1991) and Anderson (1983) clearly acknowledge that cultural components are the critical elements in creating national identity that leads to the clear orientation of the community as not only political but ethical as well². The identification with a community in this sense has a powerful influence in creating meanings about one's understanding of personal achievements in correlation to the values of the community. It gives sense to the concepts of 'good' and 'bad' in terms of individual and collective actions and serves as a point of reference for the moral choices that individuals make. The loss of what we can call a 'moral compass' not only has a corrosive effect on the community but also deprives the individual of making judgements about his or her own life. It is typically associated with feelings of being lost and alienated, which deeply harm and degrade the individual. The nation thus is a community of ethics³ with specific values that have the power to constantly nurture a sense of belonging and a sense of duty to that community.

The discourse on European identity is rooted in the same line of reasoning. It attempts to find answers to questions such as: is my particular culture really important

---

² Briefly we can offer the explanation of a community of ethics as one that creates specific duties to our fellows in the community more than to other people.

³ The term is borrowed from Habermas (1996).

and can't we all be members of the same culture? Can a political entity, such as the EU, function by maintaining diverse cultures rather than transcending difference and constructing a 'cultural' foundation for social cohesion and solidarity?

Habermas (2006) asks the question, 'Is the development of a European identity necessary, or is it possible?' The conceptual possibility is conceived in the necessary linking of collective identities and European identity. Risse (2010), focusing on ordinary citizens, provides arguments from a variety of disciplines and methodologies about the 'distribution of Europeanized identities across Europe'. Backing these conceptual assumptions, Bruter (2005) argues for the emergence of forms of 'mass' European identity. Fligstein (2009) asks the question 'who are the Europeans', thus famously providing a name for a new empirical survey on the affiliations and attitudes in Europe — 'New Europeans'⁴. Risse (2010) argues that the only relevant objection to the possibility of a European identity is the lack of a common European language and the reality of Europe and the EU as a 'multilingual' space. However, the European perspective of celebrating diversity is not in entire conformity with the situation at national level where there is not that much celebration, but rather a plea for uniformity even in EU countries known for their more relaxed policies and attitudes of recognition of diversity (Stoicheva 2014, 2016, 2017). If we would like to interpret the motto of the EU 'Unity in diversity', we should say that the unity of European culture is not so much seen in the past, rather it is projected into the future as the result of Europe acting as a singular entity. But from a theoretical and practitioner's perspective there is the radical critique of the European cultural identity as unity and stressing on alternative approaches to diversity.

2. EU Cultural policy: general considerations

We start with the question of whether cultural policy is among the policy areas in which the European Union should be 'bigger and more ambitious' or 'smaller and more modest' — an expression used by the current President of the EC in his opening statement to the European Parliament for his election in 2014 (Juncker 2014)⁵. Here we should mention that there is a sector of EU activity which includes culture and three related political domains — education, youth and citizenship. However, the analysis of Juncker's speech shows that the word culture does not have a separate mention through the speech, only in collocation such as cultural diversity and cultural traditions⁶. There are no specific references to intercultural communication, intercultural dialogue as a main instrument for European identity formation and cultural identity. This could be interpreted as an expression of the pragmatic approach undertaken in the policy decision making and policy implementation or as an understanding of political rhetoric effectiveness.

What is the domain of European cultural policy, if we acknowledge its existence? The flourishing of cultures of Member states (as an expression of regional and national cultural

---

⁴ Eurobarometer 2010, 2012.

⁵ Juncker, J.-C. (2014) A New Start for Europe: My Agenda for Jobs, Growth, Fairness and Democratic Change Political Guidelines for the next European Commission Opening Statement in the European Parliament Plenary Session https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/juncker-political-guidelines-speech_en.pdf

⁶ Cultural aspects are mentioned twice: 'I will not sacrifice Europe's safety, health, social and data protection standards or our cultural diversity on the altar of free trade' (p. 9) and 'I intend to make use of the prerogatives of the Commission to uphold, within our field of competence, our shared values and fundamental rights, while taking due account of the diversity of constitutional and cultural traditions of the 28 Member States' (p. 9).

diversity) has always been among the major tasks of the EU since the first integration treaties. It is related to the discourse of 'unity in diversity', which has gained itself the status of a motto and goal of the European unification. For a long time, this statement has been interpreted as putting forward the 'common heritage' and the acknowledgement of the contribution of all cultures to our (European) society. Another important aspect is the conviction, which has become a principle of the policy implementation in areas akin to culture, that the way to sustain and preserve cultural diversity is through constant exchange between cultures.

According to Delors (in the beginning of this paper) the question of Europe's cultural dimension inevitably raises the issue of European identity. However, applied to the reality of the European unification, it is more 'reasonable' to use the term in the plural – 'identities'. There is a scholarly debate on the possibility of national and correspondingly on European identity related to the conditions for their emergence and the extent to which political identity (national and European) evokes a feeling of belonging. The evolution of this debate according to Lucarelli (Lucarelli, Cerutti and Schmidt 2011: 200) can be conceived as an 'ideal continuum', with Anthony Smith's ethnosymbolic theory (1991) of national identity as a powerful expression of cultural identity and Juergen Habermas with the theory of patriotic constitutionalism (2001) located at its extreme points. Delanty (1995), Calhoun (2001), Lucarelli and Manners (2006) relate political identity with cultural similarities and its emergence in communities that are necessarily similar to national communities. Gilbert (2010) argues that cultural identities as a form of collective identities, shared by members of cultural groups, are to be treated separately 'since they are, in consequence, freighted with all the importance that culture is meant to have for people' (Gilbert 2010: 2).

The dynamics of the formation and outlining of the scope of the EU cultural policy draws the attention to the cultural aspect of the understanding of European identity. We should clearly acknowledge here the conception of culture and its role in the reproduction of society and ensuring the continuity of identity of the community and of its individual members. In this sense the examination of cultural policy can be considered as the starting point for reflection on overt and covert cultural aspects of the concept of European identity, used in political discourse and in the academic literature on European identity. Therefore, the question arises: whether the concept of culture plays the corresponding central role in conceptualizing European identity and how this is embedded in the political and historical perspective. Can we talk about Europeanisation of the cultural sector – referring by that to development of European policies and supranational governance of the sector?

This paper argues that the process of shaping of the EU cultural policy in the family of EU policies is inseparable from the dynamics and the awareness of the necessity of application of political instruments for formation of 'cultural identity' of 'Europe of the EU'. The steps towards realization, strategic positioning, and engagement with cultural policy or withdrawing from its more comprehensive application could find explanation in the dynamics of the understanding of the identity of the unification 'European Union'. Therefore, cultural policy is not only a direct consequence of the conception of the political elite of the determining features of the European unification as such but is also a marker of the changes in its identity.

2.1. EU cultural Policy? What type of policy?

In the context of the European integration the question is what kind of policy EU cultural policy is and whether we can at all talk about European cultural policy. There

is no doubt that a growing number of initiatives and activities fall within the scope of a field of action, which is studied and realized as European cultural policy. The term has its established place in academic context (Pongy 1997; Ellmeier & Rasky 1998; Esmein 1999; Pantel 1999; Shore 2000, 2006; Littoz-Monnet 2003, 2007; Senelle 1994). There is however, unclarity, ambiguity and even some contradictory aspects in the way the term 'policy' and in particular 'cultural policy' is used in the official discourse of the EU and in academic literature. As cultural policy cannot be situated among the 'classical' European policies in the context of the supranational political regime, the question is rephrased into 'what kind of policy is EU cultural policy?'. The reason for defining cultural activities as well as a series of other domains of political action (education, language policy, research, sport) as 'policies' is their feature of supplementing national policies. Even though sometimes they might compete with national policies, they *do not* replace them. The European integration researchers propose different models of conceptualization of different groups of EU policies. Widely applied are the simplified models of Moravcsik (1998; 2001) and Richardson (1996), who distinguish between 'high' and 'low' policies reflecting the extent of integration in the policy domain, going beyond or not sufficiently going beyond domestic issues and with a view on their influence (weak or strong) on the processes of European integration. Wallace (2000; 2005) identifies five policy modes locating culture along with research and development, sport, languages and education under policy coordination. Policy making methods in these areas are predominantly 'light forms of cooperation and coordination, which were initially introduced 'as a mechanism of transition from nationally rooted policy-making to a collective EU regime' (Wallace 2005: 349).

Cultural policy is not among the policies that form the basis of the EU. Since it is outside economic issues, it is not referred to in the Treaties, along with other policy fields such as education, as an independent policy area at European level (Beukel 2001: 126). This means that the regulatory and problem-solving authorities of the Member States are 'high' in the area of culture (and education), while the authorities at European level are 'low'. Cultural policy is with a highest level of national significance, in which the competences of the EU and its actions and measures, undertaken at European level, have a rather low regulatory and binding force (Barnett 2001). From this perspective EU cultural policy seems the least Europeanized in its conceptualization and realization, located in the spectrum of 'low' politics or the least integrated political domains. Cultural policy is one of the last bastions of the nation state power and symbolically exemplifies the contemporary opposition between preservation of national culture and the impact of globalization. As such it naturally functions in a context wider than the European one and is a driver for a global reference point.

3. EU culture policy: brief historical overview

We can distinguish three periods in the historical overview of the EU cultural policy: 1) from the beginning of the process of European integration and the setting up of the European Communities to the Treaty establishing of the European Union in 1992, the so called Maastricht Treaty; 2) the process of taking shape of the EU cultural policy after including it in the sphere of supporting competences of the EU till the first Strategy for culture in 2007; and 3) the period after the Strategy covering the current period of the European programmes linked to implementation of a limited but visible cultural policy in the EU, including the new understanding of the role of culture in the EU external affairs.

Transnational cultural policy harmonization has never been among the political objectives of the EU. EU has faithfully stuck with the idea of Europe as being a well-defined mosaic of nations and cultural policies are left to member states themselves. EU has been careful to define in details its cultural motives and programmes. EU culture policy is worded as celebration of diversity of cultures. Culture has been since the beginning of the European Communities an area in which actions at European level have been avoided.

3.1. Culture as a case for exclusion provisions

Jean Monnet and Robert Schuman, as founder of the ideas of the European unification, are often quoted as having the idea that successful cooperation in some core areas would create a *spillover effect*⁷. European integration has been considered as a slow and gradual process of encompassing various key areas of European cooperation and integration. In this process integration in one sector or policy field would generate momentum for integration in others (Haas 1958; Lindberg 1963; Shore 2006). For example, economic integration would gradually lead to political integration, then social cohesion will be embraced as an area for integration and so on. Culture comes last in this series.

The Treaty of Rome establishing the European Economic Community in 1957 and a wider common market covering a range of goods and services, contains only two references to 'culture': one related to 'non-discrimination' and a second reference to 'protection of national treasures possessing artistic historical or archeological value' (Article 36, Treaty establishing the EEC). Theiler (2005: 54) argues that this creates a provision for exclusion, related to culture, to which national governments can refer to, but it does not set a legal basis for community action. However, Community actions were not legally excluded as Article 235 allows 'the Council, acting unanimously on a proposal from the Commission and after consulting the Assembly to take appropriate measures', 'if action by the Community should prove necessary to attain in the course of the operation of the common market'. It is only with the Maastricht Treaty — the Treaty establishing the European Union, that a legal basis is created for direct engagement with action in the cultural sector.

During the first two decades of the functioning of the European Communities there were no ambitious activities in the cultural domain and in the public relations area. The few activities were concentrated in a small information department, which served as a mediator with the press and journalists and published some brochures for distribution in schools and the general public (Theiler 2005: 55). The historical circumstances, however, inevitably draw the attention of the political elite beyond the common market and economic integration processes. At the end of the 60s this restraint from action in the area of culture and in the public image making of the Community was gradually overcome — first in the political rhetoric and after that by undertaking of concrete political initiatives.

Year 1968 was in many aspects the year that changed history — both in the West and in the East. It was a year of protests and revolutions in Europe, of seismic social and political change across the globe. Students protests in Paris, the Soviet (Warsaw Pact) invasion in Prague and a world shaken by racial protests, civil rights activism and marches — they all marked a year which still echoes in the political landscape of the whole world. It was also the year when it

---

⁷ According to modern myth, it was Jean Monnet, who first remarked, when looking back on a lifetime's work dedicated to creating a united Europe, that «if we were to start all over again, we would start with culture.» In fact, Monnet never said anything of the kind, and none of the EU founding fathers had a vision of culture as a binding force for European unity. (Shore 2006: 8)

was remarked in the 1968 Official Declaration on the completion of the Customs Union that a step beyond the economic parameters of the integration should be made.

The issue of culture was becoming integrated in the public discourse on European integration in the 70s together with the discourse on European identity. It is considered that in this period a turn towards identity and culture in EU policy discourse occurred. The opening statement of the 1973 Document on European Identity highlight this feeling of necessity to start a new discourse:

The nine member states of the European Communities have decided that the time has come to draw up a document in the European identity. (Document on European Identity 1973)

This attitude mirrored similar expressions of the need to turn to culture and conceived from a different perspective the European unification. In 1972 J. Duhamel, the French Minister of Culture addressed European Ministers of Culture at the European conference⁸, setting a new format of dialogue bringing them together:

There is hardly a country in Europe without an awareness ... of the place of culture as both an agent and an object of the great transformation affecting contemporary societies. (quoted by Naess 2009: 57)

Duhamel argued then that they are entering 'the Age of culture' and urged for more collective action in the area of culture. There is a good reason to argue that in the beginning of the 70s a 'cultural turn', at least in awareness of the widening prospects of the unification process, was under way. The political weight that European politician have come to attach to the idea of "culture" as a key ingredient and a catalyst, in the integration process in the 70s was growing (Shore 2006: 8). To put it in other terms, the invention and expansion of EU-wide policies towards "culture" is in itself a measure of the extent of the self-identification and self-conception of the EU as a political entity standing on its own. This clearly coincided, if not provoked by, with the first enlargement of the European Communities with three countries joining and significantly changing its economic and cultural landscape.

The policy desire to revive the integration process in a new configuration of states and the specific external circumstances of the time led to the political reflection on the Communities own place and identity culminating at the Copenhagen summit of 1973 when EC leaders adopted a communiqué on European identity and pledged to review "the common heritage" of the member states. (Shore 2006: 13). The Document on European identity introduces the topic of European identity on the political agenda, defining the cultural basis for European integration. The main message of the Document is that Europe has identity and the text aims at defining it and bringing it onto the political agenda. The role of the Document is not conceived as a significant change in the approach to issues related to culture in community policies (Kostakopoulou 2001). However, according to Middelaar (2014) although politically with small effectiveness, it echoed in the following 20 years.

The diversity of cultures within the framework of a common European civilization, the attachment to common values and principles, the increasing convergence of attitudes to life, the awareness of having specific interests in common and the determination

---

⁸ Naess (2009) refers to this Conference as having some impact on the political climate in Europe and in particular that the distinctively European-minded French Minister Duhamel 'defined the language that would govern not only European, but also global cultural debates' (Naess 2009: 57).

to take part in the construction of a United Europe, all give the European Identity its originality and its own dynamism. (Document on European Identity 1973: 3)

This point does not seem very original, rather it continues a line of thought known since the time of the European enlightenment and the rise of nationalism. John Stuart Mill in mid-18th century answered in a similar vein the question what has made the European family of nations an improving, instead of a stationary portion of mankind and what it is that has hitherto preserved Europe?

Not any superior excellence in them, which, when it exists, exists as the effect not as the cause; but their remarkable diversity of character and culture. Individuals, classes, nations, have been extremely unlike one another: they have struck out a great variety of paths, each leading to something valuable; and although at every period those who travelled in different paths have been intolerant of one another, and each would have thought it an excellent thing if all the rest could have been compelled to travel his road, their attempts to thwart each other's development have rarely had any permanent success, and each has in time endured to receive the good which the others have offered. Europe is, in my judgment, wholly indebted to this plurality of paths for its progressive and many-sided development. But it already begins to possess this benefit in a considerably less degree. (Mill 2001[1859]: 67)

The main impact of the Document was expected in creating and affirming a recognizable image of the EC as a new, yet not sufficiently emancipated actor in international relations. Its second chapter on the European identity in relation to the world has a considerable weight in the Document. It is developed by the foreign ministers, arguing that it involves 'assessing the extent to which the Nine are already acting together in relation to the rest of the world' (DEI 1973: 2).

The appropriation of the term European goes together with the realization that legal and economic integration alone will not create a united Europe. Then the question arises: should the emphasis be put on European as a cultural unit stemming from the history of the European nations and their long-standing cross-fertilization (Sassatelli 2002: 435). With the reflection on European identity, the space was open to absorb new symbols of unification and new identification references. The most powerful symbol is 'Europe' itself as it is becoming more and more an icon, whose ambiguous content seems to reinforce the possibilities of identification with it. There are as well a set of symbolic initiatives directly aimed at creating a sense of common belonging (European Community Commission, 1987: 2; Fontaine, 1991) that range from the flag to the anthem, to a new ritual calendar, to the creation of the 'European capital of culture'. These initiatives with their symbolic load generated the idea of Europeanising the cultural sector and communicating the principles and values upon which the Community is founded. These were the new European logo and flag: a circle of twelve yellow stars set against a blue background; later the "harmonised" European passport and European driving license in 1988 before the introduction of the citizenship institution in the Treaty of Maastricht⁹;

---

⁹ Representatives of the governments of the Ten adopted the first standard passport format on 23 June 1981. The prototype of the European passport was presented to the press during the Fontainebleau European Council on 25-26 June 1984 by François Mitterrand, President of the French Republic and President-in-Office of the Community. The first European passports, based on the standard format and burgundy in colour, bearing both national and Community symbols, were issued on 1 January 1985. The European passport nonetheless constituted a sign of mutual recognition and an identity document common to all the citizens of the European Community. It was introduced gradually as national passports expired.

the creation of European car number-plates; and a new European anthem, the “Ode to Joy,” taken from the fourth movement of Beethoven’s Ninth Symphony.

This is the moment when the most powerful and long-standing initiatives at European level in the area of culture — European City of Culture (later European capital of culture) — was conceived and realized. One of the best known and long-running programmes launched in 1985 by the Council of Ministers on the initiative of Melina Mercouri, the Greek Minister of Culture. Starting from Athens in 1985 to Leeuwarden-Friesland and Valletta in 2018 more than 50 cities were designated Capitals of Culture highlighting the richness of European cultures but also the features they share. To what extent it actually fosters a feeling of European citizenship and takes a fresh look at European history and heritage and their being shared is not well evidenced.

3.2. The Treaty of Maastricht and setting the legal basis for EU cultural policy

Before the Maastricht Treaty culture was not a recognised area of European Community competence and had only marginal status in the European unification process. In the period after 1987 the Community actions in the cultural sector became more structured. There were regular meetings of the Ministers of Culture of the Member States and in 1988 the Committee of Culture to the European Parliament was established. In the EC Communication ‘A Fresh Boost for Culture in the European Community’ the Commission argues that ‘increased cultural activity is now a political as well as a social and economic necessity’ (European Commission 1987).

In the belief that time has come –without departing from the principle of subsidiarity — to give cultural activities in the Community a higher profile, the Commission proposes to advance simultaneously on all three fronts with a concrete programme involving a series of significant priority measures based the outcome of the conference on the relationship between economy, technology and culture held in Florence in March, 1987. (European Commission 1987: 7–8)

This led to the inclusion of Article 128 (now Article 151 of the consolidated version) on culture in the Treaty of establishing of the European Union (Maastricht) with the following formulation:

(1) The Community shall contribute to the flowering of the cultures of the Member States, while respecting their national and regional diversity and at the same time bringing the common cultural heritage to the fore.’)

(2) Action by the Community shall be aimed at encouraging co-operation between Member States and, if necessary, supporting and supplementing their action in the following areas:

- improvement of the knowledge and dissemination of the culture and history of the European peoples;
- conservation and safeguarding of cultural heritage of European significance;
- non-commercial cultural exchanges
- artistic and literary creation, including in the audio-visual. (Maastricht Treaty, 1992; Council of the EC1992: 13).

The concrete practical dimensions of this political decision are the programmes established in the 90s in these domains, namely cultural heritage, books and reading, audio-visual sector. This gradually led to consolidation of the actions from practical separate measures in some areas of culture to establishing of unified programme — the Culture Programme. Its priorities are linked to the three concepts, representing the vision of the

necessary Community supporting action in the cultural sector – intercultural dialogue, cultural diversity and social cohesion¹⁰.

The underlying principles of cultural policy were not changed after Maastricht and transnational cultural policy harmonization was not articulated among the political objectives of the EU. To a large extent the political efforts of the Commission and the Parliament in the 80s were directed towards creating the basis for cultural policy in the treaties. In some sense these attempts attain a paradoxical outcome. When at the end the goal was achieved with the Maastricht Treaty in 1992, the text of the Treaty actually acknowledges that the Union does not have a common culture (Middelaaar 2014: 182). Article 128 lays more content weight and inclination to diversity, not on unity. The term “European culture” is specially avoided although the framework refers to territorial attachment with cultural dimension – culture is attached to states and regions. A main area of realization of the conceived EU cultural policy are actions in support of literary and fine arts, namely awarding of prizes, allocation of grants and subsidies from the Union budget and writing of reports and analyses. We can ask the question whether the provisions of the Treaty give rise to the general reluctance to introduce in the political discourse and goals the concept of ‘common European culture’. We can make a step further to say that this political message expresses the reluctance of the Member States to accept that their citizens can identify themselves just as Europeans. Therefore, EU cultural policy (as an emerging policy domain) aims at finding its sense in cultural exchanges and in the narrative of diversity. This policy can be considered as belonging to the low register of policies, which would strengthen the links between citizens of the Member states without any claim of transformation in cultural or other terms.

The Maastricht Treaty clauses mark the outcome of the discourse on culture, which was emerging and engaging the institutions in the 80s. Similarly to other situations of cultural discourse, when there are objections to some cultural content, images or narratives based on universal values and self-identifications come to the fore. Therefore Middelaaar (2014) argues that the process of creating a legal basis for the European cultural policy is marked and accompanied by the imposition in use of empty symbolism. Documents and programmes in the area of culture continued to be included in the scope of the Council on the internal market as a practical institutional decision and as a domain in which the products of the European cultural policy can be realized. There is no space for a comprehensive and positive conception of ‘European cultural policy’. Rather it is a mixture of centralized supporting schemes, symbolic initiatives and an attempt to harmonise the European law in the perspective of the common market. Therefore, it does not constitute a positive strategy for cultural policy and is marked by fragmentation and lack of completion of the underlying political intentions. The European strategy for culture in a globalizing world is therefore considered as the first strategy for cultural policy at European level (European Commission 2007).

The Treaty of Maastricht formally recognizes culture as a domain of political intervention at European level. This is accompanied with the recognition of limitations in the scope of the policy of identity (European identity formation). As culture is envisaged a subsidiarity role in this process and the actions of the European institutions are secondary, these limitations could be interpreted as an underlining understanding of European identity as based on strategic calculation rather than on affective identification. There is an attempt

---

¹⁰ Retrieved from: http://europa.eu/legislation_summaries/culture/129016_bg.htm (31.10.2014).

in the political discourse to normative limitation of European identity to shared tradition of values including their cultural aspect. The discourse of European values was becoming popular in political discourse as well as in normative regulation. Three lines of action seemed as clearly identified in relation to the culture clause of the Maastricht Treaty: first, it is the incentives for enhancing of cooperation of the Member States in the cultural sector. Secondly, it is the provision that cultural aspects should be considered in all EU policies¹¹. Thirdly, this is the political argument that cooperation between Member States is of significance because 'cultural boundaries' are not the same as political boundaries.

The formal legal recognition of the EU cultural action does not have the goal of setting the basis for a cultural policy with a European scale. Article 128 (Articles 167 of the Treaty on Functioning of the EU) does not allow for harmonization of legislation in culture. Culture is a subject of subsidiarity policy action, which recognizes the primary competence and responsibility of the individual Member States in the area of culture. Therefore, each activity on European level is supplementary to the Member States policies and serves mainly as a means for supporting their cooperation. The inclusion of the EU competence in the area of culture in the Treaty is a result of a compromise between two opposite positions concerning the scope of the EU competences in cultural matters. According to Forrest (1994: 17) the Article balanced the interests of those states wanting to allow wider community action in the cultural sphere and those wanting to set limits for cultural action.

Shore (2006) argues that 'since the 1990s, EU cultural policy, and the question of European identity more generally, has increasingly been framed around the idea of "unity in diversity."' According to Delanty (2003) this policy principle became extremely influential in attempts to define European identity in a way that avoids the pitfalls of both moral universalism and cultural particularism. The EU's "unity in diversity" approach points to a fundamentally different conception of identity politics, and to a European identity based on diversity and "the compatibility of contrasting identities" (Pantel 1999, 46). However, this approach was filled with ambiguities and problematic assumptions, in particular as it hardly allowed for seeking legitimacy in the cultural area (Habermas 1992). The need for a self-identifying "European public" to lend legitimacy to its institutions was becoming a key topic in academic research.

Yet the political discourse still continued the discourse of many cultures or one entity, which was discussed in the line below:

Cultural policy forms part of the European enterprise and, in this respect, is an integration factor within an "ever-closer union between the peoples of Europe's (...) cultural policy must make a contribution to strengthening and to expanding the influence of the "European model of society" built on a set of values common to all European societies. (Council of the EC1996: 102, quoted in Shore 2001: 117)

"The European model of society", of which the statement speaks, is interpreted as 'a consensual idea of culture and society and conspicuously avoids the use of plural nouns. The European Commission's statement reminds us of the "many cultures" that the EU is "keen to preserve" and which constitute Europe's essential cultural unity. (Shore 2002: 7). It also marks strong normative aspects intertwined in the understanding of the cultural policy and its intrinsic value of culture for the European model of society.

---

¹¹ This became a major concern for the Commission after 1992 and it is articulated as a horizontal priority of EU policies.

Here I referred often to the avoidance of actions in the area of culture, which is not entirely true. There have been actions such as the EU Culture Programme 2007–2013, MEDIA 2007, the European Year of Intercultural Dialogue. The following areas represent the main EU activities in the cultural policy: regulation of free circulation of goods and cultural exchange; cultural cooperation in various areas including audiovisual media; mobility of artists; ‘European capitals of culture’ – the best-known culture project of the EU; MEDIA programme (1991); 3 culture programmes between 1996–2000; Culture 2000 – support to inter-European collaboration on cultural projects. These activities constituted a basis aiming at broader application of the cultural dimension in the vision of the European integration process. An expectation was harnessed that there could be a more radical change in the EU policy conceptualization.

3.3. New agenda for Culture in the family of EU strategic documents and family of policies 2007

The EU has launched a new agenda for culture (A European Agenda for Culture 2007, which is the first ever European strategy for culture). It marks a change in the policy orientation at European level, which is also preconditioned by a progressively positive attitude of Europeans towards a culture policy at EU level. It is also closely related to certain aspects of globalization with culture becoming part of global politics. It can be viewed as a review and reorientation of the argument why EU should develop a more comprehensive cultural policy.

The Communication on proposing the new agenda argues:

As Dario Fo rightly pointed out, “even before Europe was united in an economic level or was conceived at the level of economic interests and trade, it was culture that united all the countries of Europe. The arts, literature, music are the connecting link of Europe”. Indeed, Europeans share a common cultural heritage, which is the result of centuries of creativity, migratory flows and exchanges. They also enjoy and value a rich cultural and linguistic diversity, which is inspiring and has inspired many countries across the world. (European Commission 2007: 2)

The new ‘European Agenda for Culture in a Globalising World’ of 2007 should be interpreted as ‘a signal of change’ in the process of careful definition of the cultural programmes and community action of the European institutions (Naess 2009: 65). The Communication was viewed at the time of its publication a ‘turning point’ for the EU as entering the ‘age of culture’. There seems to have been a change in the framework within which community actions in the cultural sector are conceptualized. The Strategy was tabled on the political agenda and there was the expectation of widening of the action in the area of culture. From this perspective it makes some bold statements:

Culture and creativity are important drivers for personal development, social cohesion and economic growth. Today’s strategy promoting intercultural understanding confirms culture’s place at the heart of our policies. (Council of the EU 2007: 1)

The justification of the necessity for strategy of cultural policy, similarly to the manner of its introduction in 1985, is evidenced by surveys and a general awareness of the attitudes and expectation of the citizens. It is specially recognized in Eurobarometer surveys that EU cultural initiatives enjoy a broad public support. A Flash Eurobarometer survey in 2007¹² commissioned by General-Directorate Education and Culture of the EC in the course of

---

¹² Flash Eurobarometer. 2007. No. FL217. *Intercultural dialogue in Europe. Summary Report.*

the preparation of the EU Initiative 2008 – European Year of Intercultural Dialogue asked 27,000 European citizens aged above 15, representing all Members states (then 27), to share their models of interaction with people from other cultures and their general attitudes to cultural diversity and the very idea of dedicating 2008 to Intercultural Dialogue. This initiative comes immediately after the two consecutive enlargements in 2004 and 2007 which led to 12 new countries (mostly East European) joining the EU. As previously (in the 80s) the political need for Community action in the cultural sector finds its explanation in the conviction that ‘Europe’s cultural identity’ (and the sense of being part of European culture) is ‘shared pluralistic humanism’ based on the values of democracy, justice and freedom, expressed in the diversity of our local, regional and national cultures as the basis for the EU and as a prerequisite for the solidarity. (European Community Commission 1987: 5)

The conceptual basis of the survey continues to express this understanding of political action as codified in the Treaty clauses. The concept of cultural diversity enjoys a central place in the academic and public discourse in the period after the European Year of Intercultural Dialogue, while less emphasis is laid on common cultural heritage. It can be argued (with certain limitations) that the dominating framework is the reality of multiple European cultures and identities (Gowland, Dunphy and Lythe 1995; Macdonald 1993). In this framework of understanding common European culture is not considered as an objective basis for intercultural communication. In this sense the European Commission plays the role of some kind of *intellectual shelter*, which protects, adds value and spreads knowledge about European cultures.

There is the question how far the ambitions of the cultural actors could reach at European level. The Communication articulates the background for these ambitions:

The European Union is not just an economic process or a trading power, it is already widely – and accurately – perceived as an unprecedented and successful social and cultural project. (European Commission 2007: 3)

The new Agenda can be interpreted as an urging need for self-reflection, changing the centre of attention and setting new objectives. Three common objectives are set. Firstly, cultural diversity and intercultural dialogue are reaffirmed as policy objectives, which has been at the core of any action or initiative in the area of culture at European level. However, how intercultural dialogue fits the cultural landscape of contemporary Europe can be questioned since most of the discourse of the agenda is about celebrating of diversity but keeping signifiers for cultural difference separate from the notion of diversity. Secondly, culture as catalyst of creativity was articulated, which is related to the new goal of European society as knowledge-based society and enhancing European competitiveness in all aspects, growth in the European cultural sector. This reflects the potential of Europe’s cultural and creative sectors considering them as a driver of economic growth and employment. The new EU programme is called Creative Europe. Thirdly, culture is specially identified as a component of international relations thus relating to cultural diplomacy, cultural liaisons, UNESCO and Council of Europe common actions and initiatives.

Although there was a political statement for new priorities, there is hardly evidence that the platform for community action in the area of culture was changed. It seems more like a rhetorical than a content change in the dominating framework of community cultural action. There is still a clash between the creeping liberal understanding of culture, as specific but in its essence economic sector to which economic regulation are to be applied, and the concept of culture as specifically locally and regionally bound, which should constitute an exception of economic regulation.

Despite the new Agenda for Culture 'culture' is still considered a component that disrupts and, in some sense, violates the common logic of the EU policies. It is considered as a multi-layered action, which reflects the understanding of different political actors about the opportunities for governing of the process of European integration. It is evident that culture is not a subject of common political apparatus and remains as a topic in a complex process of policy articulation and implementation. However, we can argue that there is a direct correlation between the political and institutional impulses of this complex and ambiguous process and the reflection on the identity of the European unification.

Conclusion

The paper presents an overview of EU cultural policy, an allegedly significant factor in the formation of any community's political identity as creating bonds for citizens. I argue that there is a link between the self-reflection of the identity of the European unification and the steps towards establishing parameters of EU cultural policy. Despite that some authors argue that EU cultural policy is a shaping factor for European identity formation (both of the EU and of the individual citizen), the main outcomes of EU action in cultural matters are limited and refer to subsidies, sponsorships, exchange programmes and some regulation of the cultural goods market. The underlying aim and rationale that drives that policy remain largely unchanged. They are framed around the idea of 'unity in diversity' (Shore 2006: 10). In a similar line the core of the concept of European identity is diversity in cultural terms and adherence to shared political values. The enlargement process has posed specific challenges to the EU identity formation both in internal and external relations. The identity of the EU as a political entity cannot but take into the framework the cultural aspects as based on diversity and the fundamental principle of its preservation. The eastern enlargement additionally challenges the self-understanding of the EU identity as the compatibility of identities is not easily reconciled wherever the identities are felt as contrasting to the extent related to the dependence on the historical paths. In this context, it can be expected that culture and education can find a more prominent place on the political agenda.

References

- Anderson, B. (1983). *Imagined Communities: Reflection on the Origins and Spread of Nationalism*. London: Verso.
- Barnett, C. (2001). Culture, policy and subsidiarity in the European Union: From symbolic identity to the governmentalisation of culture. *Political Geography*, 20 (4), 405–426.
- Beukel, E. (2001). 'Educational policy institutionalization and multi-level governance'. In S. Anderson and K. Eliassen (Eds.) *Making Policy in Europe* (124–39). London: Sage.
- Bruter, M. (2005). *Citizens of Europe? The Emergence of Mass European Identity*. Houndmills: Palgrave Macmillan.
- Calhoun, C. (2001). The virtues of inconsistency: identity and plurality in the conceptualization of Europe. In Cederman, Lars-Erik, (Eds.) *Constructing Europe's Identity: the External Dimension*. Lynne Rienner Publishers, Boulder, CO, USA.
- Council of the European Communities (1996). *First Report on the Consideration of Cultural Aspects in European Community Action*. Brussels: European Commission.
- Council of the European Communities (1992). *New Prospects for Community Cultural Action*. COM 92 149/Final, 29 April. Brussels: Office of Official Publications of the European Community.
- Council of the EU (2007). *Resolution of the Council of 16 November 2007 on a European Agenda for Culture*. OJ C287, 29.11.2007

- Delanty, G. (1995). *Inventing Europe. Idea, Identity, reality*. Palgrave Macmillan.
- Delanty, G. (2003). Conceptions of Europe: A Review of Recent Trends. *European Journal of Social Theory*, 6 (4), 471–88.
- Delors, J. (1999). *Reuniting Europe: Our Historic Mission*. Aspen Institute.
- Document on the European Identity (DEI), published by the Nine Foreign Ministers (Copenhagen, 14 December 1973). Retrieved from http://www.cvce.eu/content/publication/1999/1/1/02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32/publishable_en.pdf
- Ellmeier, A. & Rasky, B. (1998). *Cultural policy in Europe – European cultural policy*. Vienna: Österreichischer Kulturdocumentation.
- Esmein, B. (1999). 'Les politiques de l'Union Européenne dans le domaine de la culture, de l'éducation et des langues'. *Journal of European Integration History*, 5 (2), 75–105.
- European Commission (2007). On a European agenda for culture in a globalizing world. COM (2007) 242 final. Brussels.
- European Community Commission (1987). A Fresh boost for culture in the European Community (COM (87) 603 final).
- Fligstein, N. (2009). Who are the Europeans and how does this matter for politics? In Checkel, J. T., Katzenstein, P. J. (Eds.) *European Identity*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fontaine, P. (1991). *A Citizen's Europe?* Office for Official Publications of the European Communities.
- Forrest, A. (1994). A New Start for Cultural Action in the European Community. Genesis and Implications of Article 128 of the Treaty on European Union. *Cultural Policy*, 1 (2), 11–20.
- Gilbert, P. (2010). *Cultural Identity and Political Ethics*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Gowland, D., Dunphy, R. & Lythe, C. (1995). *The European Mosaic. Contemporary Politics, Economics and Culture*. Pearson Education Limited.
- Haas, E. (1958). *The Uniting of Europe: Political, Social and Economic Forces*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Habermas, J. (1992). Further reflections on the Public Sphere. In Calhoun, Cr. (Ed.) *Habermas and the Public Sphere* (pp. 421–461). Cambridge: The MIT Press.
- Habermas, J. (2001). WHY Europe Needs a Constitution? *New Left Review*, Sep-Oct 2001.
- Habermas, J. (2006). *The Divided West*. Cambridge: Polity.
- Juncker, J.-C. (2014). A New Start for Europe: My Agenda for Hubs, Growth, Fairness and Democratic Change. Political Guidelines for the next European Commission, Opening statement. Retrieved from http://ec.europa.eu/about/juncker-commission/docs/pg_en.pdf
- Kostakopoulou, D. (2001). *Citizenship, Identity, and Immigration in the European Union: Between Past and Future*. Manchester: Manchester University Press.
- Lindberg, L. (1963). *The Political Dynamics of European Economic Integration*. Stanford: Stanford University Press.
- Littoz-Monnet, A. (2003). European Cultural Policy: A French Creation? In *French Politics*, 1 (pp. 255–278). Palgrave Macmillan, (255–278).
- Littoz-Monnet, A. (2007). *European Policy Studies: European Union and Culture: Between Economic regulation and European Cultural Policy*. Manchester: Manchester University Press.
- Lucarelli, S. and Manners, I. (2006). *Values and Principles in European Union Foreign Policy*. London: Routledge.
- Lucarelli, S. and Fioramonti, A. (2010). *External Perceptions of the European Union as a Global Actor*. Routledge.
- Lucarelli, S., Cerutti, F. & Schmidt, F. (eds.) (2011). *Debating Political Identity and Legitimacy in the European Union*. London: Routledge.
- Maastricht Treaty (1992). *Treaty on the European Union. Luxembourg*. Office for Official Publications of the European Communities.
- Macdonald, S., (ed.) (1993). *Inside European Identities*. Oxford: Berg.

- Middelhaar, L. van (2014). *The Passage to Europe: How a Continent Became a Union*. Cornwall: International Ltd, Padstow.
- Mill, J.S. (2001). *On Liberty*. Batoche Books Kichener.
- Moravcsik, A. (1998). *The Choice for Europe: Social Purpose and State Power from Messina to Maastricht*. Ithaca: Cornell University Press.
- Moravcsik, A. (May/June 2001). Despotism in Brussels? Misreading the European Union. Foreign Affairs. Retrieved from <https://www.foreignaffairs.com/reviews/review-essay/2001-05-01/despotism-brussels-misreading-european-union>
- Naess, H. E. (2009). *A New Agenda? The European Union and Cultural Policy*. Alliance Publishing Trust.
- Pantel, M. (1999). Unity-in- Diversity. Cultural Policy and EU Legitimacy. In Banchoff, T., Smith, M. (Eds.) *Legitimacy and the European Union* (46–65). London: Routledge.
- Pongy, M. (1997). 'Entres mode` les nationaux et eurogroupes d'interre` ts professionnels: l'action de l'Union dans la culture'. In *Cultures et Conflits* (pp.129–145).
- Richardson, J. J. (1996). Actor-based models of national and EU policy-making, In H. Kassim and A. Menon (Eds.) *The European Union and National Industrial Policy* (26–51). London: Routledge.
- Risse, T. (2010). *Community of Europeans*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Sassatelli, M. (2002). Imagined Europe. The Shaping of a European Cultural Identity through EU Cultural Policy. *European Journal of Social Theory*, 5 (4), 435–451.
- Senelle, R. (1994). 'The new cultural policy of the European Union'. In Bekemans, Leonce and Lombaert, Ruben (Eds). *Culture: Building stone for Europe 2002: Reflexions and perspectives*. Brussels: European University Press.
- Shore, C. (2000). *Building Europe. The Cultural Politics of European Integration*. London: Routledge.
- Shore, C. (2001). The Cultural policies of the European Union and cultural diversity. In Bennet, T. (Ed.) *Differing Diversities: Transversal Study on the Theme of Cultural Policy and Cultural Diversity*. Strasbourg: Council of Europe Publishing.
- Shore, C. (2006). "In uno plures" (?) EU Cultural Policy and the Governance of Europe. *Cultural Analysis*, 5, 7–26.
- Smith, A. (1991). *National Identity*. University of Nevada press.
- Stoicheva, M. (2014). Multiculturalism and Dimension of Identification in Eastern Europe: A Failed Policy or Inescapable Reality? In Kim, N. (Ed.) *Multicultural Challenges and Sustainable Democracy in Europe and East Asia*. Palgrave Macmillan.
- Stoicheva, M. (2016). *European Identity. Theoretical Dilemmas and Analytical Approaches*. Sofia University Press.
- Stoicheva, M. (2017). The Relative Geography of Identity Conflicts: Modes and Representation in the context of European Integration. *Journal of Conflict and Integration*, 1 (1).
- Theiler, T. (2005). *Political Symbolism and European Integration*. Manchester: Manchester University Press
- Wallace, H. (2000). Studying Anderson Contemporary Europe. *The British Journal of Politics*, 2 (1), 95–113.
- Wallace, H. (2005). An institutional anatomy and five policy modes. In Wallace, W., Wallace, H. & M. Pollack (Eds.) *Policy-Making in the European Union*, 5th edition (pp. 49–90). Oxford: Oxford University Press.

Received 12.11.2018

Accepted 26.11.2018

For citation: Stoicheva M. EU Cultural Policy and European Identity: a Way to View Their Correlation.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 4. Pp. 92-108.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ЕС И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СПОСОБ ОЦЕНКИ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Мария Стойчева

Софийский университет им. Климента Охридского, бульвар Царя-Освободителя, 15,
София, 1504, Болгария. E-mail: maria.stoicheva@gmail.com. ORCID 0000-0002-3093-4715

Аннотация. В исследовании рассматривается вопрос о том, насколько культурная политика ЕС (Евросоюза) способна сформировать европейскую культурную идентичность. Статья придерживается хронологии событий в европейской культурной политике с целью определить, насколько эта политика способна сформировать культурную идентичность для европейских стран-членов ЕС. В этом же смысле, автор стремится выяснить, что эта эволюция в области культурной политики сможет рассказать о европейской идентичности и возможности отождествления с ЕС. От начала процесса европейской интеграции до принятия основ политики в области культуры (а этот временной отрезок включает в себя новое понимание роли культуры в рамках политики ЕС), различают три периода. Исходя из предположения о том, что культурное измерение европейской идентичности тесно связано с национальной идентичностью, динамика образования и структурирования масштабов культурной политики ЕС привлекает внимание к культурному аспекту понимания европейской идентичности. Процесс формирования культурной политики ЕС в системе других стандартов ЕС неотделим от динамики осознания необходимости использовать политические инструменты для создания 'культурной идентичности' стран-членов ЕС, несмотря на то, что главные итоги деятельности ЕС в сфере культурной политики связаны с ограничениями.

Ключевые слова: Европейская идентичность, культурная идентичность, культурная политика, культурная политика в ЕС, европейская интеграция, компетенции ЕС.

DOI: 10.31429/26190567-19-4-92-108

Статья поступила в редакцию 12.11.2018

Статья принята к публикации 26.11.2018

Для цитирования: Stoicheva M. EU Cultural Policy and European Identity: a Way to View Their Correlation.— *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 4. С. 92-108.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ЕВРОПА КАК ЗНАЧИМЫЙ ДРУГОЙ В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНО- ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ И АРМЯНСКОЙ МОЛОДЕЖИ¹

И. В. Самаркина, А. В. Атанесян

Самаркина Ирина Владимировна, Кубанский государственный университет,
ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия.
Эл. почта: smrkn@mail.ru. ORCID 0000-0001-8458-2447

Атанесян Артур Владимирович, Ереванский государственный университет,
ул. Алека Манукяна, 1, Ереван, 0025, Республика Армения.
Эл. почта: atanesyan@yandex.ru. ORCID 0000-0001-8458-2447

Аннотация. В статье представлены результаты компаративного исследования восприятия образа Европы российской и армянской молодежью, проведенного международным коллективом из Армении и России. Исследование проводилось с целью определить роль геополитических образов в механизмах формирования национально-государственной идентичности как части субъективного пространства политики. Изучение компонентов субъективного пространства политики строилось на основе модели социальной перцепции, учитывающей особенности восприятия политических (геополитических) объектов. Основной стратегией сбора и анализа данных стала качественная стратегия исследования, которая позволила авторам с использованием комплекса социально-психологических методик выявить содержание исследуемого образа. Компаративный подход, применяемый в исследовании, позволил выявить общее и особенное в содержании, структуре и функциях геополитического образа (образа Европы) как части субъективного пространства политики. Научная новизна полученных авторами результатов заключается в выявлении механизмов формирования и взаимодействия компонентов субъективного пространства политики (представлений о собственной стране, геополитических образов, национально-государственной идентичности). Показано, что образ Европы в политической картине мира молодежи двух стран играет роль значимого Другого — воспринимаемого в контексте ориентиров национально-государственной идентичности. Выделены объектные, субъектные и коммуникативные параметры восприятия образа Европы. Показано, что Европа в представлениях молодежи воспринимается как многоуровневое, многосоставное, когнитивно разнообразное, амбивалентное пространство, включающее социокультурные, политические, социально-экономические аспекты. Описана структура образа Европы, в которой выделяются ядро и периферия. Определено место Европы в системе других геополитических образов. Описаны дистанцирующие и интегрирующие факторы, определяющие положение Европы как Другого в системе Свой — Чужой. Выявлены особенности восприятия образа Европы и европейцев молодежью России и Армении, характеризующие различные проявления активного интереса к Европе в рамках обыденного и профессионального познания, разнообразие взглядов и отношений к Европе и европейцам, а также сходства и различия во взглядах и оценках молодых людей в Ереване и Краснодаре в отношении исследованных феноменов. Показано, что образ Европы в обеих странах выполняет важную для формирования национально-государственной идентичности функцию *Значимого Другого*. Выявлены доминирующие в среде молодежи позитивные или нейтрально-позитивные установки по отношению к Европе, показаны особенности отношения молодых россиян к Европе. Описаны выявленные модели восприятия Европы молодежью обеих стран (Мы – Европа; Мы – еще не Европа; Мы – уникальное культурное пространство), а также особенности их содержательного наполнения.

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Восприятие Европы в молодежной среде в контексте современных геополитических трансформаций (на материалах Краснодара и Еревана)» (грант РФФИ №16-23-20001, грант 15РГ-20 Госкомнауки МНО РА).

Ключевые слова: субъективное пространство политики, политическая картина мира, Европа, Россия, Армения, национально-государственная идентичность, Другой

Введение

Предмет данного исследования — образ Европы как геополитического объекта в контексте восприятия собственной страны — относится к субъективному пространству политики, предметной области, которая в настоящее время признается, наконец, важным, если не определяющим фактором, определяющим содержание и динамику социальной и политической жизни.

Система международных связей, участники международных отношений находятся в состоянии поиска динамического равновесия (Киселев, Смирнова, 2006). Сложность исследований субъективного пространства политики (Самаркина, 2017), процессов формирования образов друг друга и взаимного восприятия состоит в том, что все элементы этой системы — страны, государства, регионы (как объекты восприятия); общества, сообщества, отдельные социальные группы и личности (как субъекты восприятия); внутри- и внешнеполитический контекст, обуславливающий результат восприятия (содержание образа); другие значимые факторы — не представляют собой константных факторов, а находятся в постоянной динамике.

Соответственно, исследования восприятия международных акторов в мире глобальных, региональных и локальных конфликтов актуальны и важны для понимания общественного мнения, траекторий, динамики и потенциала как конфликтных отношений, так и потенциала конструктивного взаимодействия на международной арене (Jervis, 1976, Chaban, Elgstrom, Kelly, Yi, 2013). Однако исследование восприятия Других (геополитических объектов в политической картине мира) имеет и «внутренний эффект», т.е. помогает разобраться в сложных механизмах формирования групповой и национально-государственной идентичности (Пищева, 2010).

Методология и методика исследования

Изучение субъективного пространства политики в современных политико-психологических исследованиях строится на модели социальной перцепции с учетом особенностей восприятия политических (геополитических) объектов. Образ рассматривается как результат процесса восприятия объекта, обусловленного особенностями и самого объекта, и воспринимающего субъекта (индивида, группы, сообщества), происходящего под влиянием системы целенаправленных и стихийных факторов (Jervis, 1976; Шестопад, 2012, Давыборец, 2015, Костяев, 2015, Ведерникова, 2016).

В данном исследовании для описания образа Европы в представлениях молодежи потребовался анализ объектных параметров образа (Европы как геополитического объекта), субъектных параметров образа (особенностей воспринимающего субъекта — молодежи как социально-демографической группы), структурных и содержательных параметров образа Европы, а также системы факторов, которые эти параметры определяют. Интегрирующей научной задачей стало выявление потенциала геополитического образа (на примере образа Европы) в формировании национально-государственной идентичности (Эрикссон, 2006).

Выбор качественной стратегии данного исследования был обусловлен необходимостью погрузиться и детально изучить внутреннюю структуру представ-

лений молодежи о Европе и собственной стране, определить содержательные и структурные параметры представлений о Других, степень их однородности, выявить факторы, влияющие на структуру и содержание образа, определить его роль в формировании собственной идентичности.

Обсуждая результаты исследования, мы приходим к убеждению, что изучение образа Европы позволило нам решить более масштабные задачи — сделать выводы относительно представлений о собственной стране, понять механизмы и факторы формирования собственной национально-государственной идентичности.

Что касается сравнительного компонента данного исследования, то особенности взаимоотношений между Европейским союзом (и отдельными государствами ЕС) и Российской Федерацией (Образ России, 2008, Нарбут, 2011), а также между ЕС и Республикой Армения в контексте внешней политики двух наших стран являются одним из важнейших факторов, определяющим специфику, глубину и характер общественного дискурса относительно «европейских дел» в наших обществах. Вместе с тем особенности общественных восприятий Европы могут послужить своеобразным отражением, фактором поддержки или отрицания в обществах Армении и России проводимой в наших странах политики взаимодействия с ЕС и не входящими в него странами географической Европы. То, насколько такая политика или ее отсутствие адекватны восприятиям и пожеланиям наших граждан, в том числе молодежи, являющейся локомотивом общественных настроений и наиболее активной социальной группой в пространстве массовой коммуникации, отчасти может быть выявлено через изучение мнения молодежи и ее социальных ориентаций по поводу перспективности для них связанных с Европой идеалов, моделей поведения, образов и характеров европейцев, которым молодежь хотела бы следовать, или же, наоборот, которые отрицает.

Наконец, реализация данного сравнительного исследования позволила лучше понять молодежь Армении и России с ее идеалами, моделями поведения и ценностными ориентирами, в частности, в контексте их восприятий «европейского образа жизни». Обсуждение с молодыми людьми Европы в политическом, экономическом, культурно-коммуникативном, ценностном измерениях, изучение восприятий и стереотипов молодых людей относительно Европы и европейцев позволило выявить важный пласт в мировосприятии (в том числе политической картине мира) молодежи. Вместе с тем понимание ценностно-целевых ориентаций нашей молодежи относительно степени привлекательности для них того образа европейцев, который возник у них в результате личного знакомства с представителями европейских государств, туризма, чтения учебной и художественной литературы, потребления СМИ и общения в соцсетях, позволит сделать молодежную (в частности, информационную) политику более адресной и эффективной.

В результате исследования выявлен ряд *объектных параметров*, характеризующий Европу как объект восприятия и оказывающих влияние на образ Европы как результат этого восприятия. Во-первых, это *сложная структура* самого объекта — Европы. Европа выступает как географическое, политическое, социальное, экономическое, социокультурное пространство, которое сформировалось и существует несколько тысячелетий во взаимодействии с другими пространствами. Во-вторых, *сложность и разновекторность отношений между Европой и Россией, с одной стороны, и более определенная в формально-институциональном плане, ак-*

тивно развивающаяся система взаимоотношений между ЕС и Арменией², с другой. Важной частью объектных параметров образа Европы является история и современный контекст социально-экономических и геополитических взаимодействий Европы с Россией и Арменией. В-третьих, характеристики *Европы как политического объекта*. Как известно, особенностями восприятия политических объектов является направленность восприятия на смысловые и оценочные интерпретации политических объектов; слитность когнитивных и эмоциональных компонентов перцепции; опосредованность процесса восприятия средствами массовой информации; влияние на процесс восприятия стереотипов массового сознания (Шестопап, 2008, 2012; Атанесян, 2008).

Субъектные параметры, определяющие восприятие Европы, связаны с особенностями молодежи как социально-демографической группы и этапами социализации, в частности — профессиональной социализации; актуализации целого ряда социальных проблем в этом возрасте, наличием некоторого, но не большого жизненного опыта проживания, обучения или работы в Европе или отсутствием такового.

Выбор молодежи как субъекта — носителя политической картины мира для изучения отдельных ее компонентов — определялся несколькими обстоятельствами: во-первых, складывающиеся идентификационные матрицы молодого поколения оказывают непосредственное влияние на жизнеспособность, воспроизводство и реконструирование национально-государственной идентичности современной России и Армении; во-вторых, современная молодежь социализируется в «пространстве социального взаимодействия, в границах которого интеграция индивидов достигается на основе качественно измененных и усложненных требований к характеру их участия в социальной коммуникации, что обуславливает их активную «рефлексивную включенность» в публичное интегрированное с интернет-средой информационно-коммуникативное пространство международной политики (Кастельс, 2016. Семененко, 2006, 2008). Представители современной молодежи по сути являются носителями нового типа личности — «человека пост-модерна» индивидуализированного общества, представителя «общества знаний» и носителя «гибридной идентичности», который может реализовывать свою политическую субъектность в многослойном формате публичной политики.

Коммуникативный аспект восприятия Европы также связан с субъектными параметрами данной модели. Вовлеченность молодежи в процессы социальной коммуникации, сетевого взаимодействия, подверженность влиянию средств массовой коммуникации и социальных медиа определяют оптику восприятия образа Европы и собственной страны.

Содержание и структура образа Европы: основные параметры

Образ объекта в индивидуальном и коллективном сознании имеет *рациональные* (осмысленные, логически связанные и обоснованные субъектом восприятия признаки и характеристики, как правило, артикулируемые вербально) и *бессознательные* компоненты (т.е. характеристики образа, содержание которых субъект не осознает,

---

² С 24 ноября 2017 г. взаимоотношения между Республикой Армения и Европейским союзом развиваются в рамках Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Арменией и ЕС. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/armenia/36260/new-agreement-between-eu-and-armenia-will-bring-tangible-benefits-citizens_en

но использует их в описании, вербально или графически). Рациональные компоненты геополитического образа во многом определяются объективными факторами: знаниями о Европе, ее истории, культуре, политическими отношениями с Россией и т.п. Бессознательные параметры геополитического образа являются проявлениями архетипов коллективного бессознательного, архетипов политической культуры, стереотипов общественного сознания и т.п. Интегрированные результаты эмпирического исследования позволяют сделать вывод о том, что в представлениях российской молодежи на бессознательном уровне Европа не воспринимается как угроза, враг или объект опасности; скорее как дистанцированный, но вполне знакомый и поэтому не вызывающий опасений объект (Другой, не Свой), обладающий рядом привлекательных характеристик, но не вполне похожий на нас. На рациональном уровне участники исследования демонстрируют симпатии ценностям свободы, демократии, высокому уровню жизни, характерным в их представлениях для Европы. И на рациональном и на бессознательном уровне Европа воспринимается амбивалентно, с одной стороны, как независимый субъект международной политики, в другой стороны — как зависимый от США участник мировых политических отношений.

Говоря о Европе, молодежь Армении также понимает демократические ценности, права и свободы, экономическое благосостояние граждан, а также динамичность политико-экономических и социальных процессов, что делает Европу привлекательной и ценной с точки зрения изучения и применения в Армении эффективного европейского опыта модернизации различных сфер жизнедеятельности государства и общества. Интересно заметить, что молодежь Армении склонна воспринимать европейские ценности в качестве шкалы, с помощью которой в сравнительном ключе сопоставляются и измеряются также права и свободы в Армении. Это позволяет молодым людям оценивать качество жизни, уровень демократических свобод и т.д. в собственной стране и соответственно оценивать важность и перспективность взаимоотношений между Арменией и ЕС. В качестве проводника демократических ценностей, а также пространства, представляющего интерес с точки зрения экономического развития, качественного образования, трудоустройства и туризма, Европа представляется молодежи Армении как Другой, не Свой, однако ценный, интересный, соответственно — значимый Другой. В этом плане восприятия Европы молодежь Армении и России схожи.

Интегрируя результаты, полученные при помощи комплекса методов, заранее обговоренного и унифицированного для полевого исследования в Ереване и Краснодаре³, можно описать образ Европы как многоуровневое, многосоставное, когнитивно разнообразное, амбивалентное пространство.

---

³ Основным методом сбора эмпирической информации в исследовании была фокус-групповая дискуссия с участием различных слоев молодежи. В 2016–2017 гг. были проведены 12 фокус-групп с представителями студенческой, работающей и сельской молодежи в Краснодаре и Краснодарском крае. Параллельно 6 фокус-групповых дискуссий с участием в целом 60 молодых людей было проведено в Ереване. Для стимулирования дискуссии применялись следующие методики: методика проективного рисунка «Моя страна и Европа», методика неоконченных предложений «Персоны», картографирование, методика семантического дифференциала «Моя страна и Европа», методика шкалирования «Орбиты», результаты которых, наряду со стенограммами фокус-групповых дискуссий, стали объектами качественного и количественного анализа (контент-анализа – для рисунков). Для оценки и концептуализации полученных данных результаты, полученные на фокус-группах, обсуждались с экспертами. Всего было проведено 15 экспертных интервью в РФ и 10 – в РА с представителями академической науки, практиков в сфере международных отношений, молодежной политики, туристического бизнеса (европейского направления).

Рис. 1. Европа: единицы анализа, набравшие более 10 упоминаний (методика Проективный рисунок «Моя страна и Европа»)

Fig.1. Europe: units of analysis with 10 or more mentionings (the technique called “Projective drawing «My country and Europe»”)

Многосоставность образа Европы. Российская молодежь воспринимает Европу как совокупность нескольких пространств: географического, социокультурного, политического, социально-экономического, причем размеры этих пространств не всегда совпадают. Многосоставность образа Европы отчетливо выявили данные, полученные при помощи всех методик. На рисунках о Европе нашли отражение элементы всех перечисленных пространств; персонифицированные индикаторы Европы также отразили палитру значимых персон в области политики, общественной жизни, науки, искусства; о многосоставности образа Европы говорили участники фокус-групповых дискуссий.

Неоднородность и многоуровневость образа Европы. Российская молодежь воспринимает Европу как неоднородное пространство, имеющее несколько уровней. Эта характеристика образа зафиксирована нами относительно всех описанных пространств: географического, политического, социокультурного, социально-экономического. В каждом из них участники исследования отмечали наличие ядра (собственно Европа), периферии (почти Европа) и границы (Не Европа). Сопоставление образов России и Европы позволило выделить также пространство полупериферии, элементы которой имеют отношение к нескольким центрам (и Европа, и Россия).

Вместе с тем исторически сложившаяся включенность России во взаимодействия с Европой, исторический опыт сотрудничества, сложившиеся культурно-исторические связи определили тот факт, что основу образа Европы в представлениях российской молодежи составляет социокультурное пространство, которое формирует содержательное ядро образа Европы. Социокультурные индикаторы составили большую часть элементов, отраженных на рисунках о Европе (рис. 1).

В сознании представителей молодежи Армении высокий уровень экономического развития — один из важнейших критериев принадлежности к «Европе»: соответственно такие страны, как, например, Албания, молодыми людьми во время дискуссий нередко не соотносились в «Европой». Любопытно, что в качестве символа «Европы» участники дискуссий нередко изображали экономический символ ЕС — Евро, а в качестве европейских стран, являющихся критерием экономического благосостояния, преимущественно назывались государства Западной и Северной Европы — Германия, Швейцария, скандинавские страны и Великобритания. Германия и Великобритания у некоторых респондентов отождествляются с крупными университетами. В восприятии армянской молодежи европейская система образо-

вания является образцовой, а получение образования в Европе считается большим преимуществом в определении качества профессионализма и построения карьеры. Можно заметить, что характеристики, приписываемые Армении и Европе, не противоречат друг другу и не противопоставляются в рамках Мы и Они; Они в данном случае — не Чужие, а скорее *более динамичные Другие*.

Анализ персонифицированных индикаторов образа Европы также показал, что в среде молодежи Армении и России самая широкая палитра персон одинаковым образом представляет сферу науки, образования, культуры и искусства. Политическое пространство как составная часть образа видится более фрагментированным и разорванным. В образе Европы присутствует и единая Европа как политический союз, со всеми его атрибутами, и отдельные страны Европы.

В политическое пространство Европы в представлениях российской молодежи агрессивно вклиниваются США, разрушая политическое единство образа и его субъектность. Неспособность Европы противопоставить самостоятельную политику действиям США является для респондентов фактором, отдаляющим Европу в сторону Чужого. Еще одним показателем этой функции политического пространства образа является ТОП-3 наиболее часто упоминаемых персон, которые ассоциируются у молодежи с Европой составили Меркель (169 упоминаний), Наполеон (120 упоминаний), Гитлер (103 упоминания).

В отличие от взглядов российской молодежи, молодежь Армении не видит противоречий в образах Европы и США, а также не считает США Чужим, мешающим взаимодействиям между Европой и Арменией. Между тем, несмотря на многообразие мнений, почти все опрошенные в Армении в рамках исследования молодые люди пытались отметить точки соприкосновения и сходство между Арменией и Европой, параллельно обсуждая сходство и различие с другим мировым полюсом — Азией. В объединении не всегда гармонично сосуществующих элементов европейской и азиатской культуры, традиций и моделей поведения является объективная и очень непростая задача армянского общества на протяжении веков. В процессе попыток синхронизации западного и восточного, европейского и азиатского армяне часто испытывают затруднения, внутренний конфликт с собой и социальной средой, и именно это является одним из факторов, объективно осложняющих взаимоотношения с Европой как Другим; возможно, именно это делает Европу для Армении Другим, не Своим. В этом смысле в представлениях молодых людей наблюдается некая шкала, на одном конце которой находится «Европа», на другой — «Азия», и основной спор ведется о том, где на этой шкале находится Армения, в какую сторону она движется в той или иной ситуации, будь то бытовое массовое поведение или внешнеполитические решения.

Функции образа Европы

Образ как результат процесса социальной перцепции в политической картине мира молодежи как социальной группы, помимо функции отражения социально-политической реальности, выполняет также идентификационную функцию. Содержательно она выражается в позиционировании и оценке Европы через асимметричный механизм Свой — Чужой относительно своей страны и рефлексии этой позиции в контексте формирования собственной идентичности.

Большинство российских участников исследования отнесли Европу к категории Другой (не Чужой), расположив ее в числе отдельных стран по восприятию

Ранжирование геополитических образов относительно России
 Ranking of geopolitical images in relation to Russia

№	Геополитический объект	Ранг (орбита)
1	Армения	1,4
2	Китай	1,4
3	Прибалтика	1,8
4	Европа	1,8
5	Турция	1,9
6	Германия	2
7	Украина	2,1
8	США	2,5

на срединной из трех предложенных орбит⁴ (см. таблицу 1). Наиболее близкими к России (*своими*) оказались Армения и Китай (некоторые респонденты на первую, ближайшую к России орбиту вписывали также Белоруссию и Казахстан). Наиболее далекими от России (*чужими*) были названы Соединенные Штаты Америки; рядом с США оказалась Украина. Европа в этой системе расположилась практически на второй орбите (*другие*), получив средние ранги от 1,8 до 2 вместе с Прибалтикой, Турцией и Германией.

Таким образом, в системе геополитических координат, в центре которой располагается Россия, Европа вытеснена с ближайшей орбиты — позиции *Своего* — на срединную позицию, которую можно (по совокупности методик) интерпретировать как роль Другого. Показательно, что дальние позиции в этой системе занимают США и Украина с Германией, играющие в настоящее время роль Чужих в этой системе геополитических координат.

Восприятие Европы, как прежде всего социокультурного пространства, что говорит о наличии пересечений и совпадений в социокультурной идентификационной матрице, на наш взгляд, является фактором, определяющим срединное положение образа Европы по шкале Свой — Чужой (Европа — Другой, но не Чужой). Наличие в образе Европы социокультурного ядра, не противоречащего идентификационной матрице россиян не позволяет образу Европы дистанцироваться в этой шкале до позиции Чужого.

Интересно заметить, что аналогичным образом молодежь Армении обозначила Россию как *наиболее Своего*, а Европу — как в основном Другого, хотя отдельные страны ЕС (в частности, Францию) — как более отдаленного, чем Россия, но опять же Своего. Однозначно *Чужими* обозначены Турция и Азербайджан.

⁴ Для определения места образа Европы в системе геополитических координат относительно собственной страны использовалась методика ранжирования «Орбиты». Модератор дискуссии предлагал участникам расположить на рисунке на трех условных орбитах перечисленные страны (Армения, Китай, Прибалтика, Европа, Турция, Германия, Украина, США) соответственно их ощущениям по отношению к собственной стране (России / Армении). Участники исследования могли добавить другие страны в список. По результатам обработки данных определялся средний ранг, полученный каждым геополитическим объектом, что давало возможность проранжировать геополитические объекты и определить «удаленность» Европы от образа собственной страны, соответственно определить функцию образа Европы и других стран как Своих или Чужих.

Вопрос о том, является ли Турция частью Европы, был для участвовавших в обсуждениях представителей молодежи Армении очень актуальным; воспринимая «Европу» в рамках экономического благосостояния, молодежь периодически говорила о существенных связях с Европой Турции и Грузии. Говоря о Турции, некоторые респонденты высказывались о том, что согласно экономическим показателям ее можно считать европейской страной. Нужно отметить, что представления армянской молодежи о Турции очень подробны и совмещают в себе знания из истории, современной политической повестки дня согласно новостным передачам, из семейных рассказов, а также у некоторых из молодых людей — из личного опыта туризма, в основном паломничества в Западную Армению (Анатолию) и Стамбул (который иногда становится также транзитным аэропортом для путешествующих из Армении в страны ЕС). Ассоциированность Турции со Стамбулом, а также высокий экономический уровень Турции стали причиной для ее восприятия определенной группой армянской молодежи в качестве части Европы.

Вместе с тем часть молодежи Армении не считает Турцию европейским государством, ссылаясь на низкий уровень защищенности прав и свобод человека в Турции по сравнению с государствами ЕС. Некоторые из опрошенных не считают Турцию европейской страной, ссылаясь на то, что «исламское государство не является частью европейской цивилизации и соответственно не может считаться европейской страной».

Что касается Грузии, то среди армянской молодежи распространено представление о Грузии как о более прозападной стране. Кроме того, Грузия проводит информационную политику, создавая себе имидж самой прозападной страны в регионе, и данный имидж широко транслируется в Армении. Говоря о Грузии, молодежь в основном употребляет определения «прозападная» и «роевропейская» в качестве синонимов, что означает, что в их представлении направления ЕС и США во внешней политике Грузии воспринимаются в качестве единого вектора. Интересно отметить элемент зеркальности в стереотипах жителей Армении о Грузии, и наоборот: в результате проведенного совместного с партнерами из Грузии исследования у армянской и грузинской молодежи выявилась почти аналогичная система стереотипов друг о друге и, в частности, в Грузии считают Армению «прозападной» так же, как в Армении — Грузию (см. *The Perceptions about Armenia's and Georgia's Policy towards Each Other among Two States' Youth*, 2015).

Оценка образа по шкале Свой – Чужой является существенным фактором, определяющим результирующий вектор восприятия, имеющим значение как для объекта восприятия (Европы), так и для носителя (в данном случае — *россиян и граждан Армении*), ведь по сути политика идентичности, трактуемая в широком смысле как деятельность государства по формированию чувства принадлежности, тождественности граждан собственной стране ориентирована на дифференциацию образов других геополитических объектов относительно собственной страны по этой шкале. *Свои* маркируют пространство в том числе политического влияния; *Чужие* маркируют пространство политических соперников, противников, оппонентов; *Другие* — пространство ценностного влияния, которое определяется совпадением компонентов социокультурной идентификационной матрицы.

В целом мы выявили систему факторов, определивших положение Европы на шкале Свой – Чужой, среди которых имеют место факторы сближения (действи-

ющие в направлении приближения образа Европы к положению Свой) и факторы дистанцирования (действующие в обратном направлении к позиции Чужой). К первой группе влияющих факторов мы отнесли уже отмеченные исторически сложившиеся социокультурные связи Армении и России со странами Европы, длительный исторический опыт социокультурного взаимодействия с Европой, сложившиеся разнообразные практики публичного взаимодействия и взаимодействия граждан в сфере экономики, туризма, образования, науки и т.п. Ко второй группе факторов (определяющих дистанцирование образа Европы от позиции Своего и более характерные для восприятий молодежи России, нежели Армении) мы отнесли современный геополитический контекст (O’Tuathail, Dalby, 1998), внешнеполитические факторы, ситуационные внутривнутриполитические факторы (избирательная кампания, внутренняя политика относительно решения текущих социально-экономических проблем населения, социально-экономическая ситуация как контекст формирующий отношение к Европе и отдельным европейским странам), процессы переосмысления и политика идентичности, которая определяется значимыми внешнеполитическими событиями (например, присоединение Крыма и в этом контексте поиск ответов на вопрос о том, как быть с Украиной: она Свой или Чужой? Европа или нет?). К последней группе мы также относим политику Европы по формированию общеевропейской идентичности на территории бывших советских республик, ныне — государств, входящих в Восточное партнерство, которая воспринимается в России как «наступление на нашу территорию», территорию «Своих». Следует отметить, что европейские исследователи также активно изучают образ Европы в представлениях нынешних и потенциальных европейцев (см. Евтушенко, Сазантович, Самаркина, 2016 а, 2016 б). Особенно активно исследуется сюжет о том, как воспринимается Европа гражданами в странах Восточного партнёрства, насколько эффективна проводимая в этих странах по специальным европейским программам политика формирования европейской идентичности.

Из анализа обсуждений данного вопроса с представителями молодежи Армении следует, что данные опасения безосновательны и вредят стратегическим армяно-российским взаимоотношениям. Вместе с тем армянская молодежь считает причастность к процессу становления европейской цивилизации частью своей национальной идентичности, и это не результат политики ЕС в отношении постсоветских стран, тесные взаимоотношения Армении с ЕС являются логическим процессом, проистекающим из истории Армении и ее цивилизационных связей с Европой.

Таким образом, интегрированный вектор влияния сближающих и дистанцирующих факторов определил особенности нынешнего положения Европы на шкале Свой — Чужой как позицию Другого.

В качестве задач нашего исследования мы определили теоретические и практические задачи по определению потенциала Другого в формировании национально-государственной идентичности. Полученные нами данные позволяют сделать вывод о том, что функционал образа Другого в формировании собственной национально-государственной идентичности состоит в том, чтобы быть объектом рефлексии и сравнения с представлениями о собственной стране и в итоге оттенить значимость образа собственной страны (объекта идентификации).

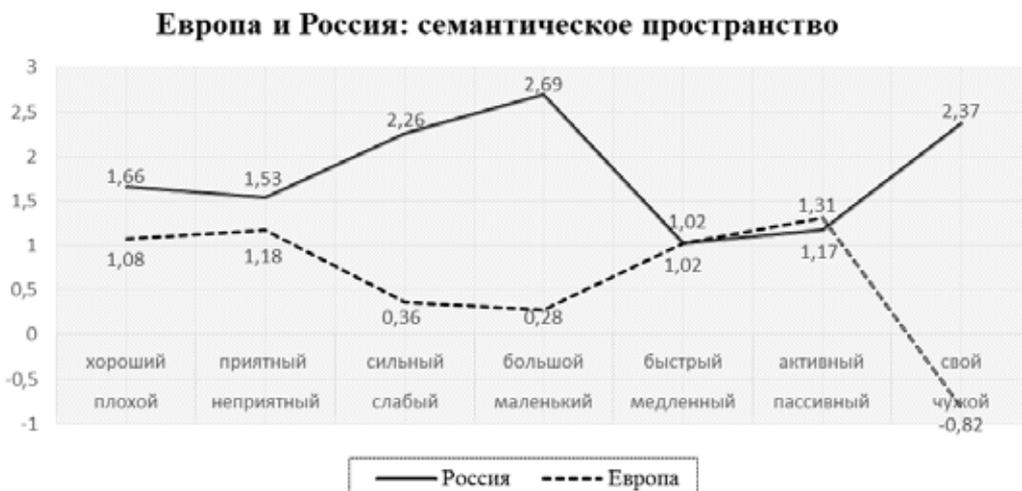

Рис. 2. Европа и Россия: семантическое пространство (базовая часть СД)

Fig.2. Europe and Russia: semantic space (base section of SD)

Как происходит отстройка и рефлексия образа собственной страны относительно Европы (Другого) демонстрируют данные, полученные нами при помощи методики семантического дифференциала⁵.

Семантический профиль Европы находится ниже профиля России, средние показатели всех параметров профиля Европы, включенные в базовую часть методики (за исключением активности) оказались ниже, чем показатели России, т.е. эмоциональная оценка собственной страны российскими участниками исследования позитивнее, чем Европы (см. рис. 2). Наибольшие расхождения в оценках восприятия собственной страны и Европы оказались в характеристиках базовых параметров образа — силы и масштаба / размера. Участники исследования воспринимают Европу как *маленькую* (0,28) и *слабую* (0,36), в противовес *большой*

⁵ Бланк семантического дифференциала «Моя страна и Европа» включал две части: базовую и специализированную. В базовую часть бланка семантического дифференциала были включены семь пар антонимов (хороший – плохой; приятный – неприятный; сильный – слабый; большой – маленький; быстрый – медленный; активный – пассивный; свой – чужой), участникам исследования предлагалось оценить степень выраженности каждого из перечисленных свойств у двух объектов: Европы и России (Европы и Армении). Для оценки предлагалось использовать биполярную семибалльную шкалу (-3-2-1 0 1 2 3). Специализированный семантический дифференциал был составлен с целью определить восприятие основных параметров объектов, отражающих структуру образа страны: люди, социальное самочувствие, социально-экономическое положение, природа, власть, общество, политика, социальное пространство, отношение к другим, степень религиозности. В него были включены следующие пары антонимов: люди добрые – люди злые; люди здоровые – люди больные; люди белые – люди цветные; социальное самочувствие: оптимизм – социальное самочувствие: пессимизм; социально-экономическое положение: стабильное – социально-экономическое положение: нестабильное; природа: чистая – природа загрязненная; власть: демократическая – власть: авторитарная; общество: свободное – общество: несвободное; политика: для людей – политика: для политиков; пространство: единое – пространство: фрагментированное; отношение к другим: терпимое – отношение к другим: нетерпимое; религиозная – светская. На основании полученных данных были построены усредненные шкальные профили изучаемых геополитических объектов. Сравнение данных проводилось по усредненному шкальному профилю.

(2,69) и *сильной* (2,26) России. Максимальное же расхождение профилей исследуемых стран обнаруживается по линии социальной дистанции, определяющей идентификационную матрицу (*свой – чужой*). Это единственный параметр семантического пространства Европы, получивший в оценках участников исследования отрицательное значение – параметр *свой – чужой* (–0,82). Выше всего участники исследования оценили позицию *активный* (1,31) в семантическом профиле Европы; далее идут параметры *приятный* (1,18), *хороший* (1,08) и *быстрый* (1,02). Именно по этим линиям (параметрам активности и эмоциональной близости) семантическое пространство России и Европы совпадает. Данные, полученные по этой части методики, коррелируют с результатами ранжирования. Усредненный профиль Европы (за исключением параметра – *Свой/Чужой*) оказался выше нуля, т.е. в оценках преобладали положительные значения (не *Чужой*); но дистанцирован от профиля России в некоторых случаях на две единицы (не *Свой*).

Рефлексия образа собственной страны в сравнении с Другим относительно важных параметров национально-государственной идентичности зафиксирована нами по всем параметрам (Самаркина, Морозова, Мирошниченко, 2018), в том числе по результатам анализа специализированной части семантического дифференциала.

Семантический профиль Европы, описанный специализированным семантическим дифференциалом, детализирующим социально-экономические, социокультурные и политические параметры, оказался по большинству параметров выше профиля России, т.е. эти признаки получили более высокие оценки участников исследования. Более высоко (лучше, чем в России) участники исследования оценили в образе Европы людей (добрые, здоровые), социальное самочувствие, социально-экономическое положение, отметили лучшую экологическую ситуацию (в Европе – природа чистая, в России – нет), большую свободу общества, более демократичное политическое устройство, ориентированную на людей политику. Исключением оказались два признака: этническая однородность общества (*люди: белые – цветные*) и состояние *духовной сферы* (*религиозная – светская*). Европа воспринимается как этнически менее однородное пространство (*люди цветные* – 0,53), в *духовной сфере* – менее религиозное, светское пространство (*светское* – –0,06).

В этой части пика семантического профиля Европы приходятся на параметры, содержащие оценки природы и общества: *природа чистая* (1,12) и *общество свободное* (1,11). Нижние пики профиля приходятся на параметры, отражающие фрагментацию пространства, оценку политической сферы и этнической неоднородности общества: *пространство фрагментированное* (0,15), *политика для людей* (0,4), *люди цветные* (0,53). Максимальное совпадение семантического пространства образов Европы и России в специализированной части семантического дифференциала (рис. 3) происходит по параметрам, отражающим социальную дистанцию и межличностные отношения (*люди: добрые – злые; отношение к другим: терпимое – нетерпимое*). Максимальное расхождение – по параметрам, описывающим социально-экономическое положение и ситуацию в *духовной сфере* (*религиозная – светская*).

Анализ данных семантического дифференциала подтверждает наши выводы о том, что образ Европы в сознании молодежи является объектом сравнения и сопоставления с собственной страной. В сознании молодежи образ Европы является значимым, он имеет сложное и разнообразное содержание. Образ Европы в политической картине мира молодежи выступает в роли Другого, поскольку ли-

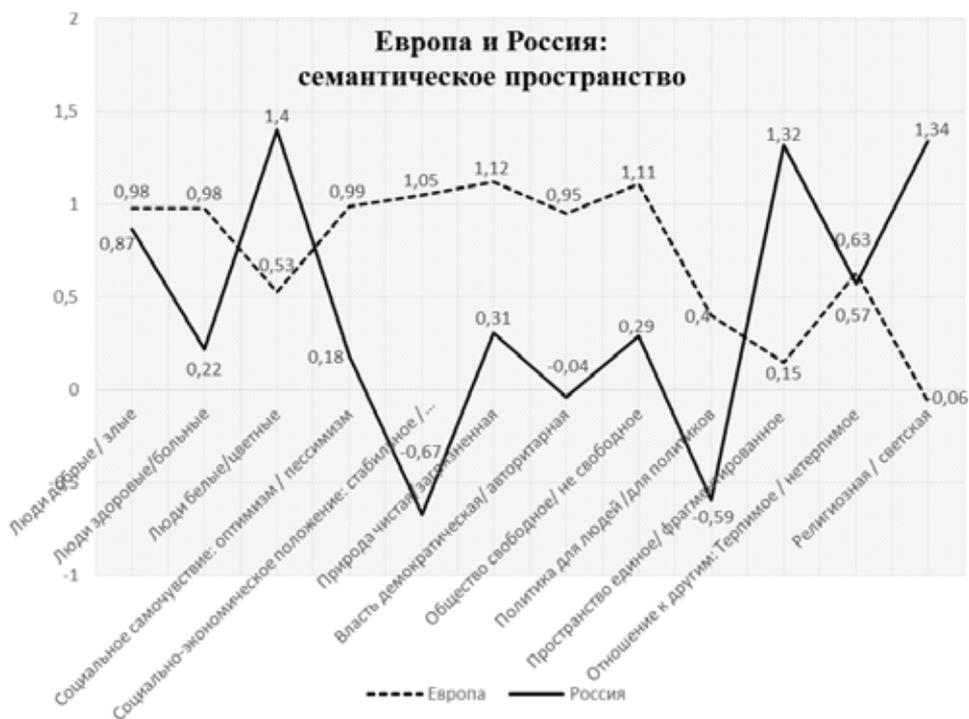

Рис. 3. Европа и Россия: семантическое пространство (специализированный СД)

Fig. 3. Europe vs. Russia: semantic space (specialized SD)

ний некогруентности с образом собственной страны намного больше, чем линий конгруентности.

Реализацию функции Другого в процессе восприятия Европы демонстрируют также результаты анализа рисунков⁶ и их обсуждение на фокус-группах, которые показали, что Европа выступает объектом постоянного сравнения с собственной страной. Это сравнение отражено в целом ряде метафор: Европа — миска салата, пазл (в противовес целостной России); Европа — ограненный, но маленький бриллиант (в противовес России, которая видится большим неограниченным алмазом);

⁶ Методика проективного рисунка «Моя страна и Европа» использовалась для выявления содержательно-символического наполнения образа Европы. Модератор предлагал участникам фокус-группы на листе бумаги нарисовать два рисунка: свою страну и Европу, точнее «первое, что приходит в голову при словах «Россия/ Армения» и «Европа»». Для дальнейшего анализа фиксировались возраст, пол, направление подготовки/ профессия участников исследования, а также имелся ли у них опыт пребывания в Европе. Модератор получил инструкцию не давать содержательных рекомендаций участникам, стимулировать участников к максимально самостоятельному созданию рисунков. Рисунки могли иметь сюжет или содержать отдельные элементы, символы, некоторые пояснения в виде минимального текста. Далее участники фокус-группы давали пояснения и обсуждали созданные рисунки. Объектом для дальнейшего анализа становились стенограмма фокус-групповой дискуссии с пояснениями (рациональный аспект восприятия образа Европы), а также сами рисунки, к которым применялся метод качественного анализа (определение основных сюжетных линий рисунков, категорий) и метод количественного анализа (частота упоминания сюжетов и элементов рисунков).

Европа — богатая, территория достатка (в противовес небогатой России); Европа — зависимая от США, Соединенные Штаты Европы (в противовес независимой России); Европа — маленькая, ЕС — размер XS (в сравнении с огромной Россией).

Сопоставление содержания образов Европы и собственной страны (России), отраженных в рисунках участников фокус-групп, позволило выделить линии противопоставления и неконгруэнтности: единство — раздробленность; сплоченность — индивидуализм; независимость (сила) — зависимость (под сапогом США); несвобода — свобода; экстенсивное — интенсивное развитие; натуральное — суррогатное; бедность — богатство; беспорядок — порядок; богатство неиспользованных ресурсов — прагматичное использование всего, что имеется; Крым — Украина; мы — они (другие); сила — отсутствие силы. Линии конгруэнтности образов — богатая история и культура — подтверждают тот факт, что именно социокультурное пространство выступает ядром образа Европы. Очевидно, что линий несовпадения гораздо больше. Они охватывают практически все аспекты восприятия одного из ключевых образов политической картины мира, который оказывает существенное влияние на образ собственной страны и его эмоциональную окраску.

Предложенная объяснительная модель образа Европы позволила охватить всю сложность, многомерность и взаимообусловленность его структурных элементов. Данные, полученные в нашем исследовании, коррелируют с выводами наших коллег, изучавших Евросоюз на основании схожей теоретической модели, но использовавших другой инструментарий (Шестопал и др., 2016).

Если посмотреть на результаты исследования по Армении, то в этой части применения методики также можно видеть определенные различия между восприятиями Европы армянской и российской аудиторией. Так, общая средняя оценка Европы (1,55) выше средней оценки Армении (0,77). Это означает, что если российская молодежь смотрит на Европу «свысока», то армянская молодежь склонна критически оценивать прежде всего себя самих и видит в Европе целый ряд качеств (таких, как существенно более высокий уровень здоровья населения, скорости и динамичности развития, оптимизма), которые являются поучительными примерами и задачами развития Армении в настоящем и будущем (см. рис. 4).

Вместе с тем из рис. 4 можно видеть, что, по мнению армянской молодежи, Европа уступает Армении по показателям человеческой доброты (душевности) и религиозности. Схожие для Армении и Европы показатели получены на эмоциональном уровне: Европа по-своему столь же *приятна, хороша, сильна*, как и Армения в восприятиях молодежи.

Посмотрим на негативные для Армении показатели, по которым Армения, по мнению молодежи, существенно отстает от Европы (рис. 5).

Из рисунка можно видеть, что существенное отставание от Европы в сторону противоположных показателей происходит в вопросах уровня экономического благосостояния, экологии, уровня демократии, прав и свобод, а также эффективности политики. В отличие от мнения российской молодежи, в среде армянской молодежи не распространены уничижительные для образа Европы формулировки, характеризующие ее как подстраивающуюся под политику США, подстрекающую конфликтность с союзниками (в первую очередь с Россией), и т.п. Вместе с тем интересно заметить, что в дихотомии Свой — Чужой место Европе отводится армянской молодежью примерно такое же (Европа — 0,9, Армения — 2,3), как и российской (Европа — 0,8, Россия — 2,4).

Европа и Армения: семантическое пространство

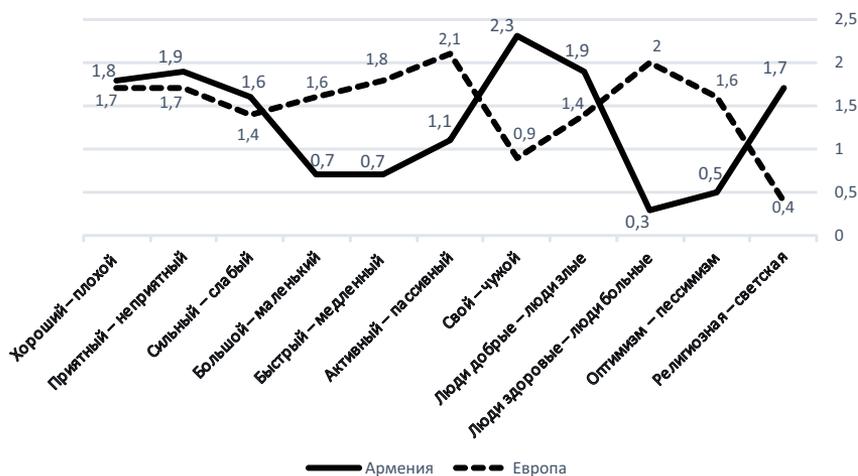

Рис. 4. Европа и Армения: семантическое пространство (базовая часть СД)

Fig.4. Europe vs. Armenia: semantic space (base section of SD)

Выводы исследования

Будучи частью субъективного пространства политики, образ Европы складывается из конфигурации рациональных и бессознательных компонентов, имеющих вербальные и визуальные проекции в системе когнитивных, аффективных и поведенческих аттитюдов и изменяющихся под воздействием комплекса структурных и динамических факторов. Разработка, апробация и использование комплексной методики эмпирического исследования помогли исследователям раскрыть эвристический потенциал политико-психологического подхода к изучению многосоставного и динамически изменяющегося образа Европы.

Таким образом, полученные нашей командой теоретические и эмпирические результаты, позволившие концептуализировать понятие *Другой* в политической картине мира и верифицировать теоретическую модель в компаративном исследовании, содержательно соотносятся с данными других исследований и вместе с тем привносят новое содержание в понимание образа *Другого* с учетом ряда современных интеграционных процессов на евразийском пространстве.

Образ Европы представляет собой значимую часть системы геополитических образов индивидуальной и групповой политической картины мира молодежи, тесно связанную с другими элементами субъективного пространства политики. Будучи частью субъективного пространства политики, образ Европы складывается из конфигурации рациональных и бессознательных компонентов, имеющих вербальные и визуальные проекции в системе когнитивных, аффективных и поведенческих аттитюдов и изменяющихся под воздействием комплекса структурных и динамических факторов.

Европа, играя роль *Другой* для молодежи России и Армении, выступает значимым объектом интереса и сравнения с собственной страной и элементом построения национально-государственной и гражданской идентичности.

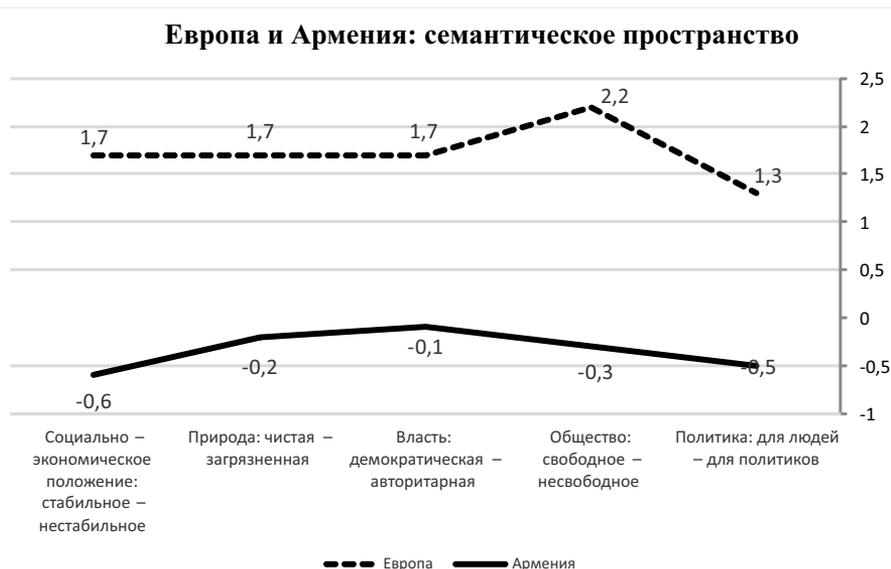

Рис. 5. Европа и Армения: семантическое пространство (специализированный СД)
 Fig.5. Europe vs. Armenia: semantic space (specialized SD)

Интегрированные результаты эмпирического исследования позволяют сделать вывод о том, что в представлениях российской молодежи на бессознательном уровне Европа не воспринимается как угроза; скорее, как дистанцированный, но вполне знакомый и поэтому не вызывающий опасений объект (Другой, но не Свой), обладающий рядом привлекательных характеристик, но не вполне похожий на нас. На рациональном уровне участники исследования демонстрируют симпатии ценностям свободы, демократии, высокому уровню жизни, характерным в их представлениях, для Европы. И на рациональном, и на бессознательном уровне Европа воспринимается амбивалентно, с одной стороны, как независимый субъект международной политики, с другой стороны, как зависимый от США участник мировых политических отношений.

Участие Армении в построении и развитии европейской цивилизации позволяет говорить о тесных контактах между Арменией и рядом европейских наций в историко-культурной перспективе. Соответственно культурная дистанция между армянским обществом и европейским сообществом воспринимается намного короче, чем географическая. На рациональном уровне участниками артикулируется мнение о том, что на современном этапе у Европы следует поучиться опыту реализации гражданских прав и свобод, а также некоторым системным характеристикам, которые позволят укрепить институциональные основы государственности. Вместе с тем в среде армянской молодежи превалирует мнение о том, что Армения — не Европа, а самобытная, тесно связанная с европейской цивилизация, обладающая собственной системой ценностей и моделей поведения, которую не следует перестраивать по образу и подобию «европейских» моделей бытового поведения.

Исследование образа Европы позволило выявить систему факторов и взаимодействий структурных компонентов субъективного пространства политики,

в частности, элементов индивидуальной и групповой картины мира и национально-государственной идентичности.

Образ Европы в политической картине мира молодежи обеих стран представлен как многоуровневое, многосоставное, когнитивно разнообразное, амбивалентное пространство, содержательно представляющее собой совокупность нескольких пространств: географического, социокультурного, символического, политического и социально-экономического. Его содержание в обеих странах определяет система ключевых факторов: объектных, субъектных и коммуникативных. Содержательно представления российской и армянской молодежи о Европе схожи в части символического наполнения.

Наше исследование показало, что образ Европы в обеих странах выполняет важную для формирования национально-государственной идентичности функцию *Значимого Другого*, Европа выступает объектом сравнения с собственной страной, которая, как правило, получает более критичные оценки по основным параметрам сопоставления. В целом по отношению к Европе в среде молодежи доминируют позитивные или нейтрально-позитивные установки, однако молодые россияне более критичны в своих оценках, чем представители молодежи Армении. Выделенные модели восприятия Европы (Мы – Европа; Мы — еще не Европа; Мы — уникальное культурное пространство) также являются универсальными, но имеют отличия в некотором внутреннем содержательном наполнении. Универсальной же видится осознаваемая молодежью культурная дилемма в форме дихотомии Россия — Европа, опять же имеющая разные содержательные акценты в исследуемых странах: россияне интерпретируют эту дилемму как вопрос: *Куда нам идти?* А армянская молодежь — как вопрос: *С кем нам быть?*

Наше исследование, построенное на методологии компаративного анализа и использовании ряда качественных методов, проведенное командой экспертов из России и Армении, помогло раскрыть эвристический потенциал политико-психологического подхода к изучению многосоставного и динамически изменяющегося субъективного пространства политики. Полученные в результате проекта данные и выводы могут быть интересны и полезны специалистам в области политической социологии, политической психологии, компаративистики, а также всем интересующимся проблемами формирования национальной идентичности и интеграционными процессами на евразийском пространстве.

Библиографический список

- Атанесян, А. В. (2008). *Актуальные проблемы современных политических и конфликтных коммуникаций*. Ереван: Изд-во Ереванского государственного университета.
- Ведерникова, М. И. (2016). Объективные и субъективные факторы восприятия имиджа России в ЕС. *Вестник РУДН. Серия Политология*, 2, 53–60.
- Давыборец, Е. Н. (2015). Роль факторов субъективного восприятия объекта в формировании имиджа государства. *Вестник ЗабГУ*, 10 (125), 41–49.
- Евтушенко, А. С., Сазантович, А. Б., Самаркина, И. В. (2016). Европа в восприятии соседей: проблемы, методики и результаты современных зарубежных исследований. *Человек. Сообщество. Управление*, 4, 45–61.
- Евтушенко, А. С., Сазантович, А. Б., Самаркина, И. В. (2016). Современные зарубежные исследования восприятия Европы: проблемы, методики, результаты. *Среднерусский вестник общественных наук*, 6, 143–154.

- Зинченко, Ю. П., Матвеева, Л. В. (ред.) (2008). *Образ России в стране и за рубежом: гуманитарное измерение*. М.: Издательство МГУ.
- Кастельс, М. (2016). *Власть коммуникации*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Киселев, И. Ю., Смирнова, А. Г. (2006). *Динамика образа государства в международных отношениях*. СПб.: Изд-во СПбГУ.
- Костяев, С. С. (2015). Имидж России в США: анализ экзогенных и эндогенных факторов. Гуманитарные науки. *Вестник Финансового университета*, 2 (18), 14–21. DOI 10.12737/11592
- Нарбут, Н. П., Троцук, И. В. (2011). Образы стран-соседей в восприятии студенческой молодежи (по результатам социологических исследований). *Вестник РУДН. Серия Социология*, 4, 109–117.
- Пищева, Т. Н., Виноградова, Н. С., Недова, А. Д. (2010). Образ России под углом зрения политических коммуникаций. *Полис. Политические исследования*, 4, 107–108.
- Самаркина, И. В. (2017). Субъективное пространство политики. В И. С. Семененко (ред.) *Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* (с. 380–385). М.: Весь Мир.
- Самаркина, И. В., Морозова, Е. В., Мирошниченко, И. В. (2018). Восприятие Европы в молодежной среде в контексте новых реалий мировой политики (на материалах Краснодар). *Полис. Политические исследования*, 3, 110–129. DOI: 10.17976/jpps/2018.03.08
- Семененко, И. С., Лапкин, В. В., Пантин, В. И. (2006). Образ России на западе: диалектика представлений в контексте мирового развития. К постановке проблемы. *Полис. Политические исследования*, 6, с. 110–124.
- Шестопа, Е. Б. (2008) Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования. В Е. Б. Шестопа (ред.) *Образы государств, наций и лидеров* (с. 8–24). М.: Аспект Пресс.
- Шестопа, Е. Б. (2012). *Психология политического восприятия в современной России*. М.: РОССПЭН.
- Шестопа, Е. Б., Губченко, В. А., Джамалудинов, Ш. З., Джгамадзе, К. Б., Тумысов, И. А. (2016). Образы Евросоюза в России: проблемы восприятия. *Полис*, 3, 12–24.
- Эрикссон, Э. (2006) *Идентичность: юность и кризис*. М.: Флинта.
- Chaban, N., Elgstrom, O., Kelly, S. & Yi, L. (2013). Images of the EU beyond its Borders: Issue-Specific and Regional Perceptions of European Union Power and Leadership. *Journal of Common Market Studies*, 51 (3), 433–451.
- Jervis, R. (1976). *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton, Princeton University Press.
- O'Tuathail, G. & Dalby, S. (1998). *Introduction: Rethinking geopolitics: Towards a critical geopolitics*. London: Routledge.
- The Perceptions about Armenia's and Georgia's Policy towards Each Other among Two States' Youth. Myths and Reality. Yerevan: Political Science Association of Armenia (2015). Режим доступа <http://www.fes-caucasus.org/news-list/e/the-perceptions-about-armenias-and-georgias-policy-towards-each-other-among-two-states-youth-myths-and-reality/>
- Torney, D. (2014). External Perceptions an EU Foreign Policy Effectiveness: The Case of Climate Change. *Journal of Common Market Studies*, 52 (6), 1358–1373.

Статья поступила в редакцию 10.10.2018

Статья принята к публикации 26.11.2018

Для цитирования: Самаркина И.В., Атанесян А.В. Европа как значимый друг в формировании национально-государственной идентичности российской и армянской молодежи. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 4. С. 109–129.

EUROPE AS SIGNIFICANT OTHER IN SHAPING THE NATIONAL AND STATE IDENTIFICATION OF THE RUSSIAN AND ARMENIAN YOUNG PEOPLE

I. V. Samarkina, A. T. Atanesyan

Irina V. Samarkina, Kuban State University, Stavropol'skaja St., 149, Krasnodar, 350040, Russia. E-mail: smrkn@mail.ru. ORCID 0000-0002-0205-8543

Artur V. Atanesyan, Yerevan State University, Alek Manukyan St., 1, Yerevan, 0025, The Republic of Armeniya. E-mail: atanesyan@yandex.ru. ORCID 0000-0001-8458-2447

Abstract. The article presents the results of a comparative research on how Russian and Armenian youth perceive Europe. The research is aimed at determining the role of geopolitical images in national and state identity shaping, as part of the politics' subjective space. The study of the subjective space components is based on the model of social perception which takes into account peculiarities of political (geopolitical) objects' perception. The main strategy in collecting and analyzing the data is the qualitative research strategy that allows the authors to reveal the content of the observable image with the help of social and psychological methodology. The comparative approach used in the research has made it possible to reveal the general and the special in the content and the functions of the geopolitical image (the image of Europe) as part of the politics' subjective space. The novelty of the authors' findings consists in identifying the mechanisms that generate the components of the politics' subjective space (i.e. conceptions with regard to one's own country, geopolitical images, national and state identity) and in demonstrating how they interact. It is shown that the image of Europe functions as significant Other on the political map of Russian and Armenian young people. Objective, subjective and communicative parameters of Europe's image perception are singled out. It is shown that Europe is perceived as a multilevel, complex, cognitively diverse and ambivalent space which includes socio-cultural, political and socio-economic aspects. The structure of Europe's image with its core and periphery is described. Europe's place within the system of other geopolitical images has been located. Disassociating and integrating factors which determine Europe's place as Other within the system "Us-Them" are described. The research has revealed the specificity of Europe's and the Europeans' image perception by Russian and Armenian youth that unveils different manifestations of their interest in Europe within the frameworks of trivial and professional cognition; it has also dwelt upon the multiplicity of views and a variety of attitudes towards Europe and the Europeans; besides, it analyzed similarities and differences in judgments and opinions of young residents of Erevan and Krasnodar in relation to the explored phenomena. It is shown that the image of Europe in both countries performs a very important function of the Significant Other in shaping the national and state identity. The research has revealed the positive / neutrally positive attitudes in relation to Europe dominating in youth environment; peculiarities of the young Russians' attitude to Europe have been emphasized. The ascertained = models of the way Europe is perceived by the young people of both countries (We are Europe; We are not Europe yet; We are a unique cultural space) and the pithiness of the models are described in detail.

Keywords: subjective space of politics, political map of the world, Europe, Russia, Armenia, national and state identity, significant Other

DOI: 10.31429/26190567-19-4-109-129

References

- Atanesyan, A. V. (2008) *Aktual'nyje problemy sovremennykh politicheskikh i konfliktnykh kommunikatslij* [Topical Problems of Present-day Political and Conflicting Communications]. Erevan: Izd-vo Erevanskogo gosudarstvennogo universiteta.
- Chaban, N., Elgstrom, O., Kelly, S. & Yi, L. (2013). Images of the EU beyond its Borders: Issue-Specific and Regional Perceptions of European Union Power and Leadership. *Journal of Common Market Studies*, 51 (3), 433–451.

- Castells, M. (2016) *Vlast' komunikatsii* [The Power of Communication]. M.: Izdatel'skij dom vysshei shkoly ekonomiki.
- Davyborets, E. N. (2015). Rol' faktorov subjektivnogo vosprijatija objekta v formirovanii obraza gosudarstva [Role of the Factors of an Object's Subjective Perception in Shaping the Image of the State]. *Vestnik ZabGU* [ZabGU Bulletin], 10 (125), 41–49.
- Erikson, E. (2006). *Identichnost': junost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. M.: Flinta.
- Evtushenko, A. S., Sazantovitch, A. B., Samarkina, I. V. (2016). Evropa v vosprijatii sosedej: problemy, metodiki i resul'taty sovremennykh zarubezhnykh issledovanij [Europe in Perception of her Neighbors: Problems, Methods and Results of Contemporary Foreign Researches]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenije* [Human. Community. Management], 4, 45–61.
- Evtushenko, A. S., Sazantovitch, A. B., Samarkina, I. V. (2016). Sovremennyye zarubezhnyye issledovaniya vosprijatija Evropy: problemy, metodiki, resul'taty [Present-day Foreign Research in How Europe is Perceived: Problems, Methodology, Results]. *Srednerusskij vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russia Bulletin], 6, 143–154.
- Jervis, R. (1976). *Perception and Misperception in International Politics*. Princeton, Princeton University Press.
- Kisel'jov, I. Yu., Smirnova, A. G. (2006). *Dinamika obraza gosudarstva v mezhdunarodnykh otnoshenijakh* [Dynamics of a State's Image in International Relations]. SPb.: Izd-vo SPbGU.
- Kostjaev, S. S. (2015). Imidzh Rossii v USA: Analiz eksogennykh i endogennykh faktorov [Russia's Image in the USA: Analysis of Exogenous and Endogenous Factors]. *Gumanitarnyye nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta* [Financial University Bulletin: Humanities], 2 (28), 14–21. DOI: 10.12737/11592
- Narbut, N. P., Trotsuk, I. V. (2011). Obrazy stran-sosedej v vosprijatii studencheskoj molodjozhi (po resul'tatam sotsiologicheskikh issledovanij) [Images of Neighboring Countries in Young Students' Perception (Based on the Results of Sociological Researches)]. *Vestnik RUDN Serija Sotsiologija* [RUDN Bulletin: Sociology], 4, 109–117.
- O'Tuathail, G. & Dalby, S. (1998). *Introduction: Rethinking geopolitics: Towards a critical geopolitics*. London: Routledge.
- Pishcheva, T. N., Vinogradova, N. S., Nedova, A. D. (2010). Obraz Rossii pod uglom zrenija politicheskikh kommunikatsij [The Image of Russia in Political Communication]. *Polis. Politicheskije issledovaniya* [Polis. Political Studies], 4, 107–108.
- Samarkina, I. V. (2017) Sub'ektivnoje prostranstvo politiki [The Subjective Space of Politics]. In I. S. Semenenko (Ed.) *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoye izdaniye* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition] (pp. 380–385). M.: Ves' Mir.
- Samarkina, I. V., Morozova, E. V., Miroshnichenko, I. V. (2018). Vosprijatije Evropy v molodjozhnoj srede v kontekste novykh realij mirovoj politiki (na materialach Krasodara) [Perception of Europe by Young Audiences in the Context of New Realias of World Politics (as Exemplified by Krasnodar)]. *Polis. Politicheskije issledovaniya* [Polis. Political Studies], 3, 110–129. DOI: 10.17976/jpps/2018.03.08
- Semenenko, I. S., Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2006). Obraz Rossii na zapade: dialektika predstavlenij v kontekste mirovogo razvitiya. K postanovke problem [Russia's Image in the West: Dialectics of Notions in the Context of World Development. Problem Statement]. *Polis. Politicheskije issledovaniya* [Polis. Political Studies], 6, 110–124.
- Shestopal, E. B. (2008). Obraz i imidzg v politicheskom vosprijatii: aktual'nyje problemy issledovaniya [Appearance and Image in Political Perception: Topical Problems of the Research]. In E. B. Shestopal (Ed.) *Obrazy gosudarstv, natsij i liderov* [The Image Data of States, Nations and Leaders] (pp. 8–24). M.: Aspekt Press.
- Shestopal, E. B. (2012). *Psikhologija politicheskogo vosprijatija v sovremennoj Rossii* [Psychology of Political Perception in Present-day Russia]. M.: POCCPEN.

- Shestopal, E. B., Gubchenko, V. A., Dzhamaludinov, Sh. Z., Dzhgamadze, K. B. & Tumysov, I. A. (2016). *Obrazy Evrosojuza v Rossii: problemy vosprijatija* [The Image Data of the EU in Russia: Problems of Perception]. *Polis [Polis]*, 3, 12–24.
- The Perceptions about Armenia's and Georgia's Policy towards Each Other among Two States' Youth. Myths and Reality. Yerevan: Political Science Association of Armenia (2015). Retrieved from <http://www.fes-caucasus.org/news-list/e/the-perceptions-about-armenias-and-georgias-policy-towards-each-other-among-two-states-youth-myths-and-reality/>
- Torney, D. (2014). External Perceptions an EU Foreign Policy Effectiveness: The Case of Climate Change. *Journal of Common Market Studies*, 52 (6), 1358–1373.
- Vedernikova, M. I. (2016) Objektivnyje I subjektivnyje factory vosprijatija imidzha Rossii v EC [Objective and Subjective Factors of Russia's Image Perception in the EU]. *Vestnik RUDN Serija Politologija* [EU. RUDN Bulletin: Politology], 2, 53–60.
- Zinchenko, Ju. P., Matvejeva, L. V. (Eds.) (2008). *Obraz Rossii v strane i za rubezhom: gumanitarnoje izmerenije* [The Image of Russia at Home and Abroad: Humanitarian Approach]. M.: Izdatel'stvo MGU.

Received 10.10.2018

Accepted 26.11.2018

For citation: Samarkina I.V., Atanesyan A.T. Europe as Significant Other in Shaping the National and State Identification of the Russian and Armenian Young People.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 4. Pp. 109-129.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

КОНТРОЛЬ ПОВЕДЕНИЯ КАК ОСНОВА САМОРЕГУЛЯЦИИ

Е. А. Сергиенко

Сергиенко Елена Алексеевна, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН, ул. Ярославская, 13–1, г. Москва, 129366, Россия.
Эл. почта: elenas13@mail.ru. ORCID 0000-0003-4068-9116

Аннотация. Статья посвящена обоснованию конструкта «контроль поведения». Контроль поведения — новое понятие, которое расширяет представление о регуляции и саморегуляции с новых системно-субъектных позиций. Представление о контроле поведения как основе регуляции сформировалось в результате попытки обоснования интегративного конструкта субъектной регуляции. Контроль поведения — это психологический уровень регуляции поведения, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей. Гипотеза контроля поведения релевантна представлениям о единстве когнитивных, аффективных и волевых психических процессов. Выделены три составляющие контроля поведения: когнитивный контроль (способности предвосхищать события, извлекать и упорядочивать ментальный опыт, ментально планировать решение и моделировать исполнение, способности к когнитивной гибкости, сравнению предполагаемого и реального результата, когнитивная гибкость), эмоциональная регуляция (интенсивность эмоций, эмоциональной лабильности, активность, способность к сопереживанию, пониманию эмоций своих и Другого) и произвольный/волевой контроль (способность к произвольной организации действий, волевых усилий). Проведено сравнение отечественных и зарубежных концепций и подходов к психической регуляции поведения и деятельности, показавшее, что понятие контроля поведения несводимо только к понятию саморегуляции, или регуляции психических состояний или деятельности. Контроль поведения как регулятивная функция субъекта актуализирует индивидуальные способности (ресурсы) человека в соответствии с целью и задачами (внешними и внутренними). Показано отличие контроля поведения от близкого понятия жизнеспособности, где акцент в большей степени ставится на высокоуровневых процессах самоорганизации, тогда как контроль поведения лежит в их основе и становится индивидуальным психологическим механизмом адаптивного поведения на всем протяжении развития субъекта.

Представлена кратко верификация данного конструкта в исследованиях. Попытка обоснования интегративного понятия, вбирающего разные стороны психической организации, актуализируемые в индивидуальной регуляции, соответствует современным тенденциям поиска обобщающих моделей психической регуляции как одной из ключевых проблем современной психологии.

Ключевые слова: контроль поведения, психологические ресурсы, субъектная регуляция, субъект-личность, развитие контроля поведения, механизмы, регуляция жизнедеятельности

Предлагаемый нами конструкт контроля поведения — это попытка разработки проблем саморегуляции с новых системно-субъектных позиций. *Контроль поведения мы понимаем как психологический уровень регуляции поведения, реализующий индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивающий соотношение внутренних возможностей и внешних целей. Контроль поведения является основой самоконтроля* (Сергиенко, 2009, Сергиенко и др., 2010). Термин «контроль поведения» подчеркивает именно психологический уровень в организации регуляции, поскольку термин «регуляция» используется очень широко: регуляция напряжения, кровяного давления, питания и т.д. Термин «саморегуляция» указывает в большей степени на уровень осознанной, произвольной регуляции собственного поведения, который, по нашему мнению, имеет предшествующие более низкие уровни и основания.

Наша гипотеза контроля поведения релевантна представлениям о единстве когнитивных, аффективных и волевых психических процессов (Рубинштейн, 2001; Выготский, 1984; Веккер, 1998; Mandler, 1975; Plutchik, 1980 и др.). Аргументами в пользу единства интеллекта, аффекта и воли могут служить не только психологические исследования, демонстрирующие их тесную связь, но и данные нейронауки, показавшие важнейшую роль системы префронтальной коры и связанных с ней других корковых и подкорковых образований в регуляции поведения.

Кроме того, в регуляцию поведения, включая саморегуляцию субъекта, вовлечены всегда, но в разной мере уровни как сознательной, так и неосознанной регуляции, составляющие единую систему. В контроле поведения реализуется и развивается на протяжении жизни интегративная индивидуальность человека, опираясь на его генетико-средовую уникальность: индивидуальный генотип и средовой опыт, уникальность его психической организации.

Эта индивидуальность предполагает наличие определенных *ресурсов*, способностей индивида: его интеллектуального потенциала (способности предвосхищать события, извлекать и упорядочивать ментальный опыт, ментально планировать решение и моделировать исполнение, способности к когнитивной гибкости, сравнению предполагаемого и реального результата), эмоциональности (интенсивности эмоций, эмоциональной лабильности, активности, способности к сопереживанию, пониманию эмоций своих и Другого), способности к произвольной организации действий, волевых усилий.

Контроль поведения рассматривается как единая система, включающая три подсистемы регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль), которые основаны на ресурсах индивидуальности и интегрируются, создавая индивидуальный паттерн саморегуляции.

Когнитивный контроль — это особенности интеллектуальных, когнитивных способностей, обеспечивающих анализ и упорядочивание внешней и внутренней среды, создание ментальных моделей ситуации и событий и оперирование ими. В когнитивный контроль мы включаем особенности меры интеллекта (от перцептивного анализа до создания ментальных схем) и стилевые когнитивные способности, обозначаемые традиционно как когнитивные виды контроля. Здесь мы согласны с М.А. Холодной (Холодная, 2002) в определении интеллектуальных ресурсов как совокупности меры интеллектуальных способностей и метакогнитивной способности индивидуальных когнитивных стилей.

Эмоциональный контроль включает контроль выражения эмоций, контроль эмоционального состояния, способы регуляции эмоциональных состояний, распознавание, интерпретацию и прогнозирование собственных эмоций и эмоций другого. Процесс регуляции эмоций также может протекать на разных уровнях.

Третья подсистема контроля поведения — *произвольный / волевой контроль*, опирающийся на индивидуальный ресурс человека. Становление произвольности исполнительных действий, поведения, подчинение определенным целям, стандартам, смыслом проходит длительный путь развития в онтогенезе человека. Однако произвольность связана с развитием префронтальной кортикальной системы, обеспечивающей тормозный контроль, гибкость когнитивных и эмоциональных процессов, программирование действий, интеграцию информации. В раннем возрасте контроль действий существует в виде контроля поведенческих проявлений, управления построением целостного поведенческого акта.

В наше определение контроля поведения включаются все основные характеристики, рассматриваемые в литературе как имеющие отношение к регуляции и саморегуляции, и они объединяются как компоненты единой субъектной способности к организации психологического ресурса для осуществления целенаправленного поведения.

Контроль поведения как субъектная регулятивная функция подчиняется принципам системно-субъектного подхода (Брушлинский, 2006, Сергиенко, 2006, 2011): принципам континуальности, целостности, антиципации. Поскольку субъект является качественно определенным способом самоорганизации и саморегуляции, центром координации всех психических процессов, состояний и свойств (Брушлинский, 2003), контроль поведения осуществляется путем специфической организации и использования индивидом всех доступных ему ресурсов для достижения цели.

Таким образом, контроль поведения как интегративная категория возник не случайно. Он отвечает вызовам психологической науки, тенденциям к обобщенным теориям и понятиям. Данная категория — это попытка объединить в один конструкт разнообразные и разноуровневые представления, сложившиеся в психологии регуляции поведения (Сергиенко, Виленская, 2018).

Сравнение с гипотезами саморегуляции

Подходы к исследованию саморегуляции многочисленны и разнообразны, но, как правило, фокусируются на каком-то одном аспекте саморегуляции, например, на регуляции когнитивных процессов (исполнительные функции (executive functions), регуляция внимания, контроль усилий (effortful control) — способность фокусироваться на релевантном стимуле, отфильтровывая иррелевантные и тормозить доминирующие ответы в пользу недоминантного поведения) (Rothbart, 1989; Barkley, 2004).

К когнитивно-ориентированным концепциям саморегуляции относится, например, *структурно-функциональный подход*, предложенный О.А. Конопкиным (1998) и развиваемый В.И. Моросановой (2010) в концепции индивидуального стиля саморегуляции.

В этом подходе модель системы регуляции построена по аналогии с поэтапной информационной обработкой, но средствами человеческой психики. Регуляция осуществляется при помощи основных процессов: планирования, моделирования, программирования, оценки результатов, а также регуляторно-личностных свойств: гибкости и самостоятельности.

Данная модель описывает только произвольные и осознанные уровни регуляции деятельности. Но известно, что осознанная регуляция и более медленная, и более энергетически и психически затратная. Спонтанная активность человека реализуется в большей степени на уровне неосознанной регуляции, а деятельность не подвергается постоянной рефлексии. Уточнение, что процессы саморегуляции должны быть только в принципе осознаваемы и не обязательно осознаются актуально (Моросанова, 2010), только усложняет картину, так как полнота осознания в большой степени зависит от способности субъекта к рефлексии. Саморегуляция в рассматриваемой модели выступает скорее как частный случай регуляторной функции субъекта, а именно как саморепрезентируемый, рефлекслируемый когнитивный компонент.

В последние десятилетия в зарубежной психологии интенсивно разрабатывается представление об *исполнительных функциях* (executive functions), которые тесно связаны с процессами саморегуляции и рассматриваются как базовая основа способности к самоконтролю. Исполнительные функции — общий термин для когнитивных процессов, которые регулируют, контролируют и управляют другими когнитивными процессами.

Одной из наиболее влиятельных моделей исполнительных функций является *комплексная иерархическая модель* исполнительных функций Ф. Зелазо и Д. Фрая (Zelazo, Frie, 1997). В ней вводятся понятия когнитивной сложности и контроля, которые иерархически усложняются по мере развития. Вместе они отражают общее развитие сознания: от осознания разрозненных знаний к интеграции в общую, сложную систему правил, что означает другой уровень рефлексии, лучшее управление мыслями и действиями (Zelazo, Carlson, 2012). Однако и эта модель, хотя и носящая системно-интегративный характер, остается в большой степени когнитивной, не включает аффективно-мотивационные и волевые аспекты регуляции. Следует отметить, что контроль поведения по содержанию шире понятия «исполнительные функции» и по своему определению включает не только когнитивную, но и эмоциональную, и волевою регуляцию, являясь субъектной функцией, имеющей три взаимосвязанные подсистемы.

Более целостный подход к анализу регуляции в процессе взаимодействия субъекта и его жизненных условий предлагается в *когнитивно-мотивационной концепции совладания со стрессом* Р. Лазаруса (Lazarus, 1999), хотя когнитивным процессам и здесь придается решающее значение. Согласно подходу А. Лазаруса, способность личности к совладанию с трудными ситуациями определяется функционированием мультимодальной системы, всесторонне отражающей ситуацию. Травмирующие события первоначально оцениваются на сенсорном уровне, затем подвергаются первичной когнитивной оценке, а затем возникают эмоции определенного качества. Выбор стратегии совладания зависит от развитости механизма вторичного когнитивного оценивания, что, в свою очередь, связано с уровнем эмоционального контроля, уверенности в себе и помощи других, способности актуализировать весь свой жизненный опыт (Лазарус, 2001; Либина, 2008).

Сторонники данной концепции делают упор на когнитивных оценках ситуации, и хотя возможности совладания со стрессом связаны в ней с личностными ресурсами, эти ресурсы никак не конкретизированы. Наличие эмоциональных компонентов регуляции признается, но не уточняется их состав и роль. Совладающие стратегии, обеспечивающие саморегуляцию, никак не соотносятся с индивидуальностью человека, его ресурсами.

В большей мере индивидуальные особенности человека, возможные ресурсы саморегуляции учитываются в *модели когнитивной регуляции* Л. Пулккинен. Согласно этой модели в ситуации, требующей контроля эмоционального состояния, выделяются два основных параметра: поведенческие реакции (подавление или активация поведения) и эмоциональные проявления (нейтрализация или интенсификация эмоций) (Pulkkinen, 1992, 2009), образующие 4 основные стратегии регуляции, различным образом сочетающие интенсификацию и подавление эмоций и поведения. Среди факторов, влияющих на процесс и результат развития самоконтроля, Л. Пулккинен называет индивидуальные особенности человека (темперамент, точность социальной перцепции) и внешние факторы (стиль родительской социализации, отношения с родителями, социально-экономический статус родительской семьи).

В то же время рассмотренная модель несколько упрощает и обедняет многообразие проявлений контроля поведения, сводя его только к контролю над социально нежелательными эмоциями и поведением.

Волевые процессы находятся в центре подхода В.А. Иванникова, где под *волевой регуляцией* понимается регуляция побуждения к действию, сознательно принятому по необходимости. Психологическим механизмом при этом является намеренное

изменение или создание дополнительного смысла действия. Таким образом, волевая регуляция — это сознательный личностный уровень регуляции, опосредованный знаниями человека о мире, собственных ценностях и возможностях (Иванников, 1998), здесь, как и в подходе О.А. Конопкина и В.И. Моросановой, подчеркивается сознательность регуляции, что позволяет поставить те же вопросы — роль неосознаваемых процессов в регуляции и онтогенез регуляторных процессов.

Попытка учесть неосознаваемые аспекты регуляции, в частности, волевой, осуществляется, например, в *концепции контроля за действием* Ю. Куля. Волевая сфера понимается Ю. Кулем как система, состоящая из автономных подсистем — самоконтроля и саморегуляции, которые гибко функционируют, взаимодействуют и обеспечивают удержание намерения в активном состоянии. Самоконтроль предполагает осознанную борьбу мотивов, требующую дополнительных усилий по поддержанию активности и эмоциональной напряженности. Для саморегуляции же характерны произвольное внимание к цели, отсутствие усилий по поддержанию активности, связь эмоций с настоящими результатами действия, а не с прошлым опытом, эмоциональная напряженность, не превышающая операциональную. При этом типе регуляции препятствия вызывают произвольное увеличение усилий (Шапкин, 1996).

Проблема саморегуляции часто рассматривается в тесной связи с проблемой принятия решения или выбора. Выбор нельзя отделить от процессов саморегуляции деятельности, охватывающих самые разные аспекты от простого или более автоматического выбора до экзистенциального.

Анализируя проблему принятия решений, Т.В. Корнилова (2007) указывает на значение *интеллектуально-личностного потенциала*, включающего не только когнитивные аспекты, задействованные в принятии решения, но и личностно-мотивационные компоненты этого процесса, готовность и умение человека использовать свои возможности.

Личностная детерминация процессов регуляции и саморегуляции человека, ведущая роль смысловых образований утверждаются и в работах Д.А. Леонтьева (2011, 2015). За саморегуляцию, по мнению Д.А. Леонтьева, отвечает такая структура, как *личностный потенциал*, организующий отношения личности с миром, в качестве ведущей, стержневой системы. К ключевым его характеристикам относятся самодетерминация, жизнестойкость, ориентация на действие и самооффективность. Личностный потенциал включает три подсистемы: потенциал самоопределения (способность субъекта действовать в неопределенности); потенциал достижения (способность успешного достижения целей) и потенциал сохранения (способность субъекта противостоять внешним давлениям, сохраняя свою целостность). В концепции психологии выбора объединяются разные уровни осознанности, произвольности и даже постпроизвольности, характерной для автономного выбора как проявления внутренней свободы.

Концепция личностного потенциала, хотя базируется на деятельностной, культурно-исторической теории и экзистенциальной парадигме, по сути, представляет собой интегративную теорию, вбирающую в себя и системную, и субъектную, и генетическую парадигмы анализа, рассматривая в качестве основ субъектного выбора, саморегуляции, самодетерминации взаимодействие личностных и субъектных составляющих личностного потенциала. Процесс выбора — это самоконструирование субъекта, его саморазвитие. Авторы постоянно оперируют понятиями «субъект», «личность», хотя не разводят данные понятия.

Среди подходов к изучению саморегуляции можно выделить интегративные подходы, например, концепцию регуляции состояний А. О. Прохорова и системно-деятельностную концепцию психической саморегуляции функциональных состояний Л. Г. Дикой.

Возникающие в процессе функционирования человека неравновесные состояния, образующиеся при нарушении симметрии между организмом и средой, требуют регуляции. Регуляция психических состояний отражена в системно-функциональной модели, основными составляющими которой являются рефлексия переживаемого состояния, осознанный образ желаемого состояния, актуализация соответствующей мотивации и использование психорегулирующих средств.

Одновременно с этим при усилении неравновесности субъект проявляет качества, характеризующие его в наибольшей степени, например, волевые или эмоциональные способности. (Прохоров, 2005, 2009). Однако одинаковые по сложности и тяжести ситуации у разных людей приводят к возникновению различных неравновесных состояний, а при возникновении одинаковых состояний время и способы нормализации могут значительно варьировать. Представляется, что А. О. Прохоров в своей теории выдвигает необходимое, но недостаточное условие для организации саморегуляции.

Концепция психической саморегуляции функциональных состояний Л. Г. Дикой разработана на базе теоретико-экспериментального анализа характеристик саморегуляции в экстремальных условиях профессиональной деятельности. В основе ее лежат представления об иерархической структуре саморегуляции субъекта, межсистемном взаимодействии механизмов произвольной и непроизвольной саморегуляции психических состояний, целенаправленной активности и личностных уровней организации субъекта деятельности (Дикая, 2003). Выделяемые Л. Г. Дикой в структуре саморегуляции компоненты, континуум форм саморегуляции от непроизвольной до произвольной и осознанной близки нашему представлению о контроле поведения.

Разделяется нами и представление о континуальности и интегративности психической саморегуляции, где низшие и высшие уровни составляют единое целое и взаимозависимы.

Системная концепция психической регуляции Л. Г. Дикой значительно шире концепции саморегуляции О. А. Конопкина и В. И. Моросановой, поскольку охватывает всю иерархию уровней саморегуляции. Она включает и психофизиологический уровень, и уровень ценностно-мотивационный, задаваемый личностью.

Представление о психологических ресурсах человека в связи с саморегуляцией, идея о саморегуляции как актуализации определенных ресурсов представлены в ряде отечественных и зарубежных работ (Леонтьев, 2011; Леонтьев и др., 2015; Корнилова, 2016; Холодная, 2002; Петровский, 2007; Baumeister, Schmeichel, Vohs, 2009; Forgas, Baumeister, Tice, 2013; Baumeister, Alghamdi, 2015 и др.).

Так, М. А. Холодная (2002) выдвинула гипотезу о произвольном и непроизвольном интеллектуальном контроле, рассматривая когнитивные стили и другие ментальные структуры как ресурсы для регуляции активности. Однако здесь ресурсы фактически ограничены интеллектуальными, а эмоциональная и произвольная регуляции становятся производными от когнитивного контроля.

В концепции личностного выбора Д. А. Леонтьева вводится понятие экзистенциального расчета, или осознание цены, которую субъект платит за совершенный

выбор. Он состоит из ресурсов (материальных, физических, психических), знаний и умений как вложений целеполагания и целедостижения, отношения и репутации (социальная поддержка, связи), возможности, самоотношения (сохранение и укрепление представлений о себе, своих возможностях, самоуважение) (Леонтьев, 2011; Леонтьев и др., 2015).

В зарубежной современной психологии также существует представление о саморегуляции, основанной на ресурсах человека. Это *модель силы ресурсов* (Strength model) Р. Баумейстера, Б. Шмейчеля и К. Вогс (Baumeister, Schmeichel, Vohs, 2009).

Основные ее положения состоят в том, что существуют достаточно универсальные регуляторные ресурсы, запас которых ограничен, но они могут восстанавливаться.

Достоинствами указанной ресурсной модели является, во-первых, попытка интегративного подхода к процессам саморегуляции; во-вторых, отнесенность возможностей саморегуляции к внутренним ресурсам человека; в-третьих, адресованность всех процессов саморегуляции к конструкту субъекта. Следует заметить, что термин Self (самость) ближе по своему значению понятию субъекта, чем личности, как полагает Д. А. Леонтьев и многие другие авторы. Основанием для этого суждения могут служить работы С.Л. Рубинштейна (2003), А.В. Брушлинского (2003), М. Фуко (2007).

К недостаткам модели силы ресурсов, на наш взгляд, относится упрощенность представлений о саморегуляции как истощении, что чрезмерно снижает понимание специфики процессов регуляции. В данной модели ресурсы понимаются почти физически, как некая неоперационализируемая «энергия», и никак не специфичны для регуляции субъекта.

Наше понимание контроля поведения, которое опирается на ресурсы субъекта, адресовано прежде всего индивидуальным ресурсам. Поскольку субъект интегрирует все индивидуальные ресурсы человека, то системообразующим фактором всей системы регуляции выступает именно субъект.

Мы полагаем, что индивидуальность человека, включая его ментальный опыт (когнитивное представление о мире), определяет и саму деятельность, т.е. способность к самоорганизации, а следовательно, целостность на каждом определенном этапе развития существует до становления зрелой и сознательной системы саморегуляции, произвольной активности и служит основой для ее становления в дальнейшем.

Под ресурсной основой контроля поведения мы понимаем индивидуальные когнитивные, эмоциональные и волевые способности субъекта. При этом выраженность выделенных ресурсов имеет сугубо индивидуальный паттерн, т.е. соотношение когнитивных, эмоциональных и волевых способностей представлен у каждого человека в разных соотношениях. Это предположение ведет к гипотезе о своеобразии контроля поведения и своеобразии предпочитаемых стилей саморегуляции, а также к гипотезе связанности контроля поведения с психологическими защитами и типами совладающего поведения, поскольку эти механизмы саморегуляции базируются на организации субъектности человека, что означает интеграцию всех индивидуальных ресурсов и особенностей человека.

Было проведено сравнение категорий жизнеспособности и контроля поведения (Сергиенко, 2016), указывающее на тесное их переплетение. Данные категории являются интегративными характеристиками человека. Они направлены на целостное изучение возможности регуляции поведения для достижения адаптивных его форм.

Обе категории включают внутренние индивидуальные характеристики человека. Но они имеют и различия. Если жизнеспособность определяется как структурно-уровневая совокупность индивидуальных характеристик и внешних регулирующих условий (семейных и социальных) (Лактионова, 2013; Махнач, 2016), то контроль поведения определяется как психологический индивидуальный ресурс субъектной регуляции. Более того, контроль поведения выступает основой становления саморегуляции, используя индивидуально выраженные способности (ресурсы) человека.

Развитие контроля поведения никогда не завершается и на протяжении всей жизни человека претерпевает системные перестройки, изменяя индивидуальную конфигурацию субъектно-личностной организации, возможности и средства регуляции, уровень и способы жизнеспособности.

Проведенный анализ теорий, гипотез и точек зрения на процессы саморегуляции и их детерминацию показывает, что в большинстве подходов выделяется один из аспектов саморегуляции: интеллектуальный контроль, эмоциональная или волевая регуляция, обсуждаются исполнительные виды контроля (исполнительные функции), фактически тождественные саморегуляции, указывается источник саморегуляции как интеллектуальный, личностный или энергетический ресурс человека. Приведенные взгляды отечественных и зарубежных авторов, с нашей точки зрения, приводят к локализации процессов саморегуляции, где субъекту просто нет места. Но если говорить об активном выборе ситуаций, принятии решений, свободе воли, то без категории субъекта как центра саморегуляции обойтись невозможно. Упор на личностной (смысловой) составляющей в саморегуляции означает отождествление понятий субъекта и личности, что значительно сужает разграничение содержательной и исполнительной составляющих (личности и субъекта) как двух единых, но разных сущностей.

Верификация гипотезы контроля поведения

Проверка данной гипотезы осуществлялась в цикле работ, направленных на анализ становления контроля поведения в онтогенезе человека, его специфики, генетико-молекулярных механизмов, соотношения контроля поведения с защитными механизмами (совладающим поведением и психологическими защитами), особенностей при различных видах деятельности человека. Кратко опишем ключевые факты, полученные в наших работах.

Развитие контроля поведения в раннем возрасте. В лонгитюдном исследовании развития контроля поведения у детей младенческого и раннего возраста было обнаружено, что контроль поведения характеризуется возрастной динамикой развития, состоящей в усовершенствовании регуляторных процессов — улучшении когнитивного контроля и контроля действий, управления вниманием, эмоциональной регуляции, переходе к использованию проблемно- и социально-ориентированных стратегий контроля поведения, активном использовании речи в регуляции поведения (Виленская, Сергиенко, 2001; Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010).

Все три компонента контроля поведения развиваются взаимосвязанно, на каждом этапе обеспечивая возможность развития друг друга и подготавливая переходы на следующий уровень развития. Важным механизмом, обеспечивающим эти переходы оказывается гетерохрония: не все компоненты одновременно достигают одного и того же уровня развития, за счет чего возможны компенсаторные отношения между ними.

Гетерохронность в развитии контроля поведения проявляется, в частности, в том, что наиболее рано складывается контроль действий (начиная со второго года жизни его показатели выше, чем показатели других компонентов контроля поведения у детей), а затем эмоциональный и когнитивный контроль. Опережающее становление контроля действий, опирающегося на внутренние цели и позволяющего действовать в соответствии с ними, способствующее осознанию себя как субъекта своих действий, причин изменений во внешнем мире, согласуется с представлениями большинства авторов о развитии субъектности (Божович, 2008; Сергиенко, 2016а), о первом шаге на пути к ее развитию. Помимо этого, контроль действий обеспечивает условия для развития когнитивного контроля, расширяя поведенческий репертуар, позволяя более разнообразно манипулировать с объектами и перемещаться в пространстве, а также обеспечивая возможность выполнять сложную последовательность действий, реализующих определенные ментальные репрезентации. Развитие контроля действий создает условия и для развития эмоционального контроля, позволяя более свободно и разнообразно пользоваться такими стратегиями, как, например, переключение внимания (Сергиенко, Виленская, Ковалева, 2010).

Контроль поведения в своем развитии имеет двойную детерминацию. Модуляторы развития процессов контроля поведения служат индивидуальные особенности человека, в частности, такой индивидуальный «фильтр» средовых воздействий, как темперамент, вносящий вклад в индивидуальные различия в эмоциональной регуляции, организации действий, когнитивных процессов (Pulkkinen, 2009; Rothbart, Ellis, Posner 2004; Bates, 1987; Strelau, Elias, 1994; Виленская, Сергиенко, 2001). Характеристики темперамента являются базовым образованием, определяющим индивидуальные возможности адаптации ребенка к окружению. Они выступают внутренней основой формирования регуляции поведения.

Средовой фактор в развитии контроля поведения действует не напрямую, а опосредуется и изменяется индивидуальными особенностями ребенка, стиль поведения которого складывается в первые годы жизни.

Все описанные процессы в перспективе ведут к формированию уникального профиля контроля поведения, дающего начало определяющему способу самоорганизации и саморегуляции поведения субъекта.

Контроль поведения как индивидуальный вариант адаптации к детскому учреждению. Различные возможности актуализации индивидуальных ресурсов, ведущие к формированию индивидуального профиля контроля поведения у детей раннего возраста, показаны в лонгитюдном исследовании Е. В. Вантеевой, выполненном под руководством Е. А. Сергиенко (Вантеева, 2013). Оно посвящено проблеме развития контроля поведения у дошкольников в процессе адаптации к детскому учреждению. Результаты проведенного исследования показали, что в процессе привыкания к детскому саду дети 3–4 лет демонстрируют индивидуальное своеобразие паттернов контроля поведения в адаптивном и дезадаптивном вариантах. Адаптивные дети характеризуются более высоким уровнем когнитивного, произвольного контроля и эмоциональной регуляции. Дезадаптивные дети демонстрируют взаимосвязь низкого уровня когнитивного и волевого контроля с уровнем аффективных стереотипов, что является паттерном контроля поведения трудноадаптирующихся детей.

Контроль поведения в подростковом и юношеском возрасте. Гипотеза контроля поведения как психологического ресурса означает связанность контроля поведе-

ния, психологических защит и совладающих стратегий поведения, что проверялось в ходе исследования подростков. На основе лонгитюдного исследования подростков (11–18 лет) в работе И.И. Ветровой, выполненной под руководством автора, была показана тесная взаимосвязь всех видов защитного поведения и относительное постоянство контроля поведения, подтверждена связь контроля поведения и совладания со степенью приспособленности подростков и выраженностью их тревожности. При сравнении разных видов защитного поведения и выраженности контроля поведения выявлена разная структура дифференциации стратегий совладания и защитных механизмов в группах с высоким и низким уровнем контроля поведения. В группе с высоким уровнем контроля поведения выделено несколько согласованных блоков защитно-совладающего поведения: уход от решения проблемы с помощью защит и актуальных стратегий совладания, поиск поддержки на проактивном (упреждающее преодоление) и актуальном уровнях, превентивное преодоление, блокирующее защиты. В группе с низким уровнем контроля поведения при сохранении блока поиска поддержки идентифицируется еще один большой блок стратегий и защит, где доминируют рефлексивное преодоление и планирование решения проблем с опорой на защиты, которые, видимо, восполняют дефицит контроля поведения. Сопоставление актуального и проактивного совладающего поведения показало, что актуальные стратегии совладания наиболее тесно связаны с когнитивной составляющей контроля поведения, в то время как эмоциональная регуляция — с проактивным совладанием. В целом наиболее связанным с контролем поведения оказалось проактивное совладание. Проактивное совладание практически оторвано от неосознаваемых защитных механизмов, но опирается в большей степени на регулятивную функцию субъекта — контроль поведения. С психологическими защитами наиболее связанным оказалось актуальное совладающее поведение (Сергиенко, Ветрова, 2011).

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза о связанности контроля поведения, психологических защит и совладающих стратегий поведения нашла свое подтверждение при исследовании подросткового периода.

Контроль поведения у подростков исследовался также в диссертационной работе М. Климовой (Климова, 2018), выполненной под руководством Д. Циринг, где было показано, что у подростков с личностной беспомощностью или самостоятельностью уровень развития контроля поведения и его строение различаются. У подростков с личностной беспомощностью компоненты контроля поведения разрознены, а эмоциональный и волевой контроль имеют обратные взаимосвязи. У самостоятельных подростков все компоненты контроля поведения взаимосвязаны между собой и образуют целостную согласованную структуру.

Генетико-молекулярные предикторы контроля поведения при родовом стрессе. В работе Н.Н. Чистяковой, выполненной под руководством Е.А. Сергиенко, при сравнении женщин группы риска и женщин с благополучным течением беременности на предродовых сроках с применением психологических и генетико-молекулярных методов исследования было показано, что гомозиготные генотипы CC и VV минералокортикоидного рецептора NR3C2 и генотип SS глюкокортикоидного рецептора NR3C3 выступают как факторы риска развития низкого контроля поведения в период беременности, что может провоцировать деструктивное развитие системы «мать – плод» при повышенной чувствительности к кортикостероидам. Таким образом, выделены генетико-молекулярные предикторы организации контроля поведения (Чистякова, Савостьянов, Сергиенко, 2013). Женщины в ситуации ожидания родов

(стрессовой ситуации) демонстрировали разный уровень индивидуальных ресурсов (генетико-молекулярное своеобразие, выраженное в повышенной чувствительности к кортикостероидам). Следовательно, внутренние ресурсы выступали как основа снижения жизнеспособности в стрессовой ситуации предстоящих родов.

Контроль поведения и травматичный опыт аборта. Механизмы психической адаптации женщин с травматичным опытом искусственного прерывания беременности было изучено Т. С. Миковой под руководством Е. А. Сергиенко.

Женщины с травмой после аборта отличаются несогласованной системой контроля поведения, использованием деструктивных способов защиты и совладания, а также слабыми компенсаторными связями между этими адаптивными механизмами. У женщин с травматичным опытом прерывания беременности была выявлена дефицитарность контроля поведения в отличие от женщин без подобного опыта (Сергиенко, Микова, 2011).

Контроль поведения у людей с разной степенью регламентации профессиональной деятельности. В диссертационной работе Н. С. Павловой (Терехиной), выполненной под руководством Е. А. Сергиенко, изучалась взаимосвязь контроля поведения и субъективного благополучия людей различных профессий. Респонденты были разделены на две группы людей: люди со строгой регламентацией деятельности (летчики ВВС) и людей с нерегламентированной профессиональной деятельностью (фрилансеры, художники, преподаватели, научные сотрудники). Показано, что представители обеих групп удовлетворены своей жизнью, но субъективного благополучия они достигают разными путями. При жесткой регламентации деятельности контроль поведения оказался более согласованным в своих составляющих (когнитивный контроль, эмоциональная регуляция и волевой контроль), но в меньшей степени связанным с субъективным благополучием и личностными ориентирами. Люди же нерегламентированных профессий в большей степени подчиняют свое поведение эмоциональной регуляции и личностным смыслам, т.е. ориентируется главным образом на внутренние координаты своей профессиональной деятельности. Это может быть обусловлено тем, что жизнь людей нерегламентированных профессий тесно связана с самоорганизацией. От того, как они смогут построить свою работу, будет зависеть и успех выполняемой деятельности, и материальный достаток, и дальнейшее профессиональное развитие. Поэтому регуляция своего поведения в рамках данных профессий приобретает особую значимость и оказывается напрямую связанной с удовлетворенностью жизнью, субъективным счастьем (Павлова, Сергиенко, 2016).

Заключение

Контроль поведения — новое понятие, которое расширяет представление о регуляции и саморегуляции. Представление о контроле поведения как основе регуляции сформировалось в результате попытки обоснования интегративного конструкта субъектной регуляции. Рассмотренные нами концепции и подходы к психической регуляции поведения и деятельности ясно показывают, что понятие контроля поведения несводимо только к понятию саморегуляции, или регуляции психических состояний. Контроль поведения как регулятивная функция субъекта актуализирует индивидуальные способности (ресурсы) человека в соответствии с целью и задачами (внешними и внутренними). Выявлено отличие контроля поведения как основы субъектной регуляции от близкого понятия жизнеспособности, где акцент в большей степени ставится на высокоуровневых процессах самоорганизации, тогда как

контроль поведения лежит в их основе и становится индивидуальным психологическим механизмом адаптивного поведения на всем протяжении развития субъекта.

Представленная кратко верификация данного конструкта показывает его преимущество относительно других моделей регуляции и саморегуляции, поскольку он обладает потенциалом интерпретации сложных поведенческих изменений в онтогенезе и особенностях жизнедеятельности. Кроме того, попытка обоснования интегративного понятия, вбирающего разные стороны психической организации, актуализируемые в индивидуальной регуляции, соответствует современным тенденциям по поиску обобщающих моделей психической регуляции как одной из ключевых проблем современной психологии.

Библиографический список

- Божович, Л. И. (2008). *Личность и ее формирование в детском возрасте*. СПб.: Питер.
- Брушлинский, А. В. (2003). *Психология субъекта*. СПб.: Алетейя.
- Брушлинский, А. В. (2006). *Избранные психологические труды*. М.: Изд-во ИП РАН.
- Вантеева, Е. В. (2013). Контроль поведения у детей дошкольного возраста в период адаптации к детскому саду. *Психологические исследования*, 6 (27), Режим доступа <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/781-vanteeva27.html>
- Веккер, Л. М. (1998). *Психика и реальность. Единая теория психических процессов*. М.: Смысл.
- Виленская, Г. А., Сергиенко Е. А. (2001) Роль темперамента в развитии регуляции поведения в раннем возрасте. *Психологический журнал*, 22 (3), 68–85.
- Выготский Л. С. (1983). Проблемы развития психики. В А. М. Матюшкин (ред.). *Выготский Л. С. Собр. соч. В 6 т.* М.: Педагогика.
- Дикая, Л. Г. (2003) *Психическая саморегуляция функционального состояния человека*. М.: Изд-во ИП РАН.
- Иванников, В. А. (2006). *Психологические механизмы волевой регуляции*. СПб.: Питер.
- Климова, М. О. (2018). Особенности регуляции поведения у подростков с личностной беспомощностью. (Канд. диссертация). Челябинск.
- Конопкин, О. А. (1995). Психическая саморегуляция произвольной активности человека (структурно-функциональный аспект). *Вопросы психологии*, 1, 5–12.
- Корнилова, Т. В. (2007). Саморегуляция и личностно-мотивационная регуляция принятия решений В В. И. Моросанова (ред.). *Субъект и личность в психологии саморегуляции* (с. 181–194). М.-Ставрополь: ПИ РАО, СевКавГТУ.
- Лактионова, А. И. (2013). Структурно-уровневая организация жизнеспособности человека: метасистемный подход В Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев (ред.) *Личность профессионала в современном мире* (с. 109–126). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Леонтьев, Д. А., Овчинникова, У. Ю., Рассказова, Е. И., Фам, А. Х. (2015). *Психология выбора*. М.: Смысл.
- Леонтьев, Д. А. (ред.) (2011). *Личностный потенциал: структура и диагностика*. М.: Смысл.
- Либина, А. В. (2008). *Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации*. М.: Эксмо.
- Махнач, А. В. (2016) *Жизнеспособность человека и семьи*. М.: Изд-во «Института психологии РАН».
- Моросанова, В. И. (2010). *Саморегуляция и индивидуальность человека*. М.: Наука.
- Павлова, Н. С., Сергиенко, Е. А. (2016). Субъективная и личностная регуляция поведения как проявление индивидуальности человека. *Психологический журнал*, 36 (2), 43–56.
- Петровский, В. А. (2007). Саморегуляция в структуре индивидуальности: кто субъект, кто объект, кто посредник? В В. И. Моросанова (ред.) *Субъект и личность в психологии саморегуляции* (151–171). Москва, Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ.

- Прохоров, А. О. (2005). *Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы и закономерности*. М.: Пер Сэ.
- Прохоров, А. О. (2009) *Смысловая регуляция психических состояний*. М.: Изд-во ИП РАН.
- Рубинштейн, С. Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир*. СПб.: Питер.
- Сергиенко, Е. А. (2009). Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции. *Психологические исследования*, 5 (7). Режим доступа <http://psystudy.ru/num/2009n5-7/223-#e3>
- Сергиенко, Е. А. (2011). Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива. *Психологический журнал*, 32 (1), 120–132.
- Сергиенко, Е. А. (2016) Современные идеи развития в психологии. В А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко (ред.). *Принцип развития в современной психологии* (84–116). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Сергиенко, Е. А. (2016). Контроль поведения как индивидуальный ресурс жизнеспособности человека. В А.В. Махнач, Л.Г. Дикая (ред). *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты* (169–181). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Сергиенко, Е. А., Виленская, Г. А., Ковалева, Ю. В. (2010). *Контроль поведения как субъектная регуляция*. М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Сергиенко, Е. А., Ветрова, И. И. (2011). Соотношение контроля поведения, совладания и психологических защит. В А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко (ред.). *Стресс, выгорание, совладание в современном контексте* (275–296). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Сергиенко, Е. А., Микова, Т. С. (2011). Психологическая адаптация женщин с травматическим опытом искусственного прерывания беременности. *Психологический журнал*, 32 (4), 70–83.
- Сергиенко, Е. А., Виленская, Г. А. (2018). Контроль поведения — интегративное понятие психической регуляции. В А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко (ред.). *Разработка понятий современной психологии* (343–378). М.: Изд-во «Институт психологии РАН».
- Фуко, М. (2007). *Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанных в Колледже де Франс в 1981–1982 уч. году*. СПб.: Наука.
- Холодная, М. А. (2002). *Когнитивные стили: О природе индивидуального ума*. М.: Пер Сэ.
- Чистякова, Н. В., Савостьянов, К. В., Сергиенко, Е. А. (2013). Эндогенные механизмы когнитивного контроля в регуляции функциональной системы «Мать-Плод». *Психологические исследования*, 6 (28). Режим доступа <http://psystudy.ru/num/2013v6n28/806-chistyakova28>
- Шапкин, Е. А. (1997). *Экспериментальное изучение волевых процессов*. М.: Смысл.
- Baumeister, R. F., Schmeichel, B. J. & Vohs, K. D. (2013) Self-Regulation and executive function: The Self as controlling agent. In A. W. Kruglanski, E. T. Higgins (Eds.) *Social psychology: Handbook of basic principles* (pp. 516–539) N.Y: Guilford Publications.
- Baumeister, R. F., Alghamdi, N. G. (2015). Role of self-control failure in immoral and unethical actions. *Current Opinion in Psychology*, 6, 66–69.
- Bates, J. E. (1987). Temperament in infancy In J.F. Osofsky (Ed.) *Handbook of Infant Development* (pp.1104–1149). New York: Wiley.
- Barkley, R. A. (2004). Attention-deficit/hyperactivity disorder and self-regulation: taking an evolutionary perspective on executive functioning. In R.F. Baumeister & K.D. Vohs (Eds.) *Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications* (pp. 301–323). New York: Guilford Press.
- Forgas, J. P., Baumeister, R. & Tice, D. M. (Eds.) (2009). *Psychology of self-regulation: cognitive, affective and motivational processes*. N.Y.: Psychology Press.
- Larsen, R. J., Prizmic, Z. (2004). Affect regulation. In R.F. Baumeister, K.D. Vohs (Eds.) *Handbook of Self-Regulation. Research, Theory and Application* (pp. 40–61). New York, London: The Guilford Press.
- Lazarus, R. (1999) *Stress and emotion: A new synthesis*. London: Free association book.
- Mandler, G. (1975). *Mind and emotions*. N.Y.: John Wiley.
- Plutchik, R. (1980). A general psychoevolutionary theory of emotion. In R. Plutchik, H. Kellerman (Eds.) *Emotion: Theory, research, and experience. Vol. 1* (pp.3–33). N.Y.: Academic Press.

- Pulkkinen, L. (1992). Self-Control and Continuity from Childhood to Late Adolescence. *Life-Span Development and Behaviour*, 4, 84–105.
- Pulkkinen, L. (2009). Life success of male on nonoffender, adolescence-limited, persistent and adult-onset antisocial pathways: follow-up from age 8 to 42. *Aggressive behavior*, 35, 1–19.
- Rothbart, M. K., Ellis, L., K. & Posner, M. I. (2004). Temperament and self-regulation In R.F. Baumeister, K.D. Vohs (Eds). *Handbook of Self-Regulation. Research, Theory and Application* (pp. 357–370.) New York: The Guilford Press.
- Strelau, J., Elias, A. (1994). Temperament risk factors for type a behaviour pattern in adolescents In W.B. Carey and S.C. McDevitt (Eds). *Prevention and early intervention. individual differences as risk factors for the mental health of children* (pp.42–49). NY: Brunner/Mazel.
- Zelazo, P.D., Frye, D. (1997). Cognitive complexity and control: A theory of the development of deliberate reasoning and intentional action. In M. Stamenov (Ed). *Language structure, discourse and the access to consciousness* (pp. 113–153). Amsterdam: John Benjamins.
- Zelazo, P. D., Carlson, S. M. (2012). Hot and cool executive function in childhood and adolescence: development and plasticity. *Child Development Perspectives*, 6, 354–360.

Статья поступила в редакцию 8.10.2018

Статья принята к публикации 6.11.2018

Для цитирования: Сергиенко Е.А. Контроль поведения как основа саморегуляции.— Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 4. С. 130-146.

BEHAVIOUR CONTROL AS THE BASIS OF SELF-REGULATION

E. A. Sergienko

Elena A. Sergienko, Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, Yaroslavskaia Str., 13–1, Moscow, 129366, Russia. E mail: elenas13@mail.ru. ORCID 0000-0003-4068-9116

Abstract. The paper attempts to substantiate the viability of the construct “behaviour control” — a novel concept that enriches our notion of regulation and self-regulation analyzed from new systemic and subjective grounds. Control of behaviour as the basis for regulation has formed itself in an attempt to validate the integral construct of subject regulation. Behaviour control is a psychological level of behaviour regulation which actualizes individual resources of Man’s mental organization and ensures the balance between internal potentialities and external objectives. The hypothesis of behaviour control is compatible with the idea of the unity of cognitive, affective and volitional mental processes. As a result, three components of behaviour control have been singled out: 1) cognitive control (the ability to anticipate events, extract and organize mental experience, to mentally plan decisions and stimulate performance, and an aptitude for cognitive flexibility and the ability to compare anticipated and factual results; cognitive flexibility); 2) emotional regulation (emotional intensity, emotional instability, activity, the ability to empathize, to understand one’s own emotions and those of the Other); 3) optional (unconditioned) control (the ability to organize actions arbitrarily versus volitional efforts). The comparison between domestic and foreign concepts and approaches to the study of mental regulation of behaviour and activity has shown that the concept “behaviour control” cannot be reduced to the concept “self-regulation” exclusively or to the regulation of mental states and mental activity. Behavior control as a regulatory function of the subject actualizes the individual abilities (resources) of a person in accordance with the purposes and objectives (both external and internal). The research has shown the difference between the concept “behaviour control” and the similar concept “vitality” where high-level processes of self-regulation are accentuated, whereas the former concept underlies them and becomes an individual psychological mechanism of adaptive behavior throughout the subject’s development. A brief verification of this construct in a number of researches is presented. An attempt to substantiate an integrative concept that incorporates various aspects of mental organization that are

actualized in individual regulation corresponds to the current trends in search of generalizing models of mental regulation as one of the key problems in modern psychology.

Keywords: behaviour control, psychological resources, subject regulation, subject-personality, development of behaviour control, mechanisms, regulation of vital activity

DOI: 10.31429/26190567-19-4-130-146

References

- Barkley, R. A. (2004). Attention-deficit/hyperactivity disorder and self-regulation: taking an evolutionary perspective on executive functioning. In R.F. Baumeister & K.D. Vohs (Eds.) *Handbook of self-regulation: Research, theory, and applications* (pp. 301–323). New York: Guilford Press.
- Bates, J. E. (1987). Temperament in infancy In J.F. Osofsky (Ed.) *Handbook of Infant Development* (pp.1104–1149). New York: Wiley.
- Baumeister, R. F., Alghamdi, N. G. (2015). Role of self-control failure in immoral and unethical actions. *Current Opinion in Psychology*, 6, 66–69.
- Baumeister, R. F., Schmeichel, B. J. & Vohs, K. D. (2013) Self-Regulation and executive function: The Self as controlling agent. In A. W. Kruglanski, E. T. Higgins (Eds). *Social psychology: Handbook of basic principles* (pp. 516–539) N.Y: Guilford Publications.
- Bozhovich, L. (2008). *Lichnost' I jejo formirovaniye v detskom vozraste* [Personality and its Aormation in Childhood]. SPb.: Piter,
- Brushlinskij, A. (2003). *Psikhologija sub'ekta* [Psychology of Subject]. SPb.: Aletejja.
- Brushlinskij, A. (2006). *Izbrannye psikhologicheskiye trudy* [Selected Psychological Works] M.: Izd-vo IP RAN.
- Chistjakova, N., Savost'janov, K. & Sergienko, E. (2013). Jendogennye mehanizmy kognitivno-go kontrolja v reguljacii funkcional'noj sistemy "Mat'-Plod" [Endogenous Cognitive Control Mechanisms in the Regulation of the Functional System "Mother-Foetus". *Psikhologicheskiye issledovanija* [Psychological Research], 6. Retrieved from: <http://psystudy.ru/index.php/eng/2013v6n28e/797-chistyakova28e.html>
- Dikaja, L. (2003). *Psikhicheskaja samoreguljacija funkcional'nogo sostojanija cheloveka* [Mental Self-regulation of the Functional State of a Person]. M.: Izd-vo IP RAN.
- Forgas, J. P., Baumeister, R. & Tice, D. M. (Eds.) (2009). *Psychology of self-regulation: cognitive, affective and motivational processes*. N.Y.: Psychology Press.
- Foucault, M. (2007). *Germenevtika sub'ekta* [Subject Hermeneutics]. SPb.: Nauka.
- Ivannikov, V. (2006). *Psikhologicheskiye mehanizmy volevoj reguljacii* [Psychological Mechanisms of Volitional Regulation]. SPb.: Piter.
- Kholodnaja, M. (2002). *Kognitivnyje stili: O prirode individual'nogo uma. Uchebnoe posobie* [Cognitive Styles: On the Nature of the Individual Mind]. M.: Per Sje.
- Klimova, M. (2018). *Osobennosti reguljacii povedenija u podrostkov s lichnostnoj bespomoshchnost'ju* [Features of Behavior Regulation in Adolescents with Personal Helplessness]. (Cand. Dissertation). Cheljabinsk.
- Konopkin, O. A. (1995). *Psikhicheskaja samoreguljacija proizvol'noj aktivnosti cheloveka (strukturno-funcional'nyj aspekt)* [Mental Self-regulation of Man's Arbitrary Activity (Structural and Functional Aspects)]. *Voprosy psikhologii* [Psychology Issues], 1, 5–12.
- Kornilova, T. (2007). *Samoreguljacija i lichnostno-motivacionnaja reguljacija prinjatija reshenij* [Self-Regulation and Personal-Motivational Regulation of Decision-Making]. In I. Morosanova (Ed.). *Subject and personality in psychology of self-regulation* (pp. 181–194). M.-Stavropol: PI RAO, NCSTU.
- Laktionova, A. (2013). *Strukturno-urovnevaja organizacija zhiznesposobnosti cheloveka: meta-sistemnyj podhod* [Structural-level Organization of Human Vitality: a Metasystem Approach.

- In L. Dikaya, A. Zhuravlev (Eds.). *Lichnost' professionala v sovremennom mire* [Personality of a Professional in the Modern World] (pp. 109–126). M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN".
- Larsen, R. J., Prizmic, Z. (2004). Affect regulation. In R.F. Baumeister, K.D. Vohs (Eds.) *Handbook of Self-Regulation. Research, Theory and Application* (pp. 40–61). New York, London: The Guilford Press.
- Lazarus, R. (1999) *Stress and emotion: A new synthesis*. London: Free association book.
- Leont'ev, D. (Ed.) (2011). *Lichnostnyj potencial: struktura i diagnostika* [Personal Potential: Structure and Diagnosis]. M.: Smysl.
- Leont'ev, D., Ovchinnikova, U., Rasskazova, E., Fam, A. (2015). *Psikhologija vybora* [Psychology of Choice]. M.: Smysl.
- Libina, A. (2008). *Sovladajushchij intellekt: chelovek v slozhnoj zhiznennomj situacii* [Coping Intelligence: a Person in a Difficult Life Situation]. M.: Jeksmo.
- Makhnach, A. (2016). *Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i* [Resilience of Man and Family]. M.: Izd-vo "Instituta psihologii RAN".
- Mandler, G. (1975). *Mind and emotions*. N.Y.: John Wiley.
- Morosanova, V. (2010). *Samoreguljacija i individual'nost' cheloveka* [Self-regulation and Individuality of a Person]. M.: "Nauka".
- Pavlova, N., Sergienko, E. (2016). Sub"ektivnaja i lichnostnaja reguljacija povedenija kak projavlenije individual'nosti cheloveka [Subjective and Personal Regulation of Behavior as a Manifestation of Human Individuality]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological Magazine], 36 (2), 43–56.
- Petrovskij, V. (2007). Samoreguljacija v strukture individual'nosti: kto sub"ekt, kto ob"ekt, kto posrednik? [Self-Regulation in the Structure of Individuality: Who is the Subject, Who is the Object, Who is the Intermediary?] In V. Morosanova (Ed.) *Sub"ekt i lichnost' v psikhologii samoreguljaciji* [Subject and Personality in the Psychology of Self-Regulation] (pp. 151–171). M.–Stavropol': Izd-vo PI RAO, SevKavGTU.
- Plutchik, R. (1980). A general psychoevolutionary theory of emotion. In R. Plutchik, H. Kellerman (Eds.) *Emotion: Theory, research, and experience. Vol. 1.* (pp.3–33). N.Y.: Academic Press.
- Prohorov, A. (2005). *Samoreguljacija psikhicheskikh sostojanij: fenomenologija, mehanizmy i zakonomernosti* [Self-Regulation of Mental States: Phenomenology, Mechanisms and Patterns]. M.: Per Sje.
- Prokhorov, A. (2009) *Smyslovaja reguljacija psikhicheskikh sostojanij* [Semantic Regulation of Mental States]. M.: Izd-vo IP RAN.
- Pulkkinen, L. (1992). Self-Control and Continuity from Childhood to Late Adolescence. *Life-Span Development and Behaviour*, 4, 84–105.
- Pullkinen, L. (2009). Life success of male on nonoffender, adolescence-limited, persistent and adult-onset antisocial pathways: follow-up from age 8 to 42. *Aggressive behavior*, 35, 1–19.
- Rothbart, M. K., Ellis, L., K. & Posner, M. I. (2004). Temperament and self-regulation In R.F. Baumeister, K.D. Vohs (Eds.) *Handbook of Self-Regulation. Research, Theory and Application* (pp. 357–370.) New York: The Guilford Press.
- Rubinshtejn, S. (2003). *Bytie i soznaniye. Chelovek i mir* [Being and Consciousness. Man and the World]. SPb.: Piter.
- Sergienko, E. (2009). Kontrol' povedenija: individual'nye resursy sub"ektnoj reguljaciji [Control of Behavior: Individual Resources of Subject Regulation.]. *Psikhologicheskije issledovanija* [Psychological research], 5 (7). Retrieved from <http://psystudy.ru/index.php/eng/2009n5-7e/238-sergienko7e.html>
- Sergienko, E. (2011). Sistemno-sub"ektnyj podkhod: obosnovanije i perspektiva [System-Subject Approach: Rationale and Perspective]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological Magazine], 32 (1), 120–132.
- Sergienko, E. (2016). Kontrol' povedenija kak individual'nyj resurs zhiznesposobnosti cheloveka. [Behavior Control as an Individual Resource of Human Resilience]. In A. Makhnach, L. Dikaja (Eds) *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nyje, professional'nyje i social'nyje aspekty* [Human

- Resilience: Individual, Professional and Social Aspects] (pp. 169–181). M.: RAN Institute of Psychology.
- Sergienko, E. (2016). Sovremennyye idei razvitija v psikhologii. [Modern Ideas of Development in Psychology.] In A. Zhuravleva, E. Sergienko (Eds.) *Princip razvitija v sovremennoj psikhologii* [The Principle of Development in Modern Psychology] (84–116). M.: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”.
- Sergienko, E., Mikova, T. (2011). Psikhologicheskaja adaptacija zhenshchin s travmaticheskim opytom iskusstvennogo preryvaniya beremennosti. [Psychological Adaptation of Women with Traumatic Experience of Abortion]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological Magazine], 32 (4), 70–83.
- Sergienko, E., Vetrova, I. (2011). Sootnosheniye kontrolja povedenija, sovladanija i psikhologicheskikh zashchit [The Ratio of Control Behavior, Coping and Psychological Defenses] In A. Zhuravlev, E. Sergienko (Eds.) *Stress, vygoranie, sovladanie v sovremennom kontekste* [Stress, Burnout, Coping in a Modern Context] (pp. 275–296). M.: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”.
- Sergienko, E., Vilenskaja, G. (2018). Kontrol’ povedenija — integrativnoje ponjatije psikhicheskoy reguljarii. [Behavior Control is an Integrative Concept of Mental Regulation]. In A. Zhuravlev, E. Sergienko (Eds.) *Razrabotka ponjatij sovremennoj psikhologii* [Development of the Concepts of Modern Psychology] (343–378). M.: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”.
- Sergienko, E., Vilenskaja, G. & Kovaleva, Ju. (2010). *Kontrol’ povedenija kak sub’ektnaja reguljacija* [Control of Behavior as Subject Regulation]. M.: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”.
- Shapkin E. (1997). *Eksperimental’noje izuchenije volevykh processov* [Experimental Study of Volitional Processes]. M.: Smysl.
- Strelau, J., Elias, A. (1994). Temperament risk factors for type a behaviour pattern in adolescents In W.B. Carey and S.C. McDevitt (Eds.) *Prevention and early intervention. individual differences as risk factors for the mental health of children* (pp.42–49). NY: Brunner/Mazel.
- Vanteeva, E. (2013). Kontrol’ povedenija u detej doshkol’nogo vozrasta v period adaptacii k detskomu sadu [Behavior Control in Preschool Children During the Period of Adaptation to Kindergarten]. *Psikhologicheskije issledovanija* [Psychological Researches], 6 (27), Retrieved from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n27/781-vanteeva27.html>
- Vekker, L. (1998). *Psikhika i real’nost’. Jedinaja teorija psikhicheskikh processov* [Mind and Reality. Unified Theory of Mental Processes]. M.: Smysl.
- Vilenskaja, G., Sergienko, E. (2001). Rol’ temperamenta v razvitii reguljarii povedenija v rannem vozraste [The Role of Temperament in the Development of Behavior Regulation at an Early Age]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological Magazine], 22 (3), 68–85.
- Vygotskij, L. (1983). Problemy razvitija psikhiki [The Problem of the Mental Development]. In A. Matjushkin (Ed.). *Vygotskij L.S. Sobranie sochineniy. V 6 t.* [Vygotskij L.S. Collected Works] M.: Pedagogika.
- Zelazo, P. D., Carlson, S. M. (2012). Hot and cool executive function in childhood and adolescence: development and plasticity. *Child Development Perspectives*, 6, 354–360.
- Zelazo, P. D., Frye, D. (1997). Cognitive complexity and control: A theory of the development of deliberate reasoning and intentional action. In M. Stamenov (Ed.) *Language structure, discourse and the access to consciousness* (pp. 113–153). Amsterdam: John Benjamins.

Received 8.10.2018

Accepted 6.11.2018

For citation: Sergienko E.A. Behaviour Control as the Basis of Self-Regulation. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 4. Pp. 130-146.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

МОДЕЛИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОТБОРА ЛЕТЧИКОВ-ИНСТРУКТОРОВ

О. Ю. Бучельников, А. А. Гришков, Ф. В. Мальчинский, Л. М. Медяникова, С. Д. Некрасов

Бучельников Олег Юрьевич. Эл. почта: nmo_kvvaul@mail.ru.

Гришков Андрей Анатольевич. Эл. почта: grishkov_aa@icloud.com.

Мальчинский Федор Валентинович. Эл. почта: nmo_kvvaul@mail.ru.

Медяникова Людмила Михайловна. Эл. почта: mlm22@mail.ru.

Некрасов Сергей Дмитриевич. Эл. почта: n.s.d@kubsu.ru. ORCID 0000-0002-3755-8281

Краснодарское высшее военное авиационное училище лётчиков имени Героя Советского Союза А.К. Серова, Дзержинского, 135, Краснодар, 350090, Россия.

Аннотация. В статье рассматривается проблема моделирования понятий и инструментов психологического отбора летчиков-инструкторов из курсантов, обучающихся на военных летчиков. Теоретическое моделирование основано на компетентностном подходе к профессиональной подготовке курсантов, концепции профессионально важных качеств в деятельности военных летчиков-инструкторов. Обоснованы выделение в модели летчика-инструктора структурных компонентов (коммуникативной, дидактической и летной компетенций). Обоснованно рассматривать «Пригодность курсанта к работе летчиком-инструктором» как модель обретенных курсантом свойств субъекта бытия, основными параметрами которой являются: «Теоретическая осведомленность»; «Коммуникативные компетенции»; «Дидактические компетенции»; «Летные компетенции». Моделирование системы отбора летчиков-инструкторов получило теоретическое и эмпирическое подтверждение, что позволило обозначить контуры модели пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором, содержащей параметры: знания курсанта необходимые для инструкторской деятельности; обретенные умения летчика-инструктора; готовность работать летчиком-инструктором. Создан оригинальный комплекс методик отбора будущих летчиков-инструкторов из курсантов, который проверен на валидность, надежность и стандартизирован. Проведенная стандартизация позволила составить модель измерителей и шкалу уровней «Пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором». Содержательная валидность методик дополнила базовые элементы в модель профессионально важных качеств деятельности летчика-инструктора. Дискриминантная валидность методик явилась основанием для определения измерителей личностной внутренней готовности курсантов к работе летчиком-инструктором. Составлена совокупность формул для определения уровня пригодности курсанта к работе летчиком-инструктором. Моделирование инструментов психологического отбора летчиков-инструкторов из курсантов, обучающихся на военных летчиков позволило выявить базовые представления курсантов о положительных и отрицательных профессионально важных качествах деятельности летчика-инструктора. Эмпирически обоснована модель измерителей пригодности курсантов к инструкторской деятельности, которая содержит комплекс методик, названных: «ЗНАНИЯ»; «КОМПЕТЕНЦИИ»; «ГОТОВНОСТЬ». С помощью методики «ЗНАНИЯ» измеряются знания курсанта, необходимые для инструкторской деятельности. С помощью методики «КОМПЕТЕНЦИИ» измеряются обретенные курсантом способности летчика-инструктора С помощью методики «ГОТОВНОСТЬ» измеряются показатели готовности курсанта работать летчиком-инструктором.

Ключевые слова: профессиональный психологический отбор летчиков-инструкторов; профессионально важные качества военных летчиков-инструкторов; моделирование системы отбора инструкторов; компетентностный подход к оценке инструкторской деятельности; комплекс методик отбора курсантов, пригодных к работе летчиком-инструктором

Проблема подготовки летчиков-инструкторов

Система подготовки военных летчиков в Вооруженных Силах Российской Федерации унаследовала все лучшие традиции подготовки летного состава и постоянно совершенствуется, хотя существует ряд проблем, которые необходимо разрешить для повышения эффективности системы. Одной из важных проблем является совершенствование системы профессионального отбора летно-инструкторского состава как важного звена системы, обеспечивающего реализацию практической части основной образовательной программы подготовки военных летчиков. Несмотря на многолетнюю практику отбора летно-инструкторского состава, публикации по проблеме подготовки летчиков-инструкторов малочисленны, почти отсутствуют комплексные исследования, посвященные вопросам совершенствования системы профессионального отбора летно-инструкторского состава.

В процессе летного обучения курсантов условно можно выделить теоретическое обучение, тренажерную и летную подготовку. По мнению В. А. Пономаренко, профессиональные знания, умения, навыки летчика есть не центральное звено личности, а лишь средство ее развития (Пономаренко, 1995). «Вот почему для опасных профессий профессионализм — категория человеческого бытия, представляющая систему личностных, мировоззренческих, деловых, профессиональных, моральных и нравственных качеств» (Пономаренко, 2001).

Летная подготовка является основой профессиональной подготовки курсантов летного вуза и наиболее сложным видом обучения. Она включает в себя комплекс мероприятий, проводимых руководящим и летно-инструкторским составом с курсантами на земле, в воздухе и направленный на усвоение ими знаний, умений и навыков, необходимых для успешной эксплуатации авиационной техники, освоения воздушной навигации, боевого применения и элементов летно-тактической подготовки (Ваулин, 2000; Младенов, 2014; Руководство ..., 2008)).

Таким образом, ведущее место в летной подготовке курсантов, формировании их летных умений и навыков, способностей компетентного летчика, занимает летчик-инструктор. Для успешного обучения курсантов летчик-инструктор должен обладать высоким уровнем общей и профессиональной культуры, профессиональной эрудицией, высокой нравственностью, интеллигентностью, а также морально-боевыми, организаторскими, летными, военно-профессиональными, педагогическими, психологическими и физическими качествами (Гандер, 2007).

В настоящее время система отбора на должности летно-инструкторского состава основана на экспертных мнениях опытных летчиков-инструкторов и руководящего летного состава учебных авиационных частей. Основным критерием при отборе выступает уровень летной подготовки будущего выпускника-инструктора.

То есть, с одной стороны, можно утверждать, система профессионального отбора на должности летно-инструкторского состава в вузах ВКС несовершенна, с другой — действующая экспертная система отбора летчиков и курсантов для назначения на должности летно-инструкторского состава нуждается в совершенствовании, так как нормативными основаниями подготовки летчиков-инструкторов из летчиков и курсантов является компетентностный подход к результатам профессиональной подготовки курсанта, отраженный в Госстандарте.

Теоретические подходы к моделированию деятельности летчика как инструктора

Исследования ПВК летчиков-инструкторов выявили прямую связь уровня развития летных качеств и успешности инструкторской работы летчиков-инструкторов, а также отдельные элементы ПВК летчика как инструктора, в том числе: показатели скорости мышления, инициативности, лидерства, самостоятельности, целеустремленности, ответственности, способности к обоснованному риску (Бондарь, Мальчинский, Некрасов, 2016; Бучельников, 2010; Гандер, Шевченко, Лысаков, Лысакова, 2008; Brookings, Wilson, Swain, 1996).

Различные исследования проблемы подготовки к профессиональной деятельности летного состава, сложности формирования умений и качеств профессиональной деятельности летного состава в процессе практической подготовки (Алексеевко, 2011; Бодров, 2001; Быков, 2011; Кадочников, 2009; Корчемный, 1986; Платонов, 1960; Смирнов, Шиш, 2017; Lager, 1974; Terelak, 1991; Забоева, 2014), подчеркивают важность развития потенциала курсантов, формирование базовых умений будущих летчиков, тренажерной подготовки и психолого-педагогического сопровождения подготовки курсантов, ответственности как профессионально важного качества личности летчиков-инструкторов различных родов авиации.

Деятельность летчиков-инструкторов — «творческая по своей сути, связана с высокой социальной ответственностью, необходимостью решения проблемных задач, разрешением конфликтов, противоречий. Она предполагает непрерывное рефлексирование, регулирование деятельности других, обеспечение их оптимального взаимодействия и согласования; протекает часто в быстро меняющихся условиях, поэтому не поддается алгоритмизации и предъявляет особые требования к регулятивным интеллектуальным, волевым, коммуникативным характеристикам и психическому складу» (Ильин, 2008). Важно, чтобы летчик-инструктор владел психолого-педагогическими положениями подготовки, программой, методикой, критериями процесса подготовки летного состава (Ваулин, 2000; Braakter, 1974; Grandjean, 1968).

Успех профессионального становления будущих военных летчиков зависит от уровня летного и методического мастерства, а также от педагогической подготовки летчика-инструктора, в том числе, педагогического такта летчика-инструктора, для которого характерны: естественность и простота, не допускающие панибратства и заискивания перед обучаемыми; серьезность без натянутости и казенной сухости; ирония и юмор без насмешливости и унижения; внимательность и предупредительность без навязчивости; уравновешенность, не допускающая равнодушия; доброжелательность без мелочной опеки (Новосельский, 2008; John A. Wise, V. David Hopkin, Daniel J. Garland, 2010).

Предпосылками современных психологических исследований труда летчиков-инструкторов являются: психологическая концепция анализа летной деятельности (Гандер, Ворона, Пономаренко, Алексеевко, 2016; Прошкин, 2009; Mouden Homer, 1984; Sells, 1953); концепция психологического обеспечения летного обучения (Гандер, 2010); теория летного профессионализма и развития профессионально важных качеств летчика (Ворона, Гандер, Пономаренко, 2003; Михневич, 2003; Martinussen, Hunter, 2017); психологическая концепция профессиональной пригодности человека к военной службе (Бодров, 2001; Бондарь, Мальчинский, Некрасов, 2016).

Исследование психофизиологических детерминант успешности профессиональной деятельности летчиков-инструкторов, выявило основные детерминанты успешности летчиков-инструкторов: оперативную память, высокую нервно-психическую устойчивость, умение оперировать пространственными представлениями, точные и координированные движения, выносливость при напряженной умственной деятельности, веру в курсанта, психологический такт, умение быстро переходить от одной деятельности к другой, умение быстро оценивать обстановку, находить нужные для данной ситуации слова и поступки (Сочнев, 2005; Tsang, Vidulich, 2003).

Структурированное экспертное интервью, осуществленное авторами, позволило выявить следующие ПВК, которые можно оценивать у курсантов, как будущих летчиков-инструкторов: наличие устойчивой мотивации стать лётчиком-инструктором; высокую успешность лётного обучения («средний лётчик – подготовит только среднего лётчика»); хорошую теоретическую подготовку (специальные дисциплины, психология и педагогика, психология лётного труда, общая эрудиция и др.); умение анализировать и проводить разбор полетов; коммуникативные способности: умение слушать, слышать, вести диалог, аргументировано отстаивать свою точку зрения и др.; позитивное отношение к образовательной деятельности лётчика-инструктора («как бы я работал с курсантами»); осознанность необходимого риска, способность принимать решение в трудных ситуациях, брать на себя ответственность.

Таким образом, проблема моделирования ПВК лётчика-инструктора, совершенствования инструментов отбора летчиков-инструкторов из курсантов КВ-ВАУЛ практически значима и теоретически актуальна. Опираясь на результаты исследований подготовки курсантов как будущих летчиков-инструкторов, сформулированы гипотезы исследования, эмпирическая проверка которых была проведена в два этапа:

1. Результативный профессиональный психологический отбор курсантов, пригодных к работе лётчиком-инструктором, может осуществляться с помощью комплекса методик, содержащего: опросник «Самооценка курсанта»; академические оценки «Результаты обучения курсанта»; экспертную оценку «Пригодность к работе лётчиком-инструктором».

2. Моделирование ПВК лётчика-инструктора можно осуществить опираясь на выявленные (1997–2017 гг.), отдельные элементы ПВК лётчика как инструктора: показатели скорости мышления, инициативности, лидерства, самостоятельности, целеустремленности, ответственности, способности к обоснованному риску, оперативную память, высокую нервно-психическую устойчивость, умение оперировать пространственными представлениями, выносливость при напряженной умственной деятельности, веру в курсанта, психологический такт, умение быстро оценивать обстановку, находить нужные для данной ситуации слова и поступки; наличие устойчивой мотивации стать лётчиком-инструктором; высокую успешность лётного обучения; хорошую теоретическую подготовку; умение анализировать и проводить разбор полетов; коммуникативные способности: умение слушать, слышать, вести диалог, аргументировано отстаивать свою точку зрения и др.; позитивное отношение к образовательной деятельности лётчика-инструктора; осознанность необходимого риска, способность принимать решение в трудных ситуациях, брать на себя ответственность.

Первый этап эмпирических исследований

На первом этапе осуществлен поиск эмпирических подтверждений первой гипотезы (Бучельников, Гришков, Мальчинский, Медяникова, Некрасов, 2018, 1-й этап). Выборка ($n = 47$ курсантов). Эксперты — 15 летчиков-инструкторов. Анализ эмпирических данных проводился с помощью математических методов (Некрасов, 2014).

Проверка нормальности распределения *интегральных* оценок пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором показала, распределение интегральных оценок значимо ($p < 0,05$), соответствует нормальному распределению.

Выявлена значимая обратная корреляция ($r = -0,543$, $p < 0,01$) значений «интегральных оценок пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором» и в завершенных курсантами предложений о «Плюсах» и «Минусах» в деятельности летчика-инструктора.

Выявлено: для 16,7% курсантов значимо работать летчиком-инструктором; значимая связь «интегральных оценок пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором» и «готовности работать летчиком транспортной авиации» ($r = -0,347$, $p < 0,10$); значимая связь «интегральных оценок пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором» и «готовности работать летчиком испытателем» ($r = -0,458$, $p < 0,05$); значимая прямая корреляция ($r = 0,409$, $p < 0,05$) значений «интегральных оценок пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором» и экспертных оценок по шкале «Общая оценка эксперта».

Вычислены значения *интегральной* оценки пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором без оценок по шкале «Общая оценка эксперта», которые названы совокупными оценками инструкторской компетентности курсантов. Распределение оценок значимо ($p < 0,05$) соответствует нормальному распределению.

Выявлена значимая прямая корреляция ($r = 0,962$, $p < 0,01$) значений «интегральных оценок пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором» и «совокупных оценок инструкторской компетентности курсантов». Итак, уточненная *совокупная* оценка инструкторской компетентности курсантов может использоваться для оценки пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором.

Вычислены значения *совокупной* оценки пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором без оценок академической успеваемости курсантов, которые названы *экспертными* оценками инструкторской компетентности курсантов. Распределение оценок значимо ($p < 0,05$) соответствует нормальному распределению. Выявлена значимая прямая корреляция ($r = 0,895$, $p < 0,01$) значений «*экспертных* оценок инструкторской компетентности курсантов» и «*совокупных* оценок инструкторской компетентности курсантов». Итак, *экспертная* оценка инструкторской компетентности курсантов может использоваться для оценки пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором, выявленное нормальное распределение выборочных оценок позволяет выявить границы шкалы пригодности курсантов выборки к работе летчиком-инструктором (от 11 баллов).

Таким образом, на первом этапе получены подтверждения результативности комплекса методик для осуществления профессионального психологического отбора курсантов, пригодных к работе летчиком-инструктором. Уточнено содержание комплекса методик путем выделения валидных заданий в методиках «Самооценка курсанта» и «Результаты обучения курсанта», в методике экспертных оценок «Компетенции летчика-инструктора»

Разработана модель свойств, обретенных курсантом как будущим военным летчиком, относящихся к инструкторской деятельности, основными параметрами которой являются: «Теоретическая осведомленность»; «Коммуникативные компетенции»; «Дидактические компетенции»; «Летные компетенции».

Получена формула для определения общего показателя академических достижений курсантов по учебным дисциплинам, названного «Теоретическая осведомленность»:

$$y_1 = x_1 + x_2 + x_3,$$

где:

x_1 — «Оценка знаний элементов теории пилотирования — средние оценки по учебным дисциплинам “Аэродинамика”, “Воздушная навигация”, “Авиационная техника” и “Авиационное вооружение”;

x_2 — «Оценка знаний по учебным дисциплинам “Педагогика” и “Психология”;

x_3 — «Оценка знаний по учебным дисциплинам, относящимся к порядку подготовки к полетам».

Получена формула для определения общего показателя экспертных оценок курсантов, названного «Компетенции летчика-инструктора»:

$$y_2 = x_4 + x_5 + x_6,$$

где:

x_4 — «Коммуникативная компетентность»: «Не прерывая выслушивать задания на летную смену (полет)», «Соблюдать нормы воинского этикета», «Работать в коллективе»;

x_5 — «Дидактическая компетентность»: «Понимать содержание и порядок выполнения полетного задания», «Грамотно (понятно) формулировать вопросы», «Правильно анализировать полет»;

x_6 — «Летная компетентность»: «Уметь готовиться к полетам самостоятельно», «Своевременно замечать и грамотно исправлять отклонения», «Рационально осуществлять подготовку к повторному полету».

Второй этап эмпирических исследований

На втором этапе, основываясь на результатах, полученных на первом этапе, продолжено моделирование пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором проверка валидности комплекса методик: «ЗНАНИЯ», «КОМПЕТЕНЦИИ», «ГОТОВНОСТЬ» (Бучельников, Гришков, Мальчинский, Медяникова, Некрасов, 2018, 2-й этап). Выборка ($n = 177$ курсантов). Эксперты — 44 летчика-инструктора. Анализ эмпирических данных проводился с помощью математических методов (Некрасов, 2014).

Проверка методики «ЗНАНИЯ»

Выявлена значимая прямая корреляция ($r = 0,823$, $p < 0,05$) профилей знаний групп курсантов по учебным дисциплинам, полученных на первом и втором этапах исследования, что свидетельствует о хорошей значимой *ретестовой надежности* методики «ЗНАНИЯ».

Выявлены значимые прямые корреляции оценок компонентов академических достижений курсантов, полученных во время теоретической подготовки: «Зна-

ние курсантом элементов теории пилотирования» и «Знание курсантом основ педагогики и психологии» ($r = 0,513, p < 0,01$); «Знание курсантом элементов теории пилотирования» и «Знания курсантом порядка подготовки к полетам» ($r = 0,331, p < 0,01$); «Знание курсантом основ педагогики и психологии» и «Знания курсантом порядка подготовки к полетам» ($r = 0,200, p < 0,05$). Что свидетельствует о *внутренней согласованности* оценок методики «ЗНАНИЯ».

Выявлено, что распределение значений общих баллов методики «ЗНАНИЯ», полученных курсантами выборки, значимо ($p < 0,05$) соответствует нормальному распределению. Итак, методика «ЗНАНИЯ» является валидным инструментом для измерения «Теоретической осведомленности», необходимых курсанту как будущему летчику-инструктору, следовательно, можно составить шкалу уровней «Теоретической осведомленности».

Проверка методики «КОМПЕТЕНЦИИ»

Выявлена значимая прямая корреляция ($r = 0,854, p < 0,01$) профилей экспертных оценок способностей групп курсантов по учебным дисциплинам, полученных на первом и втором этапах исследования, что свидетельствует о хорошей значимой *ретестовой надежности* методики «КОМПЕТЕНЦИИ».

Выявлены значимые прямые корреляции экспертных оценок *коммуникативных* компетенций курсантов, выставленные летчиками-инструкторами, осуществляющими практическое обучение курсантов: «Не прерывая выслушивать задания на летную смену (полет)» и «Соблюдать нормы воинского этикета» ($r = 0,314, p < 0,01$); «Не прерывая выслушивать задания на летную смену (полет)» и «Работать в коллективе» ($r = 0,312, p < 0,01$); «Соблюдать нормы воинского этикета» и «Работать в коллективе» ($r = 0,398, p < 0,01$). Факты свидетельствуют о *внутренней согласованности* этих экспертных оценок методики «КОМПЕТЕНЦИИ».

Выявлены значимые прямые корреляции экспертных оценок *дидактических* компетенций курсантов, выставленные летчиками-инструкторами, осуществляющими практическое обучение курсантов: «Понимать содержание и порядок выполнения полетного задания» и «Грамотно (понятно) формулировать вопросы» ($r = 0,571, p < 0,01$); «Понимать содержание и порядок выполнения полетного задания» и «Правильно анализировать полет» ($r = 0,485, p < 0,01$); «Грамотно (понятно) формулировать вопросы» и «Правильно анализировать полет» ($r = 0,570, p < 0,01$). Факты свидетельствуют о *внутренней согласованности* этих экспертных оценок методики «КОМПЕТЕНЦИИ», т.е. методика измеряет именно дидактические компетенции, необходимые будущему летчику-инструктору.

Выявлены значимые прямые корреляции экспертных оценок *летных* компетенций курсантов, выставленные летчиками-инструкторами, осуществляющими практическое обучение курсантов: «Уметь работать самостоятельно» и «Своевременно замечать и грамотно исправлять отклонения» ($r = 0,565, p < 0,01$); «Уметь работать самостоятельно» и «Рационально планировать служебное время» ($r = 0,469, p < 0,01$); «Своевременно замечать и грамотно исправлять отклонения» и «Рационально планировать служебное время» ($r = 0,463, p < 0,01$). Факты свидетельствуют о *внутренней согласованности* этих экспертных оценок методики «КОМПЕТЕНЦИИ», т.е. методика измеряет именно летные компетенции, необходимые будущему летчику-инструктору.

Выявлены значимые прямые корреляции экспертных оценок *компонентов* методики «КОМПЕТЕНЦИИ» (обретенных умений летчика-инструктора) курсантов: «Коммуникативные компетенции» и «Дидактические компетенции» ($r = 0,699, p < 0,01$); «Коммуникативные компетенции» и «Летные компетенции» ($r = 0,638, p < 0,01$); «Дидактические компетенции» и «Летные компетенции» ($r = 0,747, p < 0,01$). Факты свидетельствуют о внутренней согласованности и самостоятельной достаточности компонентов методики «КОМПЕТЕНЦИИ»: коммуникативных компетенций, дидактических компетенций и летных компетенций.

Выявлено, что распределение значений экспертных оценок «Коммуникативных компетенций» методики «КОМПЕТЕНЦИИ», полученных курсантами выборки, значимо ($p < 0,05$) соответствует нормальному распределению; распределение значений экспертных оценок «Летных компетенций» методики «КОМПЕТЕНЦИИ», полученных курсантами выборки, значимо ($p < 0,05$) соответствует нормальному распределению; распределение значений экспертных оценок «Дидактических компетенций» методики «КОМПЕТЕНЦИИ», полученных курсантами выборки, значимо не соответствует нормальному распределению по значению эксцесса. Поэтому вопросы, предназначенные для «Дидактических компетенций» методики «КОМПЕТЕНЦИИ», следует уточнить.

Суммы экспертных оценок шкал методики «КОМПЕТЕНЦИИ», полученных курсантами, были названы «*Инструкторские компетенции*». Выявлено, что распределение значений «*Инструкторские компетенции*» значимо ($p < 0,05$) соответствует нормальному распределению. Итак, методика «КОМПЕТЕНЦИИ» является валидным инструментом для измерения «*Инструкторских компетенций*», необходимых курсанту как будущему летчику-инструктору, следовательно, можно составить шкалу уровней «*Инструкторские компетенции*».

Шкала «Пригодность курсантов к работе летчиком-инструктором»

Выявленная возможность стандартизации выборочных данных «*Теоретическая осведомленность*» и «*Инструкторские компетенции*», позволяет вычислить значение показателя «Пригодность курсанта к работе летчиком-инструктором» (z) как сумму оценок выборочных данных «*Теоретическая осведомленность*» и «*Инструкторские компетенции*», по следующей формуле:

$$z = y_1 + y_2,$$

где:

y_1 — «Теоретическая осведомленность»;

y_2 — «Инструкторские компетенции».

Выявлено, что распределение выборочных данных оценок «Пригодность курсантов к работе летчиком-инструктором», значимо ($p < 0,05$) соответствует нормальному распределению, что позволяет составить шкалу «Пригодность курсантов к работе летчиком-инструктором».

Первая группа пригодности (высокий уровень) — от 55 баллов.

Вторая группа пригодности (хороший уровень) — от 50 до 54 баллов.

Третья группа пригодности (слабый уровень) — от 45 до 49 баллов.

Четвертая группа пригодности (низкий уровень) — до 44 баллов.

Проверка методики «ГОТОВНОСТЬ»

Представим результаты анализа представлений курсанта о «плюсах» работы летчика-инструктора.

Шкала «*Обретение летной компетентности*» («много выполняют полетов», «большой налет», «проще сдать на класс» и др.). Выявлено, что для около половины курсантов (45%) «*Обретение летной компетентности*» является положительным качеством в работе летчика-инструктора.

Шкала «*Определенность бытия*» («постоянное место службы», «стабильность», «одно место жительства» и др.). Выявлено, что для менее половины курсантов (34%) «*Определенность бытия*» является положительным качеством в работе летчика-инструктора.

Шкала «*Обретение инструкторской компетентности*» («учить курсантов», «благородная деятельность», «быть тем, кто учит летать» и др.). Выявлено, что для части курсантов (18%) «*Обретение инструкторской компетентности*» является положительным качеством в работе летчика-инструктора.

Шкала «*Семейная идентичность*» («хорошо для семьи», «все время находиться с семьей», «минимальный отрыв от семьи» и др.). Выявлено, что для отдельных курсантов (8%) «*Семейная идентичность*» является положительным качеством в работе летчика-инструктора.

Представим результаты шкалирования представлений курсанта о «минусах» работы летчика-инструктора.

Шкала «*Однообразность бытия*» («рутина», «мало командировок», «служба в КВ-ВАУЛ» и др.). Выявлено, что для около половины курсантов (52%) «*Однообразность бытия*» является отрицательным качеством в работе летчика-инструктора.

Шкала «*Ответственность за курсантов*» («ответственность на жизнь других», «ответственность за курсантов», «большая ответственность» и др.). Выявлено, что для около половины курсантов (47%) «*Ответственность за курсантов*» является отрицательным качеством в работе летчика-инструктора.

Шкала «*Сложности для карьеры летчика*» («мало условий для карьерного роста», «нет боевых полетов», «нет возможности полетов на новых самолетах» и др.). Выявлено, что для около половины курсантов (46%) «*Сложности для карьеры летчика*» является отрицательным качеством в работе летчика-инструктора.

Шкала «*Малая зарплата*» («маленькая зарплата», «нет дополнительных выплат за количество курсантов» и др.). Выявлено, что для отдельных курсантов (5%) «*Малая зарплата*» является положительным качеством в работе летчика-инструктора.

Сравнительный анализ с помощью ФИ-критерия Фишера для каждой шкалы представлений курсантов, различающихся «низким» и «высоким» уровнями пригодности к работе летчиком-инструктором выявил:

- по шкале «*Обретение инструкторской компетентности*» курсантов с «низким» уровнем пригодности к работе летчиком-инструктором статистически значимо ($p < 0,10$) меньше, чем курсантов с «высоким» уровнем пригодности к работе летчиком-инструктором;
- по шкале «*Семейная идентичность*» курсантов с «низким» уровнем пригодности к работе летчиком-инструктором статистически значимо ($p < 0,10$) меньше, чем курсантов с «высоким» уровнем пригодности к работе летчиком-инструктором;

- по шкале «Обретение летной компетентности» курсантов с «низким» уровнем пригодности к работе летчиком-инструктором статистически значимо ($p < 0,05$) меньше, чем курсантов с «высоким» уровнем пригодности к работе летчиком-инструктором;
- по шкале «Малая зарплата» курсантов с «низким» уровнем пригодности к работе летчиком-инструктором статистически значимо ($p < 0,01$) меньше, чем курсантов с «высоким» уровнем пригодности к работе летчиком-инструктором;
- по шкале «Ответственность за курсантов» курсантов с «низким» уровнем пригодности к работе летчиком-инструктором статистически значимо ($p < 0,10$) больше, чем курсантов с «высоким» уровнем пригодности к работе летчиком-инструктором.

Сравнительный анализ с помощью Т-критерия Стьюдента сумм количеств представлений курсантов, различающихся «низким» и «высоким» уровнями пригодности к работе летчиком-инструктором выявил, что количество представлений о работе инструктора у курсантов с «низким» уровнем пригодности статистически значимо ($p < 0,05$) меньше, чем курсантов с «высоким» уровнем пригодности к работе летчиком-инструктором.

Выявленные базовые представления курсантов о положительных и отрицательных профессионально важных качествах деятельности летчика-инструктора. К положительным качествам относятся: «Обретение летной компетентности», «Определенность бытия», «Обретение инструкторской компетентности», «Семейная идентичность» и др., к отрицательным — «Сложности для карьеры как летчика», «Однообразность бытия», «Ответственность за курсантов», «Небольшая заработная плата» и др.

Результаты статистического анализа свидетельствуют о дискриминантной валидности методики «ГОТОВНОСТЬ» для определения пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором и мотивации на инструкторскую деятельность.

Заключение

1. Пригодность курсанта к работе летчиком-инструктором целесообразно рассматривать как модель обретенных курсантом свойств как субъектом бытия, основными параметрами которой являются: «Теоретическая осведомленность»; «Коммуникативные компетенции»; «Дидактические компетенции»; «Летные компетенции».

Компонентами параметра «Теоретическая осведомленность» являются: «Знания курсантом элементов теории пилотирования»; «Психолого-педагогические знания курсанта»; «Знания курсантом порядка подготовки к полетам».

Компонентами параметра «Коммуникативные компетенции» являются способности: «Не прерывая выслушивать задания на летную смену (полет)», «Соблюдать нормы воинского этикета», «Работать в коллективе».

Компонентами параметра «Дидактические компетенции» являются способности: «Понимать содержание и порядок выполнения полетного задания», «Грамотно (понятно) формулировать вопросы», «Правильно анализировать полет».

Компонентами параметра «Летные компетенции» являются способности: «Уметь готовиться к полетам самостоятельно», «Своевременно замечать и грамотно исправлять отклонения», «Рационально осуществлять подготовку к повторному полету».

2. Составлена совокупность формул для определения уровня пригодности курсанта к работе летчиком-инструктором (z):

$$z = y_1 + y_2,$$

где:

y_1 — «Теоретическая осведомленность»;

y_2 — «Компетенции летчика-инструктора».

Формула для определения «Теоретической осведомленности курсанта»:

$$y_1 = x_1 + x_2 + x_3,$$

где:

x_1 — «Оценка знаний элементов теории пилотирования — средние оценки по учебным дисциплинам “Аэродинамика”, “Воздушная навигация”, “Авиационная техника” и “Авиационное вооружение”;

x_2 — «Оценка знаний по учебным дисциплинам “Педагогика” и “Психология”;

x_3 — «Оценка знаний по учебным дисциплинам, относящимся к порядку подготовки к полетам».

Формула для определения «Компетенции курсанта как летчика-инструктора»:

$$y_2 = x_4 + x_5 + x_6,$$

где:

x_4 — «Коммуникативная компетентность»;

x_5 — «Дидактическая компетентность»;

x_6 — «Летная компетентность».

3. Составлена шкала стандартизированных уровней «Пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором».

Первая группа пригодности (высокий уровень) — от 55 баллов.

Вторая группа пригодности (хороший уровень) — от 50 до 54 баллов.

Третья группа пригодности (слабый уровень) — от 45 до 49 баллов.

Четвертая группа пригодности (низкий уровень) — до 44 баллов.

4. Выявлены амбивалентные представления курсантов о профессионально важных качествах деятельности летчика-инструктора: «Обретение летной компетентности» и «Сложности для карьеры как летчика»; «Определенность бытия» и «Однообразность бытия»; «Обретение инструкторской компетентности» и «Ответственность за курсантов»; «Семейная идентичность» и «Небольшая заработная плата».

5. Установленная валидность методики «ГОТОВНОСТЬ» позволяет использовать методику «Готовность работать летчиком-инструктором» для определения значений показателей личностной готовности курсантов к работе летчиком-инструктором.

6. Эмпирически обоснована модель измерителей пригодности курсантов к инструкторской деятельности, которая содержит комплекс методик: «ЗНАНИЯ»; «КОМПЕТЕНЦИИ»; «ГОТОВНОСТЬ».

С помощью методики «ЗНАНИЯ» измеряются знания курсанта, необходимые для инструкторской деятельности. С помощью методики «КОМПЕТЕНЦИИ» измеряются обретенные курсантом способности летчика-инструктора. С помощью методики «ГОТОВНОСТЬ» измеряются показатели готовности курсанта работать летчиком-инструктором.

В заключение отметим, что моделирование системы отбора летчиков-инструкторов получило теоретическое и эмпирическое подтверждение, что позволило обозначить контуры модели пригодности курсантов к работе летчиком-инструктором. Создан оригинальный комплекс методик отбора будущих летчиков-инструкторов из курсантов, который проверен на валидность, надежность и стандартизирован.

Полученные результаты являются основанием для широкомасштабных исследований, посвященных проблеме совершенствования системы профессионального отбора летно-инструкторского состава как важного звена подготовки военных летчиков.

Библиографический список

- Алексеев, М. С. (2011). *Развитие личностного потенциала летчика в процессе профессионального становления*. (Автореферат канд. диссертации). Москва.
- Бодров, В. А. (2007). *Современное состояние психологических исследований профессиональной деятельности*. Москва: ПЕР СЭ; Логос.
- Бондарь В. В. (2008). *Профессиональное становление курсантов военно-экономического вуза в процессе обучения*. (Автореферат канд. диссертации). Ярославль.
- Бондарь, Т. В., Мальчинский, Ф. В., Некрасов, С. Д. (2016). Концепция пригодности человека к военной службе. В С. Д. Некрасов *Личность курсанта: психологические особенности бытия: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф., (с иностранным участием)* (с. 5–13). Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Бучельников, О. Ю. (2010). *Анализ деятельности летно-инструкторского состава вузов ВВС, подготовка к ней. Выявление факторов, оказывающих влияние на эти процессы*. Монино: ВВА.
- Бучельников, О. Ю. Гришков, А. А. Мальчинский, Ф. В., Медяникова, Л. М., Некрасов, С. Д. (2018) Разработка инструментов отбора курсантов пригодных к работе летчиком-инструктором: первый этап. В *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Специальный выпуск, посвященный III Всероссийской педагогической научной конференции «Проблемы и современные направления развития образования в области авиации», 19 апреля, 2018 г.* (с. 44–48). Сызрань.
- Бучельников, О. Ю. Гришков, А. А. Мальчинский, Ф. В., Медяникова, Л. М., Некрасов, С. Д. (2018) Разработка инструментов отбора курсантов пригодных к работе летчиком-инструктором: второй этап. В С. Д. Некрасов *Личность курсанта: психологические особенности бытия: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф., (с иностранным участием)* (с. 53–65). Краснодар: Кубанский государственный университет.
- Быков, В. П. (2011). *Формирование базовых профессиональных умений курсантов вуза в период лётной практики*. (Автореферат канд. диссертации). Екатеринбург.
- Ваулин, В. И. (2000). *Педагогические основы подготовки летно-инструкторского состава к обучению курсантов ВУЗов: На опыте армейской авиации Сухопутных войск*. (Автореферат канд. диссертации). Москва.
- Ворона, А. А., Гандер, Д. В., Пономаренко, В. А. (2003). *Теория и практика психологического обеспечения летного труда*. Москва: Воениздат.
- Гандер, Д. В. (2007). *Профессиональная психопедагогика*. Москва: Воентехиниздат.
- Гандер, Д. В., Ворона, А. А., Пономаренко, В. А., Алексеев, М. С. (2016). Методологические и теоретические предпосылки психологических исследований летного труда на современном этапе развития авиации. *Психология и психотехника*, 11, 906–912.
- Забоева, М. В. (2014). Ответственность как профессионально важное качество личности летчиков инструкторов различных родов авиации. *В мире научных открытий*, 11.6, 2190–2205.

- Ильин, Е. П. (2008). *Дифференциальная психология профессиональной деятельности*. Санкт-Петербург: Питер.
- Кадочников, А. И. (2009). Формирование навигаторской компетентности курсантов в процессе тренажной подготовки. (Автореферат канд. диссертации). Челябинск.
- Корчемный, П. А. (1986). *Психология лётного обучения*. Москва: Воиздат.
- Крачко, Э. А. (2013). *Психофизиологические критерии распределения курсантов военного авиационного образовательного учреждения по родам авиации*. (Автореферат канд. диссертации). Санкт-Петербург.
- Мальчинский, Ф. В., Некрасов, С. Д. (2012). *Внутренняя позиция личности курсанта военного авиационного училища: монография*. Краснодар: ВУНЦ ВВС «ВВА», Кубанский гос. ун-т.
- Михневич, А. В. (2003). *Физиологическая оценка, прогнозирование и оптимизация адаптации летчиков-инструкторов к условиям военно-профессиональной деятельности*. (Автореферат канд. диссертации). Саратов.
- Младенов, А. (2014, Май). О системе подготовки летчиков ВВС России. *Военное обозрение*. Режим доступа <https://topwar.ru/47064-aleksandr-mladenov-o-sisteme-podgotovki-letchikov-vvs-rossii.html>
- Некрасов, С. Д., Мальчинский, Ф. В. (2014). *Самолет. Офицер. Семья: комплекс методик для измерения ориентиров внутренней позиции курсанта*. Краснодар: ВУНЦ ВВС «ВВА».
- Некрасов, С. Д. (2014). *Математические методы в психологии (MS Excel)*. Краснодар.
- Новосельский А.В. (2008) *Развитие организационно-управленческих умений будущих военных летчиков*. (Автореферат канд. диссертации). Саратов.
- Платонов, К. К. (1960). *Психология лётного труда*. Москва: Воениздат.
- Пономаренко, В. А. (2001). *Авиация. Человек. Дух*. Москва: Магистр. Пресс.
- Пономаренко, В. А. (1995). *Страна Авиация — чёрное и белое*. Москва: Наука.
- Пономаренко, В. А. (2004). *Психология духовности профессионала*. Москва: ПЕР СЭ.
- Прошкин, С. А. (2009). Летчик-инструктор — летчик, педагог, психолог. *Вестник международной академии проблем Человека в авиации и космонавтике*, 2 (31), 13–22.
- Руководство по организации и проведению летного обучения в высших учебных заведениях ВВС, введено в действие приказом Главнокомандующего ВВС (2008). Москва: Воениздат.
- Смирнов, А. Ю., Шиш В.И. (2017). Анализ психолого-педагогической деятельности, летно-инструкторского состава вертолетного вуза в период первоначального летного обучения. *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*. Т. 10, 11 (11), 87–90.
- Сочнев, В. Н. (2005). *Психофизиологические детерминанты успешности профессиональной деятельности летчиков-инструкторов*. (Автореферат канд. диссертации). Санкт-Петербург.
- Braakter, F. (1974). High workload tasks of aircrew in the tactical strike and reconnaissance roles. In *Simulation and study of high workload operations*. Oslo, 24–25 April, P. 17.
- Brookings, J. B., Wilson, G. F., Swain, C. R. (1996). Psychophysiological responses to changes in workload during simulated air traffic control. *Biological Psychology*, 42, (3), 361–677.
- Grandjean, A. B. (1968). Fatigue: its physiological and psychological significance. *Ergonomics*, 2, 427–438.
- Lager, C. (1974). Fatigue in civil aviation. Definitions and problems. In *Pilot Reliability* (50–54). Stockholm.
- Martinussen, M., Hunter, D. R. (2017). *Aviation Psychology and Human Factors — Second Edition* pdf CRC Press. Boca Raton, FL.
- Mouden Homer, L. (1984). Human factors errors in judgement. *Int. J. Aviat. Safety*, 1 (4), 471–474.
- Reyes, R. J. (1979). *Stree measurement in A-10 aircrew following short repeated light*. Washington.
- Sells, S. A. (1953). Research programme to develop psychiatric selection of flying personnel. *J. Aviat. Med.*, 24 (1), 29–47.

- Sloan, S. L. (1985). The impact of life events on pilots: An extension of Alkov' approach. *Aviat., Space and Environ. Med.*, 56 (10), 1000–1003.
- Terelak, J. F. (1991). Current research and trends in aviation psychology in Poland. *Aviat. Space Environ. Med.*, 62 (9), 903–906.
- Tsang, P. S., Vidulich, M. A. (Eds.) (2003). *Principles and Practice of Aviation Psychology*. Mahwah, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates Publishers.
- Wise, J., Hopkin, D., Garland, D. (2010). *Handbook of Aviation Human Factors*. CRC Press.

Статья поступила в редакцию 20.06.2018

Статья принята к публикации 26.11.2018

Для цитирования: Бучельников О.Ю., Гришков А.А., Мальчинский Ф.В., Медяникова Л.М., Некрасов С.Д. Моделирование системы отбора летчиков-инструкторов.— *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 4. С. 147-163.

MODELING THE SELECTION SYSTEM FOR POTENTIAL PILOTS–INSTRUCTORS

O. Yu. Buchel'nikov, A. A. Grishkov, F. V. Mal'chinskij, L. M. Medjanikova, S. D. Nekrasov

Oleg Yu. Buchel'nikov. E-mail: nmo_kvvaul@mail.ru.

Andrei A. Grishkov. E-mail: grishkov_aa@icloud.com.

Fjodor V. Mal'chinskij. E-mail: nmo_kvvaul@mail.ru.

Ljudmila M. Medjanikova. E-mail: mlm22@mail.ru.

Sergei D. Nekrasov. E-mail: n.s.d@kubsu.ru. ORCID 0000–0002–3755–8281

Krasnodar Higher Military Aviation School, Dzerzhinsky Str. 135, Krasnodar, 350090, Russia

Abstract. The article deals with building a psychological model of concepts and tools necessary to select future instructors among cadets taught to become military pilots. Theoretical modeling is based on competency approach to cadets' professional training which is an integral part of the concept of professionally important qualities of a competent military pilot-instructor. The authors single out and substantiate the following three competencies in the structure of the model: communicative, didactic and airmanship. It is justifiable to regard the point "Cadet's Adequacy to Work as a Pilot-Instructor" as a model of subject of objective reality properties acquired by a cadet during the training period. These properties are: theoretical knowledge, communicative competencies, didactic competencies and airmanship. Modeling the system of selection for the future pilots-instructors has been confirmed both empirically and theoretically and has enabled the researchers to outline the borders of the model "Cadet's Adequacy to Work as a Pilot-Instructor" along the following parameters: theoretical knowledge necessary to work as an instructor; the acquired competencies of a pilot-instructor, and preparedness to work as a pilot-instructor. The authors have worked out an original complex of selection procedures for potential pilots-instructors which was checked for validity and reliability, and conformed to the standard. Standardization made it possible to shape a set of testers and a graphic level scale of the model "Cadet's Adequacy to Work as a Pilot-Instructor". The content validity of the selection procedures complemented the base elements in the model of professionally important qualities of a competent military pilot-instructor. The discriminant validity of the selection procedures formed the basis for defining testers for cadets' personality measure in their readiness to work as pilots-instructors. The authors drew up a set of formulas to test the level of cadets' readiness to work as pilots-instructors. Modeling instruments for the selection on the basis of psychological testing made it possible to reveal the cadets' basic ideas about the professionally important positive and negative qualities in the work of a pilot-instructor. A set of testers to verify the cadets' readiness to work as instructors has been checked; the model consists of a number of procedures called "knowledge", "competences", "preparedness" respectively. The procedure "Knowledge" measures cadets' theoretical knowledge necessary to

work as a pilot-instructor. The procedure “Competences” measures the cadets’ competences, acquired in training and necessary to work as a pilot-instructor. The procedure “Preparedness” measures parameters of the cadets’ readiness to work as a pilot-instructor.

Keywords: selection of potential pilots-instructors based on psychological testing; professionally critical characteristics of military pilots-instructors; modeling the system of selection of potential instructors; competency approach to evaluating instructor’s work; a complex of selection strategies for potential pilots-instructors

DOI: 10.31429/26190567-19-4-147-163

References

- Alexejenko, M. (2011). *Razvitije lichnostnogo potentsiala ljotchika v processe professional'nogo Stanovlenija* [Development of A Pilot's Personality Potential in the Course of Professional Growth] (Abstract of the Cand. Dissertation). Moscow.
- Bodrov, V. (2007). *Sovremennoje sostojanije psikhologicheskikh issledovanij professional'noj dejatel'nosti* [Current State of Psychological Research in Professional Activity]. Moscow: PER SE; Logos.
- Bondar', T., Mal'chinskii, F., Nekrasov, S. (2016). Kontseptsija prigodnosti cheloveka k voennoi sluzhbe [Conception of Man's Suitableness for Military Service]. In S. Nekrasov (Ed.) *Lichnost' kursanta: psikhologicheskije osobennosti bytija (materialy VII Vseross. nauchno-prakticheskoi konferentsii)* [Cadet's Personality: Psychological Peculiarities of Being (Transactions of the 7th All-Russian Theoretical and Practical Conference)] (pp. 5–13). Krasnodar.
- Bondar', V. (2008). *Professional'noje stanovlenie kursantov voenno-ekonomicheskogo vuza v protsesse obuchenija* [Professional Growth of Cadets at Military-economy Institute of Higher Education in the Process of Learning] (Abstract of the Cand. Dissertation). Yaroslavl'.
- Braakter, F. (1974). High workload tasks of aircrew in the tactical strike and reconnaissance roles. In *Simulation and study of high workload operations*. Oslo, 24–25 April, P. 17.
- Brookings, J. B., Wilson, G. F., Swain, C. R. (1996). Psychophysiological responses to changes in workload during simulated air traffic control. *Biological Psychology*, 42, (3), 361–677.
- Buchel'nikov, O. (2010). *Analiz dejatel'nosti ljotno-instruktorskogo sostava vuzov VVS, podgotovka k nei. Vyjavlenije faktorov, okazyvajushchikh vlijanije na eti Protsessy* [The Analysis of Training and Activity of Instructors and Flying Personnel in Air Forces' Institutes of Higher Education. Detection of Factors That Exert Influence on These Processes]. Monino: VVA.
- Buchel'nikov, O., Grishkov, A., Mal'chinskii, F., Medjanikova, L., Nekrasov S. (2018). Razrabotka instrumentov otbora kursantov, prigodnykh k rabote ljotchikom-instruktorom: pervyi etap [Designing Instruments for the Selection of Cadets Suitable to Work as Pilots-Instructors: Stage 1]. In *Aktual'nyje problemy gumanitarnykh I sotsial'no-ekonomicheskikh nauk. Spetsial'nyij vypusk, posvjashchjonnij III Vserossiskoj pedagogicheskoi nauchnoj konferentsii "Problemy I sovremennye napravlenija razvitija obrazovanija v oblasti aeronavigatsii"* [Topical Problems in Humanities and Socio-Economic Sciences]. (Special Issue to Mark the 3rd All-Russian Pedagogical Scientific Conference “Problems and Present-Day Vectors of Development in the Sphere of Education in Aeronavigation”) (pp. 44–48). Syzran'.
- Buchel'nikov, O., Grishkov, A., Mal'chinskii, F., Medjanikova, L., Nekrasov S. (2018). Razrabotka instrumentov otbora kursantov, prigodnykh k rabote ljotchikom-instruktorom: vtoroi etap [Designing Instruments for the Selection of Cadets Suitable to Work as Pilots-Instructors: Stage 2]. In S. Nekrasov (Ed.) *Lichnost' kursanta: psikhologicheskije osobennosti bytija (materialy IX Vseross. nauchno-prakticheskoi konferentsii)* [Cadet's Personality: Psychological Peculiarities of Being (Transactions of the 9th All-Russian Theoretical and Practical Conference)] (pp. 53–65). Krasnodar.
- Bykov, V. (2011). *Formirovanije bazovykh professional'nykh umenij kursantov vuza v period ljotnoi praktiki* [Forming Basic Professional Skills of Cadets During Flying Practice Training]. (Abstract of the Cand. Dissertation). Ekaterinburg.

- Gander, D. (2007). *Professional'naja psikhopedagogika* [Professional Psychopedagogy]. Moscow: Voentekhizdat.
- Gander, D., Vorona, A., Ponomarenko, V., Alexejenko, M. (2016). Metodologicheskie i teoreticheskie predposylki psikhologicheskikh issledovanij ljotnogo truda na sovremennom etape razvitija aviatsii [Methodological and Theoretical Background of Psychological Research of Professional Flying at the Current Stage of Aviation Development]. *Psikhologija i psikhotehnika* [Psychology and Psychotechnology], 11, 906–912.
- Grandjean, A. B. (1968). Fatigue: its physiological and psychological significance. *Ergonomics*, 2, 427–438.
- Ilijn, E. (2008). *Differentsial'naja psikhologija professional'noj dejatel'nosti* [Differential Psychology of Professional Activity]. Sanct-Peterburg: Piter.
- Kadochnikov, A. (2009). *Formirovanije navigatorskoj kompetentnosti kursantov v processe trenazhornoj podgotovki* [Shaping Cadets' Navigational Competence During Simulation Training]. (Abstract of the Cand. Dissertation). Cheljabinsk.
- Korchemnyj, P. (1986). *Psikhologija ljotnogo obuchenija* [Psychology of Teaching Flying]. Moscow: Voenizdat.
- Krachko, E. *Psikhofsiologicheskie kriterii raspredelenija kursantov voennogo obrazovatel'nogo uchrezhdenija po rodam aviatsii* [Psychological and Physiological Criteria of Military Cadets' Assignment to Different Branches of Aviation] (Abstract of the Cand. Dissertation). Sankt-Peterburg.
- Lager, C. (1974). Fatigue in civil aviation. Definitions and problems. In *Pilot Reliability* (50–54). Stockholm.
- Mal'chinskij, F., Nekrasov, S. (2012). *Vnutrennjaja pozitsija lichnosti kursanta voennogo aviatsionnogo uchilishcha* [Inner Stand of a Military Aviation School Cadet's Personality]. Krasnodar: VUNC VVS "VVA", Kubanskij gos. universitet.
- Martinussen, M., Hunter, D. R. (2017). *Aviation Psychology and Human Factors* — Second Edition pdf CRC Press. Boca Raton, FL.
- Mikhnevich, A. (2003). *Physiologicheskaja ocenka, prognozirovanije i optimizatsija adaptatsii ljotchikov-instruktorov k uslovijam voenno-professional'noj dejatel'nosti* [Physiological Assessment, Prognostication and Optimization in the Process of Pilots-Instructors' Adaptation to Professional Military Activity] (Abstract of the Cand. Dissertation). Saratov.
- Mladenov, A. (2014). O sisteme podgotovki lyotchikov VVS Rossii [On the System of Russian Air-Force Pilots' Training]. In *Vojennoje obozrenije* [Military Review]. Retrieved from <https://topwar.ru/47064-aleksandr-mladenov-o-sisteme-podgotovki-letchikov-vvs-rossii.html>
- Mouden Homer, L. (1984). Human factors errors in judgement. *Int. J. Aviat. Safety*, 1 (4), 471–474.
- Nekrasov, S. (2014). *Matematicheskije metody v psikhologii (MS Excel)* [Mathematical Methods in Psychology (MS Excel)]. Krasnodar.
- Nekrasov, S., Mal'chinskij, F. (2014). *Samoljot. Ofitser. Sem'ja: kompleks metodik dlja izmerenija orientirov vnutrennej pozitsii kursanta* [Aircraft. Officer. Family: A complex of Methods to Change the Guiding Lines of Cadet's Inner Stand]. Krasnodar: VUNC VVS "VVA".
- Novosel'skij, A. (2008). *Razvitije organizatsionno-upravlencheskikh umenij budushchikh voennykh ljotchikov* [Developing Organizational and Managerial Skills of the Future Military Pilots]. (Abstract of the Cand. Dissertation). Saratov.
- Platonov, K. (1960). *Psikhologija ljotnogo truda* [Psychology of Professional Flying]. Moscow: Voenizdat.
- Ponomarenko, V. (1995). *Strana Aviacija — chjornoje i beloje* [Aviation Country — Black and White]. M.: Nauka.
- Ponomarenko, V. (2001). *Aviatsija. Chelovek. Dukh* [Aviation. Man. Spirit]. M.: Magistr. Press.
- Ponomarenko, V. (2004). *Psikhologija dukhovnosti professional* [Professional's Psychology of Spirituality]. M.: PER SE.

- Proshkin, S. (2009). Ljotchik-instruktor — ljotchik, pedagog, psikholog [Pilot-Instructor — Pilot, Teacher, Psychologist]. *Vestnik mezhdunarodnoj akademii problem Cheloveka v aviatsii i kosmonavtike* [Bulletin of the International Academy of Man in Aviation and Cosmonautics], 2 (31), 13–22.
- Reyes, R. J. (1979). *Stree measurement in A-10 aircrew following short repeated light*. Washington. Rukovodstvo po organizaciji i provedeniju ljotnogo obuchenija v vysshikh uchebnykh zavedenijakh VVS, vvvedeno v dejstvije prikazom Glavnokomandujushchego VVS [Organization and Teaching Instructions for Pilots at Air Force Institutes of Higher Education (Enacted by the Order of the Air Force Commander-in-Chief)] (2008). M.: Voenizdat.
- Sells, S. A. (1953). Research programme to develop psychiatric selection of flying personnel. *J. Aviat. Med.*, 24 (1), 29–47.
- Sloan, S. L. (1985). The impact of life events on pilots: An extension of Alkov' approach. *Aviat., Space and Environ. Med.*, 56 (10), 1000–1003.
- Smirnov, A., Shish, V. (2017). Analiz psikhologo-pedagogicheskoy dejatel'nosti kjotno-instruktor-skogo sostava vertoljotnogo vuza v period pervonachal'nogo ljotnogo obuchenija [Analysis of Psychological and Educational Work of Flying Instructors' Staff in a Helicopter Institute of Higher Education at the First Stage of Teaching]. *Aktual'nyje problemy gumanitarnykh i social'no-ekonomicheskikh nauk* [Actual Problems of Humanities and Socio-Economic Sciences], 11 (11), 87–90.
- Sochnev, V. (2005). Psikhofiziologicheskije determinanty uspešnosti profvssional'noj dejatel'nosti ljotchikov-instruktorov [Psychological and Physiological Determinants of Pilots-Instructors' Successful Professional Activity] (Abstract of the Cand. Dissertation). St. Petersburg.
- Terelak, J. F. (1991). Current research and trends in aviation psychology in Poland. *Aviat. Space Environ. Med.*, 62 (9), 903–906.
- Tsang, P. S., Vidulich, M. A. (Eds.) (2003). *Principles and Practice of Aviation Psychology*. Mahwah, NJ, US: Lawrence Erlbaum Associates Publishers.
- Vaulin, V. (2000). *Pedagogicheskije osnovy podgotovki ljotno-tekhničeskogo sostava k obucheniju kursantov vuzov: Na opyte armejskoj aviatsii sukhoputnykh voisk* [Pedagogical Foundations of Flying-and-Technical Personnel's Training for Teaching Cadets at Instiutes of Higher Education (as Exemplified by Military Aviation in Army Ground Forces)]. (Abstract of the Cand. Dissertation). Moscow.
- Vorona, A., Gander, D., Ponomarenko, V. (2003). *Teorija i praktika psikhologičeskogo obespečenija ljotnogo truda* [Theory and Practice of Psychological Support for Flying]. Moscow: Voenizdat.
- Wise, J., Hopkin, D., Garland, D. (2010). *Handbook of Aviation Human Factors*. CRC Press.
- Zabojeva, M. (2014). Otvetstvennost' kak professional'no vazhnoje kachestvo lichnosti ljotchikov-instruktorov razlichnykh rodov aviatsii [Responsibility as a Professionally Important Quality for Pilots-Instructors' Personality in Different Branches of Aviation]. *V mire nauchnykh otkrytij* [In the World of Scientific Discoveries]. 11.6, 2190–2205.

Received 20.06.2018

Accepted 26.11.2018

For citation: Buchel'nikov O. Yu., Grishkov A. A., Mal'chinskij F. V., Medjanikova L. M., Nekrasov S. D. Modeling the Selection System for Potential Pilots–Instructors. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 4. Pp. 147–163.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

АФРИКАНСКИЕ СТУДЕНТЫ В РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ И ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ПРИНИМАЮЩИМ ОБЩЕСТВОМ

И. Камара, В. Н. Ракачев

Камара Ишака, Университет литературы и гуманитарных наук Бамако, Республика Мали, Бамако, BP E2528.

Эл. почта: samarai2000@yahoo.fr. ORCID 0000-0003-4040-8775

Ракачев Вадим Николаевич, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская 149, Краснодар, 350040, Россия.

Эл. почта: midav.sf@mail.ru. ORCID 0000-0002-6505-4208

Аннотация. Статья посвящена важной проблеме — адаптации иностранных учащихся в условиях новой социокультурной среды страны обучения. Актуальность вопроса определяется реалиями современного глобального общества, активным развитием международных образовательных связей, ростом числа образовательных мигрантов в мире в целом и в России в частности. Для стран, предлагающих обучение гражданам других государств, иностранные студенты не только источник экономической прибыли, но и прежде всего важный ресурс международного влияния, фактор «мягкой силы» (soft power). В статье представлены результаты проведенного в 2014–2015 гг. комплексного социально-психологического исследования, направленного на выявление особенностей социокультурной адаптации и взаимоотношения с принимающим обществом африканских студентов, обучающихся и завершивших обучение в вузах России и СССР. По итогам проведенного исследования выявлены и проанализированы факторы, определяющие степень успешности адаптации, основные барьеры, затрудняющие включение африканских студентов в новое социокультурное пространство, специфика их взаимодействия с принимающим обществом. Делается вывод о том, что социокультурная адаптация африканских учащихся, обучающихся в России, является сложным многофакторным процессом, в ходе которого они пытаются достичь социально-психологической совместимости с новой для них культурной средой. Анализ процессов адаптации студентов из стран Африки позволил определить эффективные механизмы, способные оптимизировать эти процессы, использовать данный опыт при создании благоприятных условий для иностранных студентов. По итогам исследования сформулированы рекомендации, которые могут способствовать облегчению адаптационного процесса иностранных учащихся из стран Африки в России.

Ключевые слова: иностранные студенты, образовательная миграция, студенты из стран Африки, российские вузы, международное образование, социокультурная адаптация

Введение

После Второй мировой войны наступил новый период в международных отношениях, связанный с расширением сотрудничества государств в области образования, науки и культуры. В рамках ООН 16 ноября 1945 г. создается специализированное учреждение по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) основная задача которой: «содействовать укреплению мира и безопасности путем расширения сотрудничества народов в области образования, науки и культуры в интересах обеспечения всеобщего уважения справедливости, законности и прав человека, а также основных свобод, провозглашенных в Уставе ООН, для всех народов без различия расы, пола, языка или религии» (Красовицкая Т.Ю., 2013).

Начало активного привлечения иностранных студентов в Советский Союз начинается несколько позже, с 1954 г. — времени вступления СССР в ЮНЕСКО. Это период изменения модели международного сотрудничества СССР, осознания

важности и значимости расширения советского образовательного пространства как фактора политического влияния. Вопрос о необходимости расширения вузов и привлечения в них иностранных специалистов и студентов рассматривался в рамках государственных мероприятий, в том числе на XX съезде КПСС.

За период 1960–1990-х гг. была создана эффективная система социальной адаптации иностранных студентов, заметно сказавшаяся на качестве образования, расширении географии и количества иностранных студентов, обучающихся в советских учебных заведениях что, в свою очередь, являлось важным элементом распространения советского влияния в мире.

Распад СССР существенным образом отразился как на процессах привлечения иностранных студентов в Россию, так и на условиях социальной адаптации. Вместе с тем роль и ценность российского образования остается и сегодня довольно значительной. По словам Президента России В.В. Путина, «... не империя, а культурное продвижение; не пушки, не импорт политических режимов, а экспорт образования и культуры помогут создать благоприятные условия для российских товаров, услуг и идей. Мы должны в несколько раз усилить образовательное и культурное присутствие в мире — и на порядок увеличить его в странах, где часть населения говорит на русском или понимает русский» (Путин В.В., 2012).

В этой связи подготовка в вузах России специалистов — представителей стран Африки выступает своеобразным средством укрепления международного авторитета её образования, науки и культуры. Кроме того, привлечение образовательных мигрантов в страну стимулирует культурный обмен, способствует привлечению экономической прибыли в российский бюджет, а также обеспечивает её активное влияние на формирование будущей политической, экономической, культурной элиты в странах, отправляющих своих граждан на обучение, в том числе и в странах Африки. К тому же иностранные учащиеся, которые остаются в России после окончания учёбы, также являются иностранными выпускниками российских вузов, получившими образование, владеющими языком, понимающими местную культуру, адаптированными к национальному рынку труда. В этой связи они могут рассматриваться как ценный потенциальный ресурс пополнения человеческого капитала для нужд экономики России.

Подготовка иностранных студентов в стране выступает инструментом так называемой «мягкой силы» (soft power), обеспечивая распространение российского влияния в мире, поддержку и развитие долговременных связей с зарубежными странами (Торкунов А.В., 2012).

Всё это актуализирует вопрос адаптации иностранных учащихся в стране обучения, от успешности которой зависит результат образования и профессиональная социализация.

Проблема приобретает особую актуальность в условиях роста числа иностранных учащихся в мире. Если в 2007–2008 гг. по данным различных источников число иностранных студентов, обучавшихся за границей, варьировалось от 2,7 до 3 млн. чел., то согласно данным, представленным в докладе ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) «Education at a Glance» в 2012 г. эта цифра достигла 4,1 млн. чел. По данным ЮНЕСКО в настоящее время образовательные услуги иностранным гражданам предоставляют 129 государств мира. До 1991 г. СССР занимал второе место в мире по количеству иностранных студентов, в 1990-е гг. произошло резкое сокращение контингента иностранных учащихся,

однако затем ситуация стала меняться в лучшую сторону. В настоящее время Россия занимает 8-е место по численности обучающихся иностранных граждан. В 2017 г. в стране обучалось 220 тыс. иностранных граждан, а к 2025 г. их число планируется увеличить до 760 тыс. (Ивойлова И., 2017).

За десятилетия обучения иностранных студентов в России накоплен богатый опыт организации учебного процесса для иностранцев, созданы структуры, обеспечивающие разработку и реализацию соответствующих программ и методик, направленных на оптимизацию процессов адаптации иностранных учащихся. Однако совершенствование данных методик невозможно без соответствующей эмпирической и теоретической базы, что также указывает на необходимость и актуальность проведения различного рода исследований, позволяющих выявить особенности процессов адаптации иностранных учащихся.

Степень изученности вопроса

Проблемы социальной адаптации изучаются различными социальными и гуманитарными науками на регулярной основе и достаточно длительное время. За это время создана широкая теоретическая база, позволяющая рассматривать и анализировать данные процессы. Кроме того, проведено немало прикладных исследований, создавших серьезную эмпирическую основу для теоретических выводов и построений.

В рамках социологической науки отдельные аспекты, связанные с процессами адаптации, представлены в работах классических авторов: Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса, Р. Мертона, понимающих адаптацию как усвоение индивидом условий социальной среды.

Бихевиористы и необихевиористы (Р. Фэрчайлд, Э. Холландер, Г. Айзенк и др.) рассматривают адаптацию как процесс социального научения. В рамках психоанализа адаптация как процесс и адаптированность как результат направлены на установление гомеостатического равновесия между адаптантом и инокультурной средой. В феноменологической традиции (А. Шюц, П. Бергер, Т. Лукман) адаптация есть субъективный поведенческий акт, осмысливаемый и интерпретируемый личностью в рамках общества.

С позиций качественно-количественного подхода к оценке результатов адаптации этот процесс интерпретируют Ч. Морис, А.Н. Леонтьев, М.В. Ромм, А.Л. Венгер и др., выделяя уровни адаптации.

Важную роль в осмыслении процессов социокультурной адаптации сыграла теория «культурного шока», представленная в работах К. Оберга, С. Бокнера, З.И. Левина, Дж.Т. Гуллахорна, Дж.Е. Гуллахорна и др., отмечавших, что даже при самых благоприятных условиях взаимодействия вхождение человека в иную культуру сопровождается как объективными, так и субъективными трудностями.

Эмпирический анализ проблем иностранных студентов в стране обучения, особенностей и трудностей социокультурной адаптации этой категории мигрантов рассмотрен в работах зарубежных ученых (Кэри А.Т., 1956, Тэджфел Г., Доусон Дж., 1982; Клинеберг О., 1972; Камара И., 2014, Бустос Р., Гэйрин Дж., 2017; Дервин Ф., 2015) и др. Активно разрабатывалась эта тематика и российскими учеными (Письменная Е.Е., 2009; Шереги Ф.Е., Дмитриев Н.М., Арефьев А.Л., 2002; Крылова Н.Л., 2006; Мазитова Л.Т., 2002; Ромео А.Н., 2009; Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Ващенко А.В., 2009; Красовицкая, 2013; Звягольский А.Ю., 2010 и др).

В целом анализ состояния изученности проблемы показывает, что в зарубежной и российской социологической науке накоплен значительный эмпирический и теоретический материал по проблемам социокультурной адаптации образовательных мигрантов. Вместе с тем существует потребность в дальнейшей разработке вопросов, посвященных социокультурному аспекту адаптации иностранных учащихся, в том числе и из стран Африки, с учетом меняющихся общественно-политических реалий.

Становление и развитие личности в процессе социализации неизбежно связывают с необходимостью её адаптации к условиям внешней среды, как природной, так и социальной. Этот процесс, с одной стороны, проявляется в привыкании, приспособлении личности к общественным нормам и ролям, с другой — выступает как средство развития самой личности, раскрытия её внутреннего потенциала и достижения особого равновесия между адаптантом и окружающей его новой социокультурной средой. Под адаптацией личности следует понимать многоуровневый процесс взаимодействия представителей разных культур и групп в различных сферах общественной жизни, в ходе которого формируется новая социальная идентичность, соответствующая условиям новой среды. Адаптированность в свою очередь понимается как состояние благополучного взаимодействия личности с новой социальной средой, в котором она удовлетворяет большинство своих духовных и материальных потребностей, адекватно выполняет требования, которые ей предъявляет данная среда.

Методология и задачи исследования

С целью изучения особенностей процессов социокультурной адаптации иностранных учащихся из стран Африки, обучающихся и прошедших обучение в российских/советских вузах и факторов их определяющих, нами было проведено в 2014–2015 гг. комплексное социально-психологическое исследование с использованием количественных и качественных методов сбора информации: анкетного опроса и интервью.

Объектом исследования выступили африканские учащиеся, обучающиеся или прошедшие обучение в российских и советских вузах. В ходе исследования были поставлены задачи: определить уровень адаптации африканских студентов в условиях новой социокультурной среды на основе объективных и субъективных критериев; выявить основные факторы, влияющие на адаптацию, условия, облегчающие или затрудняющие этот процесс; выявить основные адаптационные стратегии, реализуемые африканскими студентами в условиях страны обучения; определить характер и формы взаимодействия африканских студентов и принимающего общества и его последствия. В исследовании приняли участие 88 иностранных студентов из стран Африки, обучающихся и обучавшихся в российских и советских вузах.

Учет временного фактора крайне важен для нас при анализе этапов и результатов адаптации, поскольку образовательная миграция — процесс, ограниченный по времени. Результаты нашего исследования показывают, что из опрошенных 29% учащихся живёт и учится в России/СССР один год; 22% — два года; 14% — три года; 13% — четыре года; 11% — пять и шесть лет, 11% — шесть лет и более. Можно говорить, что чуть более половины респондентов — африканских учащихся живёт и учится в России один-два года. Чуть менее половины опрошенных проживает в стране три и более лет.

Результаты социально-психологического исследования

Исследование выявило, что на социокультурную адаптацию оказывают влияние территориальный, географический, климатический факторы. Значимую роль играет физиологическая адаптация, которая начинается с привыкания африканских учащихся к климатическим условиям страны обучения. Они болезненно приспосабливаются к суровой «русской зиме». Часть учащихся указали на необходимость приспособливаться к недостатку жизненного пространства в условиях зимы. Данная трудность объясняется тем, что на родине встречи с друзьями или свободное времяпрепровождение проходят на улице вне помещений. В России же зимой они вынуждены оставаться в общежитии.

Социально-бытовая адаптация

Учащиеся из стран Африки в целом сталкиваются с новым для них бытом и проходят процесс социально-бытовой адаптации. Данный аспект адаптации носит социокультурный характер, она обеспечивает интеграцию иностранного учащегося в бытовую сферу университета и принимающего общества в целом. Быт — есть внепроизводственная сфера жизни человека, связанная с удовлетворением его материальных и духовных потребностей (Гусейнов О.М., 1976). Под социально-бытовой адаптацией мы понимаем приспособление приезжего к режиму сна, бодрствования, питания, жилищу, пище, одежде, досугу, практикам поддержания здоровья и пр.

В этой связи значимо место проживания и соответственно связанные с ним бытовые условия. Ответы африканцев свидетельствуют о том, что большинство — 89% из них живёт в общежитиях, а 11% — снимает квартиру, иногда одну на несколько человек. Последнюю группу составляют в основном материально обеспеченные студенты из Анголы, Камеруна, Марокко, Нигерии. Проживание в общежитии при вузе имеет такие преимущества, как компактное проживание, близость к вузу, безопасность, низкая плата за жильё. Компактное проживание в общежитии совместно с другими студентами играет двойственную роль в процессе адаптации. С одной стороны, проживая вместе с другими африканцами и иностранными студентами, африканские учащиеся имеют более комфортные психологические условия, но при этом зачастую хозяйственно-бытовые условия общежития не достаточно хороши, и им приходится испытывать определенные неудобства. Проживание на квартире расширяет круг социальных контактов с представителями принимающего общества (хозяева, соседи и т.д.), но при этом увеличивает вероятность конфликтных ситуаций, снижает уровень безопасности и повышает стоимость проживания.

Социально-культурные факторы

Другим фактором, определяющим социокультурную адаптацию иностранцев, является традиционный характер африканского общества. В нашем случае учащиеся из стран Африки являются представителями так называемых традиционных обществ. Данные общества характеризуются стабильной социальной структурой, иерархией, основанной не на личностных достижениях, а на предписанных статусах и характеристиках. В результате чего в партнерские отношения в таких обществах выступают члены семьи, рода, общины, но не индивиды.

Советское, а позже российское общество представляют «современные общества» и характеризуются высокой социальной мобильностью, развитой системой профессиональной стратификации, основанной на достигнутых статусах. В этой связи африканские учащиеся прежде всего испытывают затруднение в восприятии

ценностей, норм и стереотипов поведения, лежащих в основе культуры российского общества.

Понимая традицию как непрерывную передачу культурного наследия от поколения к поколению на протяжении всей истории существования общества, как нематериальное наследие, коллективное сознание, особую символическую практику и при этом как идентичность человеческого сообщества (Marmasse G., 2010), мы можем предположить, что африканские учащиеся оценивают новую для себя культуру российского общества с помощью усвоенных ценностей на родине в процессе первичной социализации (Bock Ph.K., 1970). В данном случае стереотипы или образцы поведения, которые иностранные учащиеся усваивают в родной культуре, не всегда приемлемы или иногда оказываются неэффективны в условиях страны обучения. В результате у большинства из них появляются психологические и психосоматические симптомы «культурного шока».

Социально-психологические факторы

Не менее важным условием социокультурной адаптации учащихся из стран Африки, обучающихся в вузах России и СССР, являются личностные социально-психологические характеристики (пол, возраст, образование и т.д.) В силу возраста (18–19 лет, т.е. обычно в этом возрасте, африканские учащиеся заканчивают обучение в лицее и получают среднее образование) у многих из них ещё не завершён процесс социализации на родине. Приехав на учёбу в Россию/СССР, они попадали в новые социокультурные условия. У них нет развитого опыта преодоления адаптационных сложностей, на который они могут ориентироваться, поскольку до приезда в Россию они не проживали сколько-нибудь длительное время вне пределов родной страны. Кроме того, у многих народов Африки традиционно предпочтительно рождение мальчиков, которым родители стремятся в первую очередь дать образование, тем самым подавляя в этой сфере активность девушек, что формирует у них стеснительность и замкнутость. Данная традиция ярко проявляет себя на примере учащихся из стран Африки, в числе которых преобладают юноши. Девушки представлены незначительным меньшинством и традиционная установка на то, что образование в первую очередь привилегия мужчин осложняет их адаптацию в принимающем обществе.

Причины выбора страны обучения

Важным фактором, определяющим успешность адаптации, выступает причина выбора страны обучения. Так, 17% опрошенных поступило в российские вузы по государственной программе (в основном это представители таких стран, как Нигерия, Экваториальная Гвинея, Мали, Ангола, Конго, Чад, Судан, Мозамбик, Эритрея), 27% учащихся — по советам знакомых, друзей, которые раньше учились в России/СССР; 20% — по советам родителей; 25% — по причине невысокой стоимости обучения; 11% — по собственной инициативе (интересно побывать в России). Это подтверждают и данные других социологических исследований, где отмечается, что выбор нынешних африканских студентов России в качестве страны обучения во многом обусловлен сохранившимся позитивным образом страны у тех, кто учился здесь ранее (Н-Диае М.М., Ракачев В.Н., 2003).

Языковой барьер

Исследование выявило, что процесс социокультурной адаптации представителей стран Африки в России/СССР затруднен языковым барьером. На языковые

трудности указали 52,6% опрошенных. Сложности в общении с россиянами как представителями другой культуры выделили 17,5%, проблемы с учёбой — 14%, с жильем — 11%. Далее с большим отрывом следуют такие проблемы как непривычная пища — 1,8%, расизм — 1,2%, непривычный климат — 0,6%, недостаток времени и материальные трудности — по 0,6%. Причем для представителей стран с преобладанием традиционных обществ, таких как Мали, Нигер, Чад, Экваториальная Гвинея, и прежде всего девушек характерны проблемы в общении с россиянами как представителями другой культуры, а для представителей арабоязычных стран Северной Африки (Марокко, Судана), как для юношей, так и для девушек, наибольшую проблему представляют языковые трудности. Как правило, представители Мали, Экваториальной Гвинеи, Камеруна, Центральноафриканской Республики испытывают материальные трудности. Молодые мужчины-студенты менее болезненно справляются с перечисленными трудностями, чем африканцы старшей возрастной группы и женщины.

Социальное происхождение, этничность, конфессия

Одним из важных факторов, влияющих на социокультурную адаптацию, являются социальное происхождение, состав и тип семьи. В данном случае большая семья влияет на адаптационный процесс в силу того, что она играет в жизни каждого из её членов особую роль. Действительно, подавляющее большинство африканцев, обучающихся в России и СССР, принадлежат к многодетным семьям, где отцы в основном заняты либо в первичном, либо в третичном секторе экономики. Гораздо реже главы семей занимают более высокое положение в обществе, являясь бизнесменами, дипломатами. В редких случаях, в семьях могут занимать высокие посты в обществе матери, работая врачами, секретарями, воспитателями. В любом случае семьи сталкиваются со значительными расходами, связанными с необходимостью обеспечить детей, отправляющихся на учёбу питанием, одеждой, или сталкиваются с необходимостью платы за обучение, медицинское страхование, досуг. Однако в связи с многодетностью семьи вынуждены в первую очередь содержать и обеспечивать младших детей. Тогда как старшие дети, отправляющиеся на учёбу за границу, вынуждены справляться с финансовыми трудностями самостоятельно. Данная ситуация во многом объясняет необходимость трудовой занятости части африканцев из малообеспеченных семей, что негативно сказывается на учёбе.

Этническая принадлежность, моно/поликультурная среда также играет определенную роль в процессе социокультурной адаптации учащихся из стран Африки, обучавшихся в вузах России/СССР. В нашем случае процесс коммуникативной адаптации затруднён тем, что в некоторых этнических группах детей учат общаться только внутри собственных групп. В результате соблюдения данных традиционных требований членам этих групп свойственен консерватизм и застенчивость, у них нет достаточного опыта в общении с людьми других этнических групп, что создает трудности в процессе адаптации. Привыкание иностранных учащихся к новому языку осуществляется и реализуется посредством установления дружеских контактов с представителями принимающего общества (Андреева Г.М., 1998), в ходе которых передается и усваивается социальный опыт, происходит изменение взаимодействующих субъектов, формируются новые личностные качества (Птицына И.Ф., 2008; Садохин А.П., 2007; Вурам М., 2000).

Исследование показывает, что существенное влияние на процессы социокультурной адаптации африканских учащихся, обучающихся в вузах России/СССР, оказывает конфессиональная принадлежность. Это необходимость соблюдать религиозные традиции в светском учебном заведении, а также находить точки соприкосновения с представителями других конфессий, с которыми существуют конфликты на родине. Однако, если межконфессиональная толерантность российского общества благоприятно сказывается на социокультурной адаптации части иностранцев, то возможности соблюдения религиозных практик для части африканцев-мусульман затруднены, особенно в тех регионах и городах, где большинство населения — христиане.

Успешность адаптации

Большая часть учащихся из стран Африки в России/СССР все же адаптируется к роли студента и к новым условиям. Это подтверждается и ответами на вопрос: «Преодолели ли учащиеся возникшие трудности в процессе жизни и учёбы в России/СССР, в том числе и учебные?». Около 43,4% респондентов отметили, что большинство трудностей им удалось преодолеть; 22,2% пока не преодолели эти проблемы, но надеются преодолеть их в скором будущем; 12,2% — затруднились с ответом. Лишь 7,9% респондентов отметило, что им не под силу исправляться с основными трудностями.

В числе условий, которые помогли большинству африканских учащихся успешно адаптироваться и преодолеть возникшие трудности, важную роль играют положительные ценностные ориентации и личностные нравственные качества. Они активно участвуют в самостоятельной деятельности по социальной адаптации: самостоятельно мыслят, стремятся достигнуть цели, используют индивидуальные возможности и способности. Это проявляется в том, что многие из них участвуют в олимпиадах по русскому языку, выступают на научных конференциях с докладами, принимают участие в культурных мероприятиях (концертах, выставках национальных культур) в вузах.

Можно говорить, что африканские учащиеся в большинстве своём обладают достаточно высокими адаптивными способностями, позволяющими им преодолеть основные трудности, возникающие в процессе жизни и учебы.

Следует отметить, что в группу, испытывающую большой «культурный шок» входили студенты не только первого курса, но и всех остальных курсов, а также аспиранты. Повышенный уровень стресса чаще встречается у представителей старшей возрастной группы, что связано с большей консервативностью, наличием семейных связей, устоявшейся модели взаимодействия. Наименьший стресс испытывают студенты младшей возрастной группы, уже прожившие несколько лет в России. В нашем исследовании это были учащиеся второго и третьего года обучения. В связи с этим одним из важных вопросов в нашем исследовании являлся вопрос о том, какой год был наиболее трудным в плане адаптации. Подавляющее большинство респондентов 59,9% отмечали, что это был первый год после приезда в Россию. Все время испытывают трудности 12,6% опрошенных респондентов, это в основном первокурсники. 19,5% от общего числа респондентов отмечали второй год проживания как самый трудный (испытывали стресс) и 8% затруднились с ответом.

При наличии знания, хоть и неполного, в любом случае социокультурная адаптация легче, чем при его полном отсутствии. Однако в то же время несоответствие

реальности ожиданиям может только усилить стресс от новой культурной среды. Об этом свидетельствуют ответы учащихся. Особую трудность испытывают молодые студенты, а также африканки в силу того, что они имеют завышенные ожидания.

За годы учёбы в вузах России/СССР 73,9% учащихся из стран Африки изменили отношение к стране обучения, местным жителям. Не изменили свое отношение 20,6% учащихся, 5,5% студентов затруднялось ответить.

Ответы на открытый вопрос о том, что удивило африканских студентов в России, показывают, что наибольшее позитивное удивление вызвали высокий уровень и качество образования, профессионализм преподавателей, самостоятельность и независимость женщин, доброта и отзывчивость местных жителей. В негативном плане удивило недоброжелательное отношение части местных жителей к иностранцам, бюрократические сложности и пр.

Особым условием социокультурной адаптации учащихся из стран Африки, обучающихся в вузах России/СССР, являются отношения с принимающим обществом, характер контактов. О достаточно хорошем уровне адаптации может говорить степень контактов мигрантов и местных жителей. Этот показатель у африканских учащихся достаточно высок. Отвечая на вопрос «Поддерживают ли учащиеся отношения с русскими/россиянами?», 55,3% учащихся отмечают, что они не просто вынужденно контактируют в процессе учёбы и в жизненно важных ситуациях, но и что у них есть много друзей и знакомых среди российских студентов и не только в студенческой среде. Около 17,5% опрошенных общаются с однокурсниками и преподавателями только по необходимости. При этом 7,9% общается только с африканскими студентами, у 1,8% нет ни знакомых, ни друзей среди местных жителей и 17,5% затруднились ответить. В числе тех, кто не контактирует с местными жителями, прежде всего студенты-первокурсники, которые, кроме всего, имеют и серьёзный языковой барьер, а также девушки-африканки. Однако это характерно не для всех африканских девушек-студенток, степень их контактов зачастую связана со страной выхода, степенью ее традиционности.

В отдельных случаях иностранные учащиеся до отъезда на учёбу еще дома немало изучали русский язык, в отдельных школах работали русские преподаватели, представители более молодого поколения получали информацию из СМИ и от лиц, учившихся в России или СССР. Поэтому по прибытии эта часть студентов легче ориентируется в принимающем обществе, она активнее общается не только со студентами и преподавателями, но и с людьми за пределами университета.

Значительная часть иностранных учащихся испытывает трудности в формировании речевых умений и навыков, а также мышления на русском языке, обладая минимальными базовыми знаниями и не зная норм общения и взаимодействия с россиянами в общественных местах. Важную роль здесь играют уроки русского языка, особенно на подготовительных факультетах многих вузов, где преподаватели использовали учебно-методические материалы, насыщенные страноведческой информацией, речевыми моделями, которые помогали учащимся сформировать представление о поведенческих образцах. Постепенно у них формируются навыки диалоговой речи и легче идет адаптация.

Почти все африканские учащиеся испытывают дискомфорт с изменением системы питания. В вузах России, как и в СССР, отсутствует специальная организация питания иностранцев. Поэтому чаще всего африканские студенты, как показывают результаты исследования, самостоятельно готовят блюда национальной кухни и редко питаются в студенческих столовых.

О противоречивости и неоднозначности процесса адаптации свидетельствуют и ответы на вопрос анкеты о том, ощущают ли когда-нибудь себя учащиеся из стран Африки в России как дома. Две трети учащихся-африканцев никогда не чувствует себя в России как дома или испытывает это чувство крайне редко. В то же время почти треть иногда испытывает такое ощущение, т.е. чувствует себя здесь как дома. Наибольший процент не чувствующих себя в России как дома составляют студентки из Мали, Камеруна, Нигера, Экваториальной Гвинеи, Чада, а также студенты старшей возрастной группы (аспиранты), состоящие в браке и имеющие высокий уровень жизни на родине. Данное положение можно объяснить тем, что круг общения девушек-африканок уже и социальные контакты реже, чем у мужчин. В отношении же аспирантов причина несколько иная — это в основном уже состоявшиеся на родине люди, зачастую имеющие семьи и острее ощущающие свой временный учебный статус.

Образовательные планы как показатель адаптации

подавляющее большинство опрошенных иностранных студентов — 76,3% планируют после учёбы вернуться домой, 12,7% хотели бы продолжить учиться в аспирантуре в России, и 1,2% отмечают, что, если бы представилась возможность найти в России хорошую работу, они бы остались. Небольшой процент опрошенных (0,6%), хотят побыть в России до тех пор, пока не появится возможность уехать в Европу, и 9,2% затруднились ответить. Мотивы выбора: в первом случае — желание использовать полученные знания на пользу своей родине, для тех, кто готов остаться в России — стремление избежать нестабильной политической и экономической ситуации на родине, а также перспектива углубления знаний и накопление опыта в России, подработки на профессиональном рынке или возможность позже переехать в Европу.

Однако 60,6% африканских учащихся не хотели бы больше возвращаться в Россию после окончания учёбы, и 62,8% респондентов не выберут Россию в качестве страны обучения, если придётся это делать снова; соответственно 25,4% вернулись бы в Россию и 34,3% выбрали бы её снова, а 14% и 2,9% затруднились ответить. Это связано, скорее всего, как с негативным социальным опытом, полученным во время учебы, так и со сложностью признания в некоторых странах российского образования и диплома.

При этом впечатления в целом о России положительные у 36,5% респондентов, отрицательные — у 30,2% респондентов, у ещё 30,2% респондентов — в равной степени как положительные, так и отрицательные.

В основном африканские студенты, как показал опрос, удовлетворены тем опытом и знаниями, которые получают в России. Это обусловлено большой эффективной работой российских вузов по подготовке иностранцев и общетеоретической направленностью данной подготовки. Около 41,3% опрошенных отметили, что полностью удовлетворены полученными в ходе обучения знаниями и самим процессом обучения, 49,2% респондентов удовлетворено не полностью, совсем не удовлетворены 2,4% респондентов и 7,1% не дали ответа на вопрос. В интервью африканцы отмечают хорошую работу иностранных отделов вузов, качество образования, мастерство и высокий профессионализм, исключительную доброжелательность преподавателей, их стремление помочь в трудных ситуациях, не считаясь со временем.

Анализ данных, полученных в ходе исследования, позволил выделить среди африканских учащихся две группы, испытывавшие социокультурный шок при адаптации в России: первую — в большей и вторую — в меньшей степени. Вторая группа

студентов была готова к преодолению различных трудностей, возникающих в процессе адаптации. Представители первой группы — испытывавшие социокультурный шок, в большинстве своем руководствовались негативными стереотипами о принимающем обществе, занимали отстраненную позицию наблюдателя, проявляли нежелание общаться на русском языке, меньшую открытость, концентрировались на собственных переживаниях, в целом были нацелены на изоляцию.

По результатам исследования можно делать вывод, что стресс гораздо чаще возникает у девушек, которым труднее найти общий язык с местным населением, в частности с мужчинами, и которые оказываются в изоляции. Также можно говорить, что чем более успешна первичная социализация иностранного студента была на родине, тем медленнее и сложнее происходит социальная адаптация в другой стране. Также выявлена связь между материальным положением учащихся на родине и уровнем адаптации: чем более состоятельна в финансовом плане семья африканца, чем она более современна и интеллектуальна, тем быстрее и проще происходит адаптация. Однако эти положения требуют дополнительной эмпирической проверки.

В процессе жизни и учёбы в России африканцы в своём большинстве продолжают соблюдать свои привычки в пище и одежде. Они приспосабливаются к культуре принимающего общества путем осуществления необходимых сознательных изменений в способах поведения в стандартных ситуациях, но при этом остаются внутренне отчужденными от данной среды, в которой они вынуждены жить и учиться на протяжении всего срока обучения.

Выводы и рекомендации. Можно говорить о достаточно высокой степени адаптации учащихся из стран Африки в России. Однако здесь следует учесть соотношение времени пребывания в стране и степени преодоления трудностей. Значительная часть тех, кто уже не испытывает трудности или практически их преодолел, — это старшекурсники.

В целом можно отметить, что адаптационный потенциал африканских студентов достаточно высок. Поэтому, не удивительно, что большинству из них удалось преодолеть трудности, которые возникали в процессе адаптации, обучения в частности, что и определило последующую эффективную профессиональную социализацию на родине.

Тем не менее в процессе социокультурной адаптации иностранные студенты сталкиваются с рядом проблем, существенно затрудняющих и, более того, делающих практически невозможным для некоторых из них достижение состояния адаптированности. К их числу можно отнести ограниченное время пребывания в стране обучения, неблагоприятное материальное положение семьи, непривычный климат, коммуникативные барьеры, недостаток опыта общения и преодоления адаптационных сложностей, негативные стереотипы, недоброжелательное отношение, языковой барьер.

Вместе с тем обучение в России позволяет многим учащимся из стран Африки приобрести новые знания, раскрыть потенциал и в некоторых случаях преодолеть барьеры в общении с людьми. Здесь они знакомятся, налаживают новые контакты с местными жителями. Давление на них традиционной семьи постепенно уменьшается, они становятся все более самостоятельными и независимыми в принятии решений, в своём поведении, что ведёт к повышению индивидуальной способности и желания адаптироваться в новой культуре.

Исследование позволило выявить основные причины, по которым иностранные учащиеся из африканских стран выбирают Россию в качестве страны обучения. Во-первых, поступление в российские вузы для некоторых абитуриентов из стран Африки происходит по направлению, т.е. по государственной программе студенческих обменов. Во-вторых, оформление документов и получение визы на обучение в Россию и ранее в СССР гораздо проще и легче, чем в других странах. В-третьих, часть российских вузов не требует от иностранных учащихся (в том числе коммерческих) предварительного документального подтверждения источников финансирования, покрывающих расходы на обучение, проживание, транспорт, полис и пр., что позволяет иностранцу не зачисляться в конкретное учебное заведение на полное время обучения, использовать учебную визу для трудовой деятельности. Также поступление в российские вузы для некоторых абитуриентов из стран Африки происходит по рекомендации родственников, обучавшихся здесь, дающих положительную оценку образованию в России. Наконец, привлекает в Россию полиэтничный состав населения и сочетание различных традиций, культурных норм и ценностей, которые африканцы рассматривают как положительный фактор их адаптации.

В заключении необходимо подчеркнуть, что социокультурная адаптация африканских учащихся, обучающихся в России, является сложным многофакторным процессом, в ходе которого они пытаются достичь социально-психологической совместимости с новой для них культурной средой. Успешная адаптация происходит благодаря ряду объективных и субъективных факторов. Объективными факторами, влияющими на процесс адаптации африканских учащихся в процессе обучения в российских вузах, являются: социальное происхождение, тип родительской семьи; наличие собственной семьи, этническая принадлежность; этническая моно/поликультурная среда первичной социализации и принимающего общества; конфессиональная принадлежность и степень религиозности; территориальный, географический и климатический факторы, место рождения и степень традиционности общества в стране выхода. Субъективные факторы, влияющие на данный процесс: личностные социально-психологические характеристики (пол, возраст, образование), стереотипы и коммуникативные установки и навыки, глубина контактов с принимающим обществом, характер этих контактов. Любой из этих факторов может благоприятно или негативно влиять на адаптацию.

С целью оптимизации и повышения эффективности социокультурной адаптации учащихся из стран Африки необходимо в рамках образовательной политики сочетать мероприятия и программы, основанные на учете и управлении как объективными, так и субъективными условиями.

По итогам исследования можно сформулировать рекомендации, которые будут способствовать облегчению адаптационного процесса иностранных учащихся из стран Африки в России. Среди них наиболее эффективными, на наш взгляд, являются: активное установление контактов с местным населением, овладение русским языком, осведомленность до приезда в Россию о традициях, обычаях поведения, стиля одежды и привычках питания, формирование установок на интеграцию в новую среду. Также к их числу можно отнести: содействие выпускникам в приобретении постоянной работы в государственных учреждениях, предоставление возможности применять полученные знания и опыт к условиям профессиональной среды.

Библиографический список

- Андреева, Г. М. (1998). *Социальная психология*. Москва: Аспект Пресс.
- Витковская, М. И., Троцук, И. В. (2004). Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН). *Вестник РУДН. Серия «Социология»*, 6–7, 267–284.
- Гусейнов, О. М. (1976). Место и роль быта в формировании нравственного сознания людей. *Вестник МГУ. Сер. «Философия»*, 1, 50–57.
- Звягольский, А. Ю. (2010). Государственное сотрудничество с зарубежными странами и совершенствование правового статуса иностранных студентов в СССР (1945–1953 гг.). *Общество и право*, 1, 13–18.
- Ивойлова, И. (2017, Ноябрь 13). Число иностранных студентов в России вырастет в три раза. *Российская газета*. Режим доступа <https://rg.ru/2017/11/13/chislo-inostrannyh-studentov-v-rossii-vyrastet-vtroe.html>
- Камара, И. (2014) Влияние социокультурных различий на процессы адаптации иностранных учащихся в СССР/РФ. *Вестник Северо-Кавказского федерального университета*, 4 (43), 275–278.
- Камара, И. (2014) *Иностранные студенты в российском вузе: социокультурные особенности адаптации и профессиональной социализации*. Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
- Красовицкая, Т. Ю. (2013). «Возвратить друзьями СССР...»: Обучение иностранцев в Советском Союзе. 1956–1965. Москва: МФД.
- Крылова, Н. Л. (2006). *Афро-россияне: брак, семья, судьба*. Москва: РОССПЭН.
- Мазитова, Л. Т. (2002). *Социальная адаптация иностранных студентов (на примере вузов Башкортостана)*. (Канд. диссертация). Уфа.
- Н-Диае, М. М., Ракачев, В. Н. (2003). «Свою старость я хотел бы встретить в России...»: результаты социологического исследования африканцев-выпускников советских вузов. Москва: ИЭА РАН.
- Петров, В. Н., Ракачев, В. Н., Ракачева, Я. В., Ващенко, А. В. (2009). Особенности адаптации иностранных студентов. *Социологические исследования*, 2, 117–121.
- Письменная, Е. Е. (2010). Актуальные вопросы адаптации иностранных студентов в России. В *Демографические перспективы России и задачи демографической политики: Материалы научно-практической конференции* (с. 124–128). Москва: Экон-Информ.
- Птицына, И. Ф. (2008). *Педагогические условия формирования межкультурной компетенции вторичной языковой личности студентов (на материале изучения японского языка и культуры)*. (Автореферат канд. диссертации). Якутск.
- Путин, В. В. (2012, Февраль 27). Россия и меняющийся мир. *Российская газета*. Режим доступа <https://rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html>
- Ромео, А. Н. (2009). Иностранные студенты в российских вузах: проблемы межэтнического взаимодействия. *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*, 8, 79–84.
- Садохин, А. П. (2007). Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1 (38), 125–139.
- Торкунов, А. В. (2012). Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России. *Вестник МГИМО-Университета*, 4, 85–93.
- Шереги, Ф. Е., Дмитриев, Н. М., Арефьев, А. Л. (2002). *Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов*. Москва: Центр социального прогнозирования.
- Bock, Ph. K. (1970). *Culture Shock: a reader in modern cultural Anthropology*. New York: Publisher Alfred A. Knopf.
- Bustos, R. & Gairin, J. (2017). Student academic adaptation of migrants in border contexts. *Calidad en la educación*, 46, 193–220. DOI: <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-45652017000100193>.
- Вурам, М. (2000). Assessing Intercultural Competence in Language Teaching. *Sprogforum*, 18 (6), 8–13.

- Carey, A. T. (1956). *Colonial Students*. London: Secker and Warburg.
- Dervin, F. (Ed.) (2015). *Chinese Educational Migration and Student-Teacher Mobilities: Experiencing Otherness*. Palgrave Macmillan UK.
- Hansen, A-S. & Thøgersen, S. (2015). The Anthropology of Chinese Transnational Educational Migration. *Journal of Current Chinese Affairs*, 44 (3), 3–14.
- Klineberg, O. (1972). *Étudiants du Tiers-monde en Europe. Problèmes d'adaptation, une étude effectuée en Autriche, en France, aux Pays-Bas et en Yougoslavie (with Jeanne Ben Brika)*. Paris: Mouton.
- Marmasse, G. (Ed.) (2010). *L'histoire*. Paris: Vrin.
- Riaño, Y., Van Mol, C. & Raghuram, P. (2018). New directions in studying policies of international student mobility and migration. *Globalisation, Societies and Education*, 16, 283–294. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14767724.2018.1478721>.
- Tajfel, H. & Dawson, J. L. (1965). *Disappointed Guests*. London: Oxford University Press.

Статья поступила в редакцию 26.06.2018

Статья принята к публикации 10.10.2018

Для цитирования: Камера И, Ракачев В.Н. Африканские студенты в России: особенности социальной адаптации и взаимоотношения с принимающим обществом. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 4. С. 164-179.

AFRICAN STUDENTS IN RUSSIA: PECULIARITIES OF SOCIAL ADAPTATION AND RELATIONSHIP WITH THE RECEIVING COMMUNITY

I. Camara, V.N. Rakachev

Ichaka Camara, University of Letters and Human Sciences of Bamako, Mali, Bamako,
PO Box: E2528.

E-mail: camarai2000@yahoo.fr. ORCID 0000-0003-4040-8775

Vadim N. Rakachev, Kuban State University, Stavropolskaya Str., 149, Krasnodar, 350040,
Russia,

E-mail: midav.sf@mail.ru. ORCID 0000-0002-6505-4208

Abstract. The paper is devoted to an important problem — the adaptation of foreign students to the new socio-cultural environment in the country of instruction. The relevance of the issue is determined by the realities of modern global society, the active development of international educational ties, and the growing number of educational migrants in the world on the whole and in Russia in particular. For countries offering training to citizens of other states, foreign students are not only a source of economic profit, but, above all, an important resource of international influence, a factor of “soft power”. The paper presents the results of the survey conducted in 2014–2015 a complex socio-psychological research aimed at identifying the features of socio-cultural adaptation and the relationships between the host society and the African students who either study or have completed their studies at universities in Russia and the USSR. The research has made it possible to identify and analyze the factors determining the degree of success in adaptation, the main barriers that hamper the inclusion of African students into the new socio-cultural space, as well as the specificity of their interaction with the host society. The socio-cultural adaptation of African students who study in Russia is a complex multifactor process during which they attempt to achieve socio-psychological compatibility with the cultural environment new to them. As a result, the analysis of the adaptation process for students from African countries has enabled the authors to single out and determine effective mechanisms that can optimize it. Apart from this, the research contains recommendations that can facilitate the process.

Keywords: foreign students, educational migration, students from African countries, Russian universities, international education, socio-cultural adaptation

DOI: 10.31429/26190567-19-4-164-179

References

- Andreeva, G. M. (1998). *Social'naya psihologiya* [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press.
- Mazitova, L. T. (2002). *Social'naya adaptaciya inostrannyh studentov (na primere vuzov Bashkortostana)* [Foreign Students' Social Adaptation (as Exemplified by Bashkortostan Higher Educational Institutions)]. (Cand. Dissertation). Ufa.
- N-Diae, M. M., Rakachev, V. N. (2003). "Svoju starost' ya hotel by vstretit' v Rossii...": rezul'taty sociologičeskogo issledovaniya afrikancev-vypusknikov sovetskih vuzov ["Wish I Could See Myself Grow Old in Russia...": Results of the Sociological Research of the African Students-Graduates from Soviet Higher Educational Institutions]. Moscow: IĖA RAN.
- Petrov, V. N., Rakahev, V. N., Rakacheva, Ya. V., Vashchenko, A. V. (2009). Osobennosti adaptacii inostrannyh studentov [Foreign Students' Characteristic Features of Adaptation]. *Sociologičeskije issledovaniya* [Sociological Studies], 2, 117–121.
- Pis'mennaya, E. E. (2010) Aktual'nye voprosy adaptacii inostrannyh studentov v Rossii [Topical Problems of Foreign Students' Adaptation in Russia]. In *Demograficheskie perspektivy Rossii i zadachi demografičeskoj politiki* [Demographic Perspectives of and Pivotal Tasks in Demographic Policy] (pp. 124–128). Moscow: Ekon-Inform.
- Ptitsyna, I. F. (2008). *Pedagogičeskije usloviya formirovaniya mezukul'turnoj kompetencii vtorichnoj yazykovej lichnosti studentov (na materiale izučeniya japonskogo jazyka i kul'tury)* [Academic Conditions of Creating Intercultural Competence of Secondary Language Personality (as exemplified in the Study of Japanese language and Culture)]. (Abstract of the Cand. Dissertation). Yakutsk.
- Putin, V. V. (2012, February 27). Rossiya i menyayushchij mir [Russia in the Changing World]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper]. Retrieved from <https://rg.ru/2012/02/27/putin-politika.html>
- Romeo, A. N. (2009). Inostrannye studenty v rossijskih vuzah: problemy mezhetničeskogo vzaimodejstviya [Foreign Students in Russian Higher Educational Institutions: Problems of Inter-Ethnic Cooperation.]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta* [News of the Volgograd State Pedagogical University], 8, 79–84.
- Sadokhin, A. P. (2007). Mezhkul'turnaya kompetentnost': ponyatie, struktura, puti formirovaniya [Inter-cultural Competence: Concept, Structure, Ways of Formation]. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 1 (38), 125–139.
- Torkunov, A. V. (2012). Obrazovanie kak instrument "myagkoj sily" vo vneshnej politike Rossii [Education as an Instrument of "Soft Power" in Russia's Foreign Policy]. *Vestnik MGIMO-Universtiteta* ["MGIMO Review of International Relations"], 4, 85–93.
- Sheregi, F. E., Dmitriev, N. M., Aref'ev, A. L. (2002). *Nauchno-pedagogičeskij potencial i eksport obrazovatel'nyh uslug rossijskih vuzov* [Scientific and Educational Potential and the Export of Educational Services at Russian Educational Institutions]. Moscow: Centr social'nogo prognozirovaniya.
- Vitkovskaya, M. I., Trocuk, I. V. (2004). Adaptaciya inostrannyh studentov k usloviyam zizni i ucheby v Rossii (na primere RUDN) [Foreign Students' Adaptation to Life and Instruction in Russia (as Exemplified by RUDN Experience)]. *Vestnik RUDN. Seriya "Sociologiya"* [RUDN Journal of Sociology], 6–7, 267–284.
- Gusejnov, O. M. (1976). Mesto i rol' byta v formirovanii nraštvennogo soznaniya ludej [The Place and the Role of the Way of Life in the formation of moral principles]. *Vestnik MGU. Ser. "Filosofiya"* [Moscow University Bulletin. Ser. Philosophy]. 1. 50–57.
- Zvyagol'skij, A. Yu. (2010). Gosudarstvennoe sotrudničestvo s zarubezhnymi stranami i soveršenstvovanie pravovogo statusa inostrannyh studentov v SSSR (1945–1953 gg.) [Cooperation with the Foreign Countries on the State Level and the Improvement of Legal Status of Foreign Students in the USSR (1945–1953)]. *Obshestvo i pravo* [Society and Law], 1, 13–18.
- Ivojlova, I. (2017, November 13). Chislo inostrannyh studentov v Rossii vyrastet v tri raza [The Triple Growth of Foreign Students in Russia]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Newspaper]. Retrieved from <https://rg.ru/2017/11/13/chislo-inostrannyh-studentov-v-rossii-vyrastet-vtroe.html>

- Kamara, I. (2014). Vliyanie sociokul'turnyh razlichij na processy adaptacii inostrannyh uchashihsya v SSSR/RF [Influence of Socio-cultural Differences upon Adaptation of Foreign Students in the USSR / Russia]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta* [Newsletter of North-Caucasus Federal University], 4 (43), 275–278.
- Kamara, I. (2014). *Inostrannye studenty v rossijskom vuze: sociokul'turnye osobennosti adaptacii i professional'noj socializacii* [Foreign Students at Russian Institutions of Higher Education: Socio-cultural Features of Adaptation and Professional Socialization]. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t.
- Krasovitskaya, T. Yu. (2013). "Vozvratit' druz'jami SSSR...": Obučenie inostrancev v Sovetskom Soyuze. 1956–1965 ["To Return Foreign Students as USSR Friends...": Educating Foreign Students in the USSR. 1956–1965]. 1956–1965. Moscow: MFD.
- Krylova, N. L. (2006). *Afro-rossiâne: brak, sem'ya, sud'ba* [The Afro-Russians: Marriage, Family, and Fate]. Moscow: ROSSPÈN.
- Bock, Ph. K. (1970). *Culture Shock: a reader in modern cultural Anthropology*. New York: Publisher Alfred A. Knopf.
- Bustos, R. & Gairin, J. (2017). Student academic adaptation of migrants in border contexts. *Calidad en la educación*, 46, 193–220. DOI: <http://dx.doi.org/10.4067/S0718-45652017000100193>.
- Byram, M. (2000). Assessing Intercultural Competence in Language Teaching. *Sprogforum*, 18 (6), 8–13.
- Carey, A. T. (1956). *Colonial Students*. London: Secker and Warburg.
- Dervin, F. (Ed.) (2015). *Chinese Educational Migration and Student-Teacher Mobilities: Experiencing Otherness*. Palgrave Macmillan UK.
- Hansen, A-S. & Thøgersen, S. (2015). The Anthropology of Chinese Transnational Educational Migration. *Journal of Current Chinese Affairs*, 44 (3), 3–14.
- Klineberg, O. (1972). *Étudiants du Tiers-monde en Europe. Problèmes d'adaptation, une étude effectuée en Autriche, en France, aux Pays-Bas et en Yougoslavie (with Jeanne Ben Brika)*. Paris: Mouton.
- Marmasse, G. (Ed.) (2010). *L'histoire*. Paris: Vrin.
- Riaño, Y., Van Mol, C. & Raghuram, P. (2018). New directions in studying policies of international student mobility and migration. *Globalisation, Societies and Education*, 16, 283–294. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/14767724.2018.1478721>.
- Tajfel, H. & Dawson, J. L. (1965). *Disappointed Guests*. London: Oxford University Press.

Received 26.06.2018

Accepted 10.10.2018

For citation: Camara I, Rakachev V.N. African Students in Russia: Peculiarities of Social Adaptation and Relationship with the Receiving Community. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 4. Pp. 164-179.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ И ИДЕНТИЧНОСТИ НА ДОНБАССЕ: ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА¹

Л. Б. Внукова

Внукова Любовь Борисовна, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр Российской академии наук, пр. Чехова, 41, Ростов-на-Дону, 344006, Россия.
Эл. почта: vnukoval@yandex.ru. ORCID 0000-0001-8994-9615

Аннотация. На основе опроса экспертов на территории Донбасса анализируются основные политические и социально-экономические вызовы в условиях непризнанности, а также актуальные тенденции в общественном сознании, влияющие на идентичность. Для понимания социально-политических процессов важно учесть превалярование региональной донбасской идентичности над национальной. На данный момент в общественных настроениях доминируют: усталость от нестабильной ситуации, разочарование вследствие расхождения реальной ситуации с идеями «Русской весны» 2014 г., апатия. В общественном сознании присутствует обида на Россию за то, что она не присоединила республики по крымскому сценарию. В условиях информационно-идеологического противостояния, по мнению экспертов, не используется позитивный потенциал русской идентичности. В обществе ощущается нехватка объединяющей идеи, что напрямую связано с непониманием политических стремлений: одновременно существуют три разнонаправленных вектора, которые дезориентируют обычных граждан: изначально это был ирредентизм — присоединение к России; на данный момент (осень 2018 г.) актуальны Минские соглашения — республики остаются в составе Украины; тем не менее де-факто построение независимой государственности. Главными вызовами являются прежде всего проблемы безопасности: сохранность населения и территории; изоляция вследствие непризнанности, в результате которой наступил экономический кризис, непрозрачные механизмы управления и распределения власти, правовой вакуум, социальная напряженность и др. По мнению экспертов, общество находится в ожидании новой политической инициативы от действующей власти, направленной на улучшение экономического благосостояния рядовых граждан и отвечающей запросу о большей социальной справедливости. Основу исследования, проведенного весной 2018 г., составили методы: опрос экспертов, анкетирование студентов и включенное наблюдение. Новизна статьи заключается в использовании информации из первоисточника — непосредственного мнения представителей непризнанного государства, ее жителей, это способствует пониманию ситуации «изнутри». В процессе исследования автор также опирался на данные центров исследования общественного мнения в Украине «Центр Разумкова», «Фабрика думки Донбас», «Київський міжнародний інститут соціології», Соціологічна група «РЕЙТИНГ» и др.

Ключевые слова: Донбасс, безопасность, региональная идентичность, общественные настроения, «Русская весна» 2014 г., экспертный опрос.

Введение

Со времени «Русской весны» на Донбассе прошло четыре беспокойных года, до предела насыщенных событиями, повлиявшими на все сферы жизни. Общество проходит путь трансформаций, конечный итог которых невозможно спрогнозировать. Анализ политических и социально-экономических вызовов направлен на понимание актуальных тенденций развития. Высокая динамика социально-поли-

¹ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 г., № госрегистрации проекта АААА-А16-116012610051-6.

тических процессов позволяет увидеть изменения в сфере идентичности в более широком контексте общественных настроений. В конце 2017 г. вышло энциклопедическое издание «Идентичность: Личность, общество, политика» под редакцией И.С. Семененко, коллектив авторов составили известные ученые: Е.В. Морозова, В.В. Лапкин, К.Г. Холодковский, Е.С. Садовая, В.А. Сауткина, О.В. Попова и др. Именно это издание повлияло на выбор темы автором настоящей статьи и сформировало совместно с другими источниками методологию исследования. Поскольку «ситуативность и изменчивость — характеристики, имманентно присущие и индивидуальной, и групповой идентичности человека XXI века» (Семененко (ред.), 2017), поэтому автор статьи рассматривает идентичность в более широком контексте общественных настроений.

Безусловно, исторические события 2013–2014 гг. оказались в эпицентре внимания как обычных граждан, так и ученых: соответствующий запрос в электронной научной библиотеке в ELIBRARY выводит десятки статей. В этом ряду и публикации ведущих аналитических центров России, например, публикация 2014 г. Института Европы РАН на основе выступлений экспертов на тему украинского кризиса. В авторах член-корреспонденты РАН В.П. Фёдоров и М.Г. Носов, научные сотрудники Института Европы: И.Н. Щербак, Л.Н. Шишелина, В.С. Циренщиков, С.М. Фёдоров, А.А. Синдеев, И.Ф. Максимычев, А.А. Красиков, М.В. Каргалова, Н.Ю. Кавешников, Д.А. Данилов, А.И. Бажан, Е.В. Ананьева, В.И. Мироненко. Общее впечатление от прочтения спустя четыре года — это превалирование эмоциональных оценок, большинство докладчиков высказывали позитивные прогнозы для РФ, которые не воплотились в действительности. Противоположный по смыслу прогноз, оказавшийся ближе к реальным событиям, предлагался В.В. Лапкиным и В.И. Пантиним в статье «Кризис украинской государственности: политико правовой, ценностный и геэкономический аспекты», написанной в июне 2014 г. «На нынешнем этапе постсоветский проект строительства украинской нации являет собою, по видимому, попытку именно через конфликт и общенациональную социальную и гуманитарную катастрофу обеспечить это чаемое “объединение различных этнических, религиозных и социальных слоев... ради достижения общих политических целей”. Однако не ложная ли цель выбрана для такого нациестроительства и не ложными ли методами оно проводится? И не придет ли Украина на этом пути к этническим чисткам, закамуфлированным псевдогражданской риторикой?» (Лапкин, Пантин, 2014). Однако только этим тезисом не ограничивается вклад авторов, которые осмысливают украинский кризис конца 2013–начала 2014 г. в широком контексте политико правовых, социокультурных и геополитических проблем.

Южный научный центр Российской академии наук исследует украинский кризис с 2014 г. в рамках гранта Российского научного фонда. Под руководством академика Г.Г. Матишова были выпущены книги: «Украина: геостратегический разворот (уроки истории — от Эльбы 1945 г. до Миус-фронта)»; «Исторические и геополитические угрозы национальной безопасности. Азово-Причерноморье и Прикаспий в XXI веке»; «Опасные тенденции и риски на южном фланге России» (Матишов, 2014, 2015, 2016). ЮНЦ РАН, находясь в Ростовской области вблизи «горячей точки», неоднократно организовывал экспедиции в приграничье для работы по этой теме. Предлагаемые в этих изданиях оценки и прогнозы ситуации на Донбассе и российско-украинских взаимоотношений, положения России в целом носят скорее пессимистический характер, что за два года (с 2016 по 2018 г.) оказалось

ближе к реальности. Как было спрогнозировано в заключении: санкции только набирают обороты, напряженность двусторонних отношений между Украиной и РФ нарастает, так же, как и острота негативной риторики отдельных государственных деятелей (Матишов, 2016). К сожалению, пока нет признаков разрешения этого противостояния.

Англоязычные публикации фокусируются в основном на теме украинского кризиса, противостоянии России и Украины, России и Запада, Донбасс скорее выступает контекстом этих тем (Shelest, 2015, Robinson, 2016, Kagarlitsky, 2016 и др.). Это ярко проявляется, например, в содержании специального выпуска журнала «International Critical Thought. Special Issue: Russia, Ukraine and Contemporary Imperialism» (2016, Vol. 6. Is. 4.). Редким исключением является статья А. Матвеевой «Не московские марионетки: поляризация идентичности и партизанские движения на Донбассе» (Matveeva, 2016), в которой анализируются причины противостояния, лежащие в основе поляризации идентичности, и утверждается, что новая идентичность, сформированная войной, понимание внутренней динамики «партизанских движений» вместе с другими компонентами выступают ключом к разрешению конфликта. Однако автор считает маловероятным подобный ход событий.

Заслуживает внимания цикл статей Ш. Вольфа и Т. Маляренко (Wolff, Malyarenko, 2015, 2018). В статье «Вашингтон Пост» в марте 2018 г. с эпатажным названием «Помните холодную войну? Путин вернул её» авторы приходят к выводу, что Россия заинтересована в нестабильной Украине, поскольку не предвидится установления дружественного режима. В другой публикации авторы обосновывают следующий тезис: ситуация в Украине «является результатом трех взаимосвязанных факторов: западной самоуверенности после окончания «холодной войны», растущей решимости России вновь заявить о себе как о глобальной сверхдержаве, а также о неспособности и нежелании таких стран, как Украина, реформировать и укрепить свои слабые институты, которые противодействовали бы внешнему вмешательству» (Wolff, Malyarenko, 2018). Что сразу «бросается в глаза» при знакомстве и сравнении российских и зарубежных статей — это то, что ученые апеллируют к различным источникам справедливости: историческим причинам, противоречивым нормам международного права (как, например, незыблемости границ после распада СССР и правом народа на самоопределение), нарушениям прав человека и т.д. — таким образом, выстраивая аргументацию в поддержку той или иной стороны.

Очевидно, что большинство научных работ использует вторичные источники информации о непризнанных республиках ввиду малочисленности и труднодоступности полевых исследований. Новизна статьи заключается в использовании информации из первоисточника — непосредственного мнения представителей Донецкой народной республики², ее жителей, это способствует пониманию ситуации «изнутри». Основу исследования, проведенного весной 2018 г., составили методы: опрос экспертов, анкетирование студентов и включенное наблюдение. В процессе исследования автор также опирался на данные центров исследования

---

² Донецкая Народная Республика (ДНР) и Луганская Народная Республика (ЛНР) – самопровозглашенные государства в международно признанных границах Украины. Донецкая Народная Республика провозгласила себя суверенным государством 12 мая 2014 г. по итогам референдума о статусе региона и обратилась к России с вопросом о вхождении в состав Российской Федерации. На момент публикации статьи (осень 2018 г.) мировое сообщество не признало независимость ДНР и ЛНР.

общественного мнения в Украине «Центр Разумкова», «Фабрика думки Донбас», Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва», «Київський міжнародний інститут соціології», Соціологічна група «РЕЙТИНГ» и др.

Роль идентичности в социально-политических процессах

В марте — мае 2018 г. были взяты интервью у представителей политической элиты Донецкой Народной Республики (ДНР). Экспертами выступили депутаты Народного Совета ДНР, преподаватели высших учебных заведений, госслужащие и лидеры общественных движений. Были опрошены девять информантов по форме полуструктурированного интервью. Анкета содержала десять вопросов о политическом векторе развития ДНР, актуальном социально-политическом дискурсе и общественных настроениях, отношении к России и также связанных с этим особенностями региональной идентичности. Изначально тема задумывалась как исследование идентичности на Юго-Востоке Украины, но в процессе интервьюирования стало очевидно, что в общественном сознании более актуальны вопросы отношения к России, Украине и ДНР и происходящим событиям и именно они в данных условиях влияют на самоопределение человека. В этом свете более информативными получились вопросы экспертного опроса, относящиеся к оценке положения дел в республике и роли России в этих процессах.

В зависимости от идейных и ценностных ориентаций формируется занимаемая позиция, которая подстраивает идентичность в соответствии с картиной мира. Об этом свидетельствуют и социологические опросы: до 2014 г. доминировала тенденция увеличения процента людей с украинской самоидентификацией, а после тенденция сменилась на противоположную. Наряду с этим явно выраженным поворотом к русской самоидентификации фиксируется и двойная идентичность: «и русский, и украинец», но, главное, после революционных событий ярко проявил себя феномен региональной идентичности: «По итогам опроса жителей двух республик в мае 2016 года (по 1000 респондентов, доверительный интервал не превышает $\pm 3\%$) по 63% жителей как наиболее важную для себя назвали региональную идентичность («Кем Вы считаете себя в первую очередь?» — жителем Донбасса, ДНР/ЛНР, Луганщины). Прежде всего себя считают представителями своей национальности соответственно 4% и 2% опрошенных» (Черкашин, 2017). По данным опроса 2016 г. украинской НКО «Фабрика думки Донбас», 60–61% жителей Донецкой области разделяют территориальную идентичность (Аналітичний звіт за результатами соціологічного дослідження, 2018). Этот феномен можно объяснить реализацией советской национальной политики в бурно развивавшемся индустриальном регионе. По словам эксперта А.Е. Пургина: «Формат заселения — американский, с 49 по 54 год (XX в. — прим. авт.) заехали две трети жителей, из разных областей, разного говора. Это породило сильную региональную идентичность «я — житель Донбасса» и региональный патриотизм» (Интервью № 5).

Параллельно с интервьюированием экспертов был проведен опрос студентов вузов: Донецкого национального университета, Донецкой академии внутренних дел МВД ДНР, Донбасской юридической академии. Анкета для студентов содержала семантический дифференциал, две методики: опросник по измерению этнонациональных установок и опросник для измерения аттитудов к войне (Гулевич, 2017) и четыре уточняющих вопроса. Всего было заполнено 42 анкеты, поэтому

Самоидентификация студентов
Students' self-identification

Украинец	7	+	При условии того, что требовалось указать только один вариант, трое респондентов выбрали два пункта. Один человек — украинец и житель Донбасса, двое — русский и житель Донбасса
Русский	13		
Представитель другой национальности	2		
Житель Донбасса	10		
И украинец, и русский	6		
Другое	1		

полученные данные могут рассматриваться только как результаты пилотного исследования и должны дополняться и сопоставляться с другими исследованиями.

Результаты самоидентификации студентов, представленные в таблице, свидетельствуют о наличии двойной (возможно, и тройной) идентичности у студентов, а также о широком распространении территориальной идентичности, что согласуется с данными социологических опросов и мнениями экспертов, о которых говорилось ранее.

Вопросы анкеты были направлены на оценку степени эмоциональной близости и значимости национальной принадлежности. Подавляющее большинство — почти три четверти опрошенных в той или иной степени чувствуют эмоциональную связь с людьми своей национальности — десять выбрали ответ «действительно так», а 21 — «скорее да, чем нет».

Методика измерения этнонациональных установок включает четыре шкалы:

- неприязненное отношение к представителям иных национальностей (этнических групп); националистические установки (2,36);
- ощущение гордости за свою национальную принадлежность и ощущение связи с людьми своей национальности (патриотические установки) (3,56);
- нейтральное, индифферентное отношение к своей национальной принадлежности (нейтральные этнонациональные установки) (3,89);
- отрицательное отношение к феномену национальности и национальной принадлежности; установка на непринятие и непризнание феномена «национального», негативная оценка его роли в развитии современного общества (негативистские этнонациональные установки) (3,3).

Показатель каждой шкалы рассчитан на основе среднего значения в диапазоне от 1 до 5, где 1 — полностью не согласен, 5 — полностью согласен. Как видно, около трети респондентов в той или иной форме разделяют националистические установки, что согласуется с данными исследования праворадикальных настроений, проведенного на сопредельной территории Ростовской области в 2015 г. (Поцелуев, Константинов, Лукичев, Внукова и др., 2016). Трое из четырех (т.е. примерно 75%) имеют нейтральные установки по отношению к своей национальной принадлежности. Возможно, именно это и обуславливает зафиксированную тенденцию изменения украинской самоидентификации на русскую.

Ощущение гордости за свою национальную принадлежность, позитивная оценка собственной национальной идентичности у более 60% респондентов коррелирует с результатами упоминавшегося социологического опроса (Поцелуев, Константинов, Лукичев, Внукова и др., 2016), причем этот феномен существует одновремен-

но в сознании молодых людей вместе с негативистскими этнонациональными установками, т.е. отрицательным отношением к феномену национального. Эта же тенденция была отражена в результатах исследования, проведенного на Донбассе в 2017 г.: «Студенты не понимают значения категории “национализм” и подразумевают под ним исключительно его негативные проявления: ксенофобию, шовинизм, сегрегацию и расизм» (Онопко, 2017).

Феномен позитивного отношения к собственной национальной идентичности, существующий одновременно с негативистскими этнонациональными установками, ярко проявляется и в результате анализа средних значений по отдельным утверждениям методики измерения этнонациональных установок. «Когда я думаю о своей национальности, я испытываю чувства гордости и любви» имеет одно из наибольших средних значений 3,54; «Я ощущаю родство с людьми своей национальности» 3,5; «Люди моей национальности воспринимаются как «родственные души» 3,4 и «Это не очень правильно разделять людей по национальной принадлежности» также имеет наибольшее среднее значение 3,54. То есть более половины из опрошенных выбирали для этих утверждений ответы «скорее согласен» и «полностью согласен».

Таким образом, большинство студентов фиксирует собственную национальную идентичность, испытывает чувство национальной гордости и близость к людям своей национальности. Одновременно с этим не распространено негативное отношение к другим национальностям, а сам феномен национального разделения оценивается отрицательно. Тем не менее и позитивные, и негативные аспекты проявлений национальной идентичности не играют важную роль в повседневной жизни подавляющего большинства молодых людей.

Следует отметить, что многочисленные социологические исследования разных некоммерческих организаций еще до 2014 г. фиксировали поляризацию страны по нескольким основаниям: языку, идентичности, «за» присоединение к Таможенному союзу или к ЕС и т.д. Например: «идею отделения юго-восточных областей и их присоединения к России поддерживают 9,5% населения Юга, 11% населения Востока и 27% населения Донбасса» (Чи властиві українцям настрої сепаратизму..., 2013). Из этого же исследования: «В то же время значительная часть населения (32%) считает, что между западными и восточными регионами Украины существуют глубокие политические противоречия, языковые и культурные различия, экономические диспропорции, что в перспективе они могут разъединиться, или создать свои государства, или войти в состав разных других государств. Больше всего так считают в Донбассе (58%) и на Юге (48%), меньше всего такое мнение свойственно Центру (20%) и Западу (20%). Причем на Донбассе эта мысль о существенных противоречиях между регионами особенно распространена среди людей старшего возраста — так думают 66% людей старше 55 лет, и 49% — в возрасте до 30 лет» (Чи властиві українцям настрої сепаратизму..., 2013). После прочтения этой цитаты события «Русской весны» не могли быть внезапными для власти в Киеве, и вполне объяснимы объективными тенденциями в сочетании с политической волей революционных групп.

Опрос 2017 г. «Фабрики думки Донбас» выявил, что ощущения жителей Донецкой области имеют значимые отличия по обе стороны от линии разграничения. Жители ДНР чувствуют разочарование более чем в два раза реже (16%) по сравнению с жителями другой части Донецкой области. Также ниже уровень усталости, тревоги, безысходности и обиды. Почти в три раза реже они испытывают злость

и гнев, а более половины чувствуют надежду, и это самое распространенное чувство. Сравнивая результаты опроса 2017 и 2016 гг., следует отметить рост уровня надежды (с 37% в 2016 г. до 51% в 2017 г.) и заметное уменьшение негативных эмоций: усталости (с 35% в 2016 г. до 17% в 2017 г.) и тревоги (37% в 2016 г. до 31% в 2017 г.). «Красной карточкой» для руководства ДНР должно послужить то, что по сравнению с 2016 г. почти в два раза снизился уровень сплоченности с 31 до 16%. Тем не менее этот показатель в два раза выше, чем на территории Донецкой области, подконтрольной Украине (Аналітичний звіт за результатами соціологічного дослідження, 2018).

Эхо «Русской весны»

Революция 2014 г. — это социально-политическое потрясение для общества. Незнакомые республики все это время находятся на передовой информационного противостояния, поэтому в идеологической сфере наблюдаются активные процессы и изменения. В стабильном состоянии общества ценности и идеологические предпочтения довольно ригидны, а народное определение «Русская весна» уже в своем названии свидетельствует о яркой идейной составляющей. Эксперты отмечали динамические подвижки в сфере идентичности в контексте распространенных настроений в обществе. И даже один из них отметил у себя смену приоритета внутренней идентификации с «украинца» на «жителя Донбасса, потом русского». Двое других говорили о том, что с исторической точки зрения следует использовать термин малороссийской идентичности, а не украинской.

С этими тезисами логически согласуется то, что эксперты выразили практически полное единодушие в отношении главенствующей роли культурно-исторической общности применительно к событиям, произошедшим в Донецкой и Луганской областях: «В критические моменты это куда важнее, чем то, какой у тебя паспорт» (Интервью № 6). Хотя и язык, и государственность могут играть значимую роль в других обстоятельствах, однако «в Киеве тоже по-русски говорили, но...» и «Если бы государственность российская стала, она бы сыграла заметную роль» (Интервью № 9). В других исследованиях на примере многолетних исследований этнокультурной идентичности молодежи также обосновывается ключевое влияние культурных кодов на формирование ценностно-смысловых структур личности (Аполлонов, Берберян, 2018).

Эксперты были также едины в определении внешнего врага: «Украина и украинство как идеология» (Интервью № 6); «украинский национализм, а также все международные силы, его поддерживающие» (Интервью № 4) и др. А.Е. Пургин идеологически полностью противопоставляет: «Украина — антирусский проект, зеркальный проект. Или победа этого проекта, или русского» (Интервью № 5).

В 2014 г. главная идея, которая объединила и мобилизовала людей, — это присоединение к России по примеру Крыма, две другие: социальная справедливость и народовластие. Тысячи людей на митингах «Русской весны» скандировали: «Россия!». Образ России состоит из нескольких привлекательных слагаемых. Это прежде всего выбор в пользу русской (советской) культуры против навязывания украинского национализма. Как это выразил один из экспертов, «оборонительный патриотизм» и «цивилизационный выбор». Кроме того, Россия видится процветающей страной, в которой платят высокие пенсии и обычные люди более состоятельны. Кроме того, у России адекватный государственный лидер.

Произошедшие события выносят на поверхность идеологические вопросы «русскости», которые в самой России не ставятся. Очевиден разрыв между политическими дискурсами в непризнанных республиках и в самой России. Как правило, национализм рассматривается в связке с экстремизмом (например, Влияние украинского кризиса на экстремистские движения в России, 2015). В 2014–2015 гг. обычные люди, сочувствующие страданиям жителей Донбасса, по собственной инициативе собирали гуманитарную помощь и вступали в ополчение. Существует очень тонкая грань между «хорошим» и «плохим», национальным и националистическим дискурсом, и это не тема настоящей статьи. Как обозначил один из экспертов: «В 2014 году главная идея — “Нет фашизму, да русским!” (Интервью № 3). Роль русской идеи в происходящем на Донбассе недооценена, дискуссии по этому вопросу в научном поле носят, скорее, маргинальный характер, принимая форму идеологического противостояния (например, Дугин, 2014). В информационном пространстве первая часть «Нет фашизму» поддерживается на правительственном уровне, а вот вторая часть — «русская», замалчивается, уходит в «спираль молчания» и получается идейный вакуум, который очень сильно ощущается обычными людьми. «Кроме русских и русскокультурных, никто не основывал ДНР, по всем международным стандартам это мононациональные республики».

Идеи «Русской весны» 2014 г. о социальной справедливости и народовластии мало соответствуют объективному положению дел. Война, информационное противостояние (которое всегда апеллирует к ценностям), молодая государственность, формирующаяся из революционного хаоса, требуют иной повестки дня. На данный момент виден пробел, о котором сказал каждый из экспертов — это отсутствие консолидирующей идеи: «Для чего мы существуем? Какова цель развития ДНР?» (Интервью № 2). «В итоге непонятно, с кем мы воюем, против чего и что хотим построить. Простые граждане находятся в неведении, непонимании. Ощущается нехватка цели, идеи республики, в этом есть пробел, а мы находимся на передовой Русского мира. И информационно мы проигрываем, с той стороны ведут грамотную работу: “Вас сольют!» «Вас сливают!» (Интервью № 9). Любая власть обязана предлагать идеи, образы, способные консолидировать общество, либо со временем эта власть перестанет существовать.

Два исследовательских проекта под руководством Е. Б. Шестопаля (2011–2015 гг.), посвященных образу власти, ценностям и представлениям россиян, а также изучению социально-психологических особенностей российской элиты, показывают сходные результаты: «Сформировался серьезный запрос на морально-политические ценности, в частности, на идеи социальной справедливости. Традиционно они входили в повестку левых партий; сегодня этот запрос разделяют сторонники всех идеологических ориентаций, и негативная оценка власти дается именно с позиций таких категорий, как справедливость, честность, порядочность» (Шестопаля, 2016).

Политические и социально-экономические вызовы для ДНР

Главные вызовы для ДНР были освещены с разных точек зрения, исходя из профессиональной осведомленности о положении дел в той или иной сфере, однако существуют ключевые вызовы, которые назывались всеми экспертами безотносительно задаваемых вопросов. Во-первых, это физическая безопасность населения и территории, отсутствие военной угрозы и боевых действий. Во-вторых, экспертам непонятна цель существования ДНР и поэтому неясен декларируемый

вектор политических стремлений. Изначально это был ирредентизм — присоединение к России, на данный момент очевидно противоречие между построением независимого государства и минскими соглашениями, которые предполагают, что непризнанные республики остаются в составе Украины. Глава ДНР А. Захарченко постоянно в публичных выступлениях говорил о стремлении к России (Захарченко, 2017), однако реальных движений даже к объединению с ЛНР пока не наблюдается. Вот как об этом говорили эксперты: «Главный вызов для ДНР ввиду неопределенности будущего найти ресурсы и путь развития. Создать привлекательный образ будущего для ДНР — это главный вызов на данный момент. Цель поставить для ДНР. Для чего мы существуем? Быть буфером не интересно. Это позиция реактивная, мы идем за караваном событий, либо мы сами что-то определяем» (Интервью № 2). «Вопрос: куда мы идем? В 2014 г. Это Россия. Из-за примера Крыма люди считали, что пойдём по этому сценарию» (Интервью № 4). «Касательно международных отношений, Россия должна показать (или сама для себя понять), что она хочет от ДЛНР? Четче обозначить позицию: какова миссия ДНР в российской внешней политике? Если это типа Приднестровье, Абхазия и прочее — это одно, если хочет видеть рычаг влияния на Украину — другое. Если речь идет о присоединении (о чем сейчас не идет речь), то третье. Пока что видится второе» (Интервью № 7).

Значимым вызовом является состоятельность ДНР как административно-политического образования. Во-первых, непризнанность и «серая зона», проблемы в функционировании правовой сферы. Отсутствие официального международного статуса делает практически невозможным ведение бизнеса, что уже нанесло непоправимый урон экспортоориентированной экономике Донбасса. Для обычных граждан это означает проблемы с официальными документами, прежде всего паспортами, загранпаспортами и выездом за территорию непризнанных республик. Во-вторых, непрофессионализм в административном управлении, низкий уровень квалификации чиновников, кадровый голод — все это является следствием того, что госаппарат выехал вместе с украинской системой, а «на революционной волне поднялись не самые лучшие». «У нас административный коллапс, решения не принимаются, на должности не избираются, произвол на местах. Система разрушена, а кто-то получает выгоду, что в ручном режиме правит» (Интервью № 1). «Необходим кадровый ресурс — если мы возьмем чиновников, депутатов, то мы увидим, что уровень квалификации очень низкий, надо их обучать» (Интервью № 2).

Непреодолимым вызовом для ДНР в сложившихся обстоятельствах, на наш взгляд, является коллапс экспортоориентированной экономики региона из-за невозможности сбывать продукцию за рубеж: обрезаны основные каналы связи всего промышленного комплекса Юго-Востока Украины и РФ, произошла остановка предприятий либо они функционируют не на полную мощность. Подробный анализ состояния экономики представлен в докладе 2018 г. Института экономических исследований (Экономика Донецкой Народной Республики, 2018). Доступ к российскому рынку затруднен из-за таможенных барьеров, с другой стороны, Республику блокирует Украина. До 2014 г. существовала производственная цепочка: уголь — кокс — металл — электричество, которая наполняла бюджет и обеспечивала социальное обслуживание. А сейчас, по словам эксперта, нужно везти в порт Новороссийск, который неохотно сотрудничает из-за санкций. Предприятия ДНР не могут сбывать продукцию на внутреннем рынке, а в России они составят конкуренцию. Поэтому «в экономической сфере ДНР нужно признание и свободный

доступ к российскому рынку, включая кредиты, сбыт и государственные тендеры» (Интервью № 6). Поскольку Донбасс — экспортоориентированный регион, а внешние рынки закрыты, то с экономической точки зрения необходимо было бы добиваться международного признания.

Как следствие предыдущих вызовов — отсутствие «нормальной» жизни и ухудшение благосостояния большинства людей, социальная незащищенность. Болезненный момент в сознании простых граждан старшего возраста — пенсия. Поскольку не создан привлекательный образ будущего ДНР, молодежь и активная часть населения нацелены на отъезд. В итоге в общественных настроениях доминируют усталость, апатия, разочарование — идеи «Русской весны» 2014 г. не совпадают с реальностью: «Огромная обида на Россию: почему не признала?! Вот Крым! Мы столько прождали, не понимаем, что с нами будет. Ненависти нет, но обида, боль. Они шли изначально быть частью России» (Интервью № 8). «Начинают терять обычные люди веру в Россию» (Интервью № 4). «Мы же были за народную республику, а сейчас видим ту же Украину, что и была в 2013 году», «Я поднял флаг за Донецкую народную республику! а сейчас я думаю: правильно ли я это сделал?» (Интервью № 8). Как метко отметил один из экспертов: «На данный момент много риторики — это режет глаз. Невозможно жить в этой ситуации, наступает апатия и развивается негативное отношение к России. Ситуация нестабильна и активно развивается по своим законам, на этом играют оппозиционеры» (Интервью № 4).

Гражданское общество *de facto* запрещено, поэтому происходит перекося любых мероприятий на государственном уровне в сторону официоза. В информационном поле появился мем «Нарядная республика» из-за огромного количества праздничных мероприятий на фоне постоянных обстрелов в 2014–2015 гг. Кроме того, очевидно противоречие между ущемлением сферы гражданского общества из-за войны и отсутствием активных наступательных кампаний с целью защитить население и территорию из-за перемирия. Эксперты подняли проблему работы с ополченцами по возвращению их к мирной жизни. Внутренняя угроза — появление обиженных на власть людей, которым все равно с кем воевать. И у таких людей есть негативный личный опыт столкновения с несправедливостью, с непрофессионализмом внутри лагеря союзников.

Вызовом для непризнанных республик является образ государства на международной арене, берущий начало во внутренней политике. Поэтому нельзя не согласиться с мнением политолога из ДНР: «Явным преимуществом “мягкой силы” по сравнению с силой “жесткой” является её доступность всем странам мира, способным продуцировать сколь-либо привлекательные для других политические ценности и смыслы, культуру, а также вести политику, вызывающую позитивные оценки у партнеров» (Онопко, 2018). И здесь следует отметить, что положительное влияние в этом регионе — «мягкая сила», безусловно, способствовало бы росту авторитета России на международной арене.

Если обобщить все рекомендации, то для улучшения положения необходимо было бы принять систему мер в экономической сфере, благоприятствующую развитию бизнеса: снизить налоги, сделать доступными кредиты и открыть свободный доступ к российскому рынку: «Если Донбасс убыточный, лучше здесь максимально отпустить, либерализовать систему, создать благоприятные условия для мелкого бизнеса. Бизнес из России с небольшим капиталом может заходить. Например, компании, занимающиеся программированием: научная база и кадры

есть, площади для аренды дешевые. Нужно понимать, что в развитие нужно проинвестировать» (Интервью № 2). Из практической системы мер были предложены шаги по де-факто признанию — убрать требование трехмесячного пребывания на территории России, и более радикальные — массовая выдача российских паспортов (как в Приднестровье). По мнению экспертов, действия власти, руководствующиеся идеями социальной справедливости и законности, а также реализация масштабных экономических проектов способствовали бы консолидации общества.

Россия и Донбасс: мнение экспертов

Поскольку опрошенные представители политической элиты и вузов разделяют идеи «Русской весны», то все эксперты на вопрос «Какое будущее вы бы желали для Донбасса?» предсказуемо выразили желание видеть Донбасс частью России. «Восстановление большого русского государства было бы правильным» (Интервью № 2); «В конце концов, исторической ошибке — проекту большевиков “Украина” — должен наступить конец» (Интервью № 1). Несколько раз экспертами прямо назывался югославский сценарий либо разделение Украины: «образование, которое включит близкие по менталитету восточные регионы в один, например, аналог Беларуси» (Интервью № 4). Эксперты сошлись во мнении, что наиболее реалистичный сценарий в краткосрочной перспективе — дальнейшее построение государственности в формате непризнанной республики. Потенциальная реинтеграция воспринимается населением негативно, так как люди обвиняют Украину в причинении страданий и многочисленных смертях мирных граждан. Кроме того, Минские соглашения не работают, что показывают встречи нормандской четверки. Чтобы выйти из замкнутого круга, главные игроки должны значимо изменить свои позиции, что пока не происходит.

Большая часть экспертов ответила отрицательно на провокационный вопрос об асимметричном отношении со стороны России к ДНР в сравнении с другими непризнанными территориями (такими, как Абхазия или Приднестровье). Однако все аргументировано обосновали, как России следует скорректировать стратегию по отношению к ДНР. «Что именно могло бы способствовать улучшению ситуации? Например, в экономической сфере, что улучшило бы социальное самочувствие населения? Какие ресурсы необходимы для этого?». Эти вопросы переключаются по смыслу с вызовами, стоящими на данный момент перед республикой. Было высказано пожелание о том, чтобы Россия больше внимания уделяла проблемам непризнанных республик: «Более серьезно относилась к ДНР — это форпост противостояния Украине, которая направлена против России» (Интервью № 1), и принимала бы большее участие в процессах управления и интеграции республик в интересах простых людей. «Чтобы развиваться, на первом месте должны быть не клановые интересы, а государственные» (Интервью № 4). «Поменять и поставить патриотов, которые будут принимать решения во имя общих интересов. Не во имя бизнес-интересов, а для развития общества» (Интервью № 1). «У нас мощный сдерживающий фактор — забюрократизированность, заадминистрированность всего, всей жизни. Нужны механизмы для борьбы со злоупотреблениями: прозрачные правила игры, профессионализм. Тут патернализм полный. Произвол уходит корнями на самый верх» (Интервью № 2). Коррупционность приводит к тому, что выгоду получают отдельные лица, а население беднеет и отношение к самой России ухудшается, потому что ответственность за происходящее в массовом сознании перекладывается на Россию.

Заключение

Донбасс как промышленный регион сформировался в советское время и общие культурные коды и ценности вместе с исторической памятью формируют региональную донбасскую идентичность, которая сыграла важную роль в активном противостоянии идеологическому навязыванию из Киева. На Донбассе именно идеологические моменты определяют то, считает себя человек русским или украинцем, поэтому следует реабилитировать и инициировать в научном поле дискуссии о влиянии национальных идей на идентичность, о месте и роле их в формировании гражданской позиции. На данный момент эти вопросы составляют часть гибридной войны и несут во многом популистский характер с обеих сторон (Горбулина, 2017). По мнению экспертов, на государственном уровне не используется потенциал позитивной русской национальной идентификации, а политика замалчивания порождает идейный вакуум и дезориентирует простых людей в информационном противостоянии. Болезненной проблемой в общественном сознании является непонимание политического вектора ДНР: независимость, присоединение или реинтеграция.

К главным вызовам относятся прежде всего безопасность населения и территории, непризнанность, разрушение производственных связей с Украиной, остановка промышленных предприятий, тяжелое социально-экономическое положение населения и социальная напряженность, непрозрачные механизмы управления и распределения власти, правовой вакуум и др. Идеи народной революции 2014 г. не подкрепляются реальными событиями и позитивными изменениями, наступает разочарование и апатия и, как следствие, часть людей начинает испытывать негативные эмоции по отношению к России. Все эксперты говорят о том, что в обществе сформирован огромный запрос на новый курс, который подкрепился бы видимым улучшением жизни простых людей, что способствовало бы социальной консолидации для достижения целей этого политического курса. Если этого не произойдет, то процесс будет развиваться по пути народного недовольства.

Библиографический список

- Аполлонов, И. А., Берберян, А. С. (2018). Проблема субъектности человека в пространстве социокультурных детерминант. *Южно-российский журнал социальных наук*, 19 (2), 142–147.
- Берберян, А. С., Найденов, В. Г. (2016). Исследование взаимосвязи этнической идентичности и толерантности студентов. *Человек. Сообщество. Управление*, 17 (3), 25–34.
- Бышок, С. О., Кочетков, А. В. (2014). *Евромайдан имени Степана Бандеры. От демократии к диктатуре*. Москва: Книжный мир, ФРИГО Народная дипломатия.
- Влияние украинского кризиса на экстремистские движения в России*. (2015). Экспертный доклад. Выпуск II. Москва: ФРИГО «Народная дипломатия».
- Гулевич, О. А. (2017). *Психология межгрупповых отношений*. Москва: Юрайт.
- Дугин, А. Г. (2014). *Евразийский реванш России*. Москва: Алгоритм.
- Захарченко, А. (2017). «Мы заслужили право быть признанным государством». Официальный сайт Главы ДНР. Режим доступа <http://av-zakharchenko.su/inner-article/Zayavleniya/Aleksandr-Zaharchenko-Mu-zasluzhili-pravo-byt-priznannym2/>
- Конституция Донецкой Народной Республики*. Режим доступа <https://dnrsoviet.su/konstitutsiya/>
- Лапкин, В. В., Пантин, В. И. (2014). Кризис украинской государственности: политико правовой, ценностный и геоэкономический аспекты. *Полис. Политические исследования*, 5, 68–89.

- Матишов, Г. Г. (2014). *Украина: геостратегический разворот (уроки истории — от Эльбы 1945 г. до Миус-фронта 2014 г.)*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.
- Матишов, Г. Г. (2015). *Исторические и геополитические угрозы национальной безопасности. Азово-Причерноморье и Прикаспий в XXI веке*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.
- Матишов, Г. Г. (2016). *Опасные тенденции и риски на южном фланге России*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.
- Матишов, Г. Г. (ред.) (2017). *Украина в истории России: союзник или геополитический сателлит? В Материалы Расширенного заседания Президиума ЮНЦ РАН*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.
- Онопко, О. В. (2017). Представления об экстремизме, терроризме и национальной лояльности в политическом сознании студентов-юристов и медиков ДНР. Режим доступа <http://goo.gl/W5meSM>
- Онопко, О. В. (2018). Внешняя политика Донецкой народной республики: интересы и идеология. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология*, 45 (2), 360–368.
- Половян, А. В., Лепа, Р. Н. (ред.) (2018). *Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения: научный доклад. Ч. I*. Донецк: ГУ «Институт экономических исследований».
- Поцелуев, С. П., Константинов, М. С., Лукичев, П. Н., Внукова, Л. Б. и др. (2016). *Игры на идеологической периферии. Праворадикальные установки студенческой молодежи Ростовской области*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН.
- Семененко, И. С. (ред.) (2017). *Идентичность: Личность, общество, политика*. Энциклопедическое издание. Москва: Весь мир.
- Тучина, О. Р. (2017). Национальная идентичность и исторический опыт личности: психологический аспект (на материале исследования русской молодежи Кубани). *Человек. Сообщество. Управление*, 18 (1), 30–44.
- Черкашин, К. (2017). Жители Донецка всё чаще самоопределяются как русские. Динамика этнической самоидентификации жителей Донбасса (2014–2016). Режим доступа <https://regnum.ru/news/2240754.html>
- Шестопал, Е. Б. (2016). Элиты и общество как политические акторы в постсоветской России. *Социологические исследования*, 5, 35–43.
- Щербак, И. Н., Шишелина, Л. Н., Циренщиков, В. С., Фёдоров, С. М., Синдеев, А. А., Максимычев, И. Ф., Красиков, А. А., Каргалова, М. В., Кавешников, Н. Ю., Данилов, Д. А., Бажан, А. И., Ананьева, Е. В., Мироненко, В. И., Носов, М. Г., Фёдоров, В. П. (2014). Украинский кризис: экспертная оценка. *Современная Европа*, 3 (59), 10–34.
- Аналітичний звіт за результатами соціологічного дослідження: «Особливості свідомості і ідентичності жителів підконтрольної та окупованих територій Донецької області». (2018) Режим доступа http://www.ifak.com.ua/upload/imageОсобенности%20сознания%20и%20идентичности%20подконтрольных%20и%20неподконтрольных%20Украине%20территорий%20Донецкой%20области%20_2018.compressed.pdf.
- Аналітичний звіт по результатах дослідження «Регіональна толерантність, ксенфобія та права людини в Україні у 2012 році». (17 січня 2013). Інститут прав людини і запобігання екстремізму та ксенофобії. Режим доступа http://www.ihrpex.org/uk/article/4769/analitichnyj_zvit_po_rezulttah_doslidzhenja_regionalna_tolerantnist_ksenfobija_ta_prava_ljudyny_v_ukrajini_u_2012_rotsii
- Горбуліна, В. П. (ред.) (2017). *Світова гібридна війна: український фронт*. Київ: НІСД.
- Динаміка патріотичних настроїв українців. (Серпень 2018). Соціологічна група рейтинг. Режим доступа http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/rg_patriotyzm_082018.pdf
- Соціально-політична ситуація в Україні. Презентація даних. (Вересень 2018). Режим доступа <http://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=news&id=784>

- Чи властиві українцям настрої сепаратизму — загальнонаціональне опитування. (11 квітня 2013). Фонд «Демократичні ініціативи імені Ілька Кучеріва». Режим доступу <https://dif.org.ua/article/chi-vlastivi-ukrainsyam-nastroi-separatizmu-zagalnonatsionalne-opituvannya>
- Kagarlitsky, B. (2016). Ukraine and Russia: Two States, One Crisis. *International Critical Thought*, 6 (4), 513–533. DOI: 10.1080/21598282.2016.1242087
- Loshkariov, I. A., Sushentsov, A. A. (2016). Radicalization of Russians in Ukraine: from ‘accidental’ diaspora to rebel movement. *Southeast European and Black Sea Studies*, 16 (1), 71–90. DOI: 10.1080/14683857.2016.1149349
- Matveeva, A. (2016). No Moscow stooges: identity polarization and guerrilla movements in Donbass. *Southeast European and Black Sea Studies*, 16 (1), 25–50. DOI: 10.1080/14683857.2016.1148415
- Robinson, P. (2016). Russia’s role in the war in Donbass, and the threat to European security. *European Politics and Society*, 17 (4), 506–521. DOI: 10.1080/23745118.2016.1154229
- Shelest, H. (2015). After the Ukrainian crisis: Is there a place for Russia? *Southeast European and Black Sea Studies*, 15 (2), 191–201. DOI: 10.1080/14683857.2015.1060019
- Wilson, A. (2014). *Ukraine crisis: What it means for the west*. New Heaven, CT: Yale University Press.
- Wolff, S., Malyarenko, T. Remember the Cold War? Putin has brought it back. Режим доступу <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/03/19/remember-the-cold-war-putin-has-brought-it-back/>
- Wolff, S., Malyarenko, T. (2015, July 2). The dangerous gamble that could spark full-scale conflict in Ukraine. *The Conversation*. Режим доступу <https://theconversation.com/the-dangerous-gamble-that-could-spark-full-scale-conflict-in-ukraine-44115>
- Wolff, S., Malyarenko, T. (2018, February 20). Ukraine is still on the edge, despite all efforts to stabilize it. *The Conversation*. Режим доступу <https://theconversation.com/ukraine-is-still-on-the-edge-despite-all-efforts-to-stabilise-it-92004>

Статья поступила в редакцию 20.09.2018

Статья принята к публикации 26.11.2018

Для цитування: Внукова Л.В. Политические и социально-экономические вызовы в контексте общественных настроений и идентичности на Донбассе: по материалам экспертного опроса. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 4. С. 180–196.

POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC CHALLENGES IN THE CONTEXT OF PUBLIC MOOD AND IDENTITY IN THE DONBASS REGION: BASED ON EXPERT SURVEY DATA

L. B. Vnukova

Lyubov B. Vnukova, Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, 41, Chekhov avenue, Rostov-on-Don, 344006, Russia.
E-mail: vnukoval@yandex.ru. ORCID 0000-0001-8994-9615

Abstract. The main political and socio-economic challenges against the background of non-recognition are analyzed on the basis of the survey made by experts from the Donetsk People’s Republic. The topical trends in public awareness that affect identity have been analyzed as well. To better understand socio-political processes, it is important to take into account the fact that the regional Donbass identity prevails over the national one. The public feeling is currently dominated by the fatigue from the situation of instability, the disillusionment resulting from the discrepancy between the ideas of the so-called “Russian Spring 2014” and present-day reality, and by social apathy. Besides, resentment against Russia is traced in public feeling for not having been incorporated into Russia’s territory, as was the case with the Crimea. The experts believe that under current ideological and informational confrontation the positive potential of Russian identity is not used to the full, if at all. There is no unifying idea in the society; it is directly connected with the incomprehension of what exactly the political aspirations of

the authorities are. Simultaneously, there exist three divergent vectors which disorient the people. Initially, it was 'irredentism' (restoration to Russia as a territory formerly belonging to it). Nowadays (autumn 2018), the prevailing vector is 'Minsk Agreements' in accordance with which the non-recognized republics remain part of the Ukraine; de facto — independent statehood. The major challenges are, above all, security problems (i.e. inviolability of borders and population safety); next come isolation due to non-recognition and the resulting economic crisis; non-transparent mechanisms of governance and distribution of powers; legal vacuum, social tensions, etc. According to experts, the society is waiting for a new political initiative from the present-day authorities which will be aimed at improving the existing economic situation of rank-and-file people and responding to the demand for social justice. The research carried out in the spring of 2018 is based on the experts' polling, students' questionnaire polling and on participant observation. The novelty of the research consists in the use of information from the original source. The author has used firsthand opinions of the unacknowledged Donetsk People's Republic's residents. It facilitates understanding the situation from within. In the process of the research, the author was guided by the data of public opinion poll centers in the Ukraine, such as Razumkov Center, Donbas Think Tank, Kyiv international institute of Sociology, Sociological Group "RATING" (Rating Group Ukraine), etc.

Keywords: Donbass, security, regional identity, public sentiment, "Russian Spring" 2014, expert opinion poll

DOI: 10.31429/26190567-19-4-180-196

References

- Potseluyev, S. P., Konstantinov, M. S., Lukichev, P. N., Vnukova, L.B. and others. (2016). *Igry na ideologicheskoy periferii. Pravoradikal'nyye ustanovki studencheskoy molodezhi Rostovskoy oblasti* [Games on Ideological Periphery. Radical Right-Wing Guidelines of the Student Youth in Rostov Region]. Rostov-na-Donu: YUNTS RAN.
- Matishov, G. G. (2014). *Ukraina: geostrategicheskyy razvorot (uroki istorii ot El'by 1945 g. do Mius-fronta 2014 g.)* [The Ukraine: Geostrategic U-turn (Lessons of History — from Ekba 1945 to Mius Front 2014)] Rostov-na-Donu: YUNTS RAN.
- Polovyan, A. V., Lepa, R. N. (Eds.) (2018). *Ekonomika Donetskoy Narodnoy Respubliki: sostoyaniye, problemy, puti resheniya* [The Economy of Donetsk People's Republic: Condition, Problems and Ways of Coping] Donetsk: GU "Institut ekonomicheskikh issledovaniy".
- Analitichniy zvit po rezul'tatakh doslidzhennya "Regional'na tolerantnist', ksenofobiya ta prava lyudini v Ukraini u 2012 rotsi". (17 sichnya 2013). Institut prav lyudini i zapobigannya yekstremizmu ta ksenofobii* [Analytical Report on the Results of the Research "Regional Tolerance, Xenophobia and People's Rights in the Ukraine of 2012"]. Retrieved from http://www.ihrpex.org/uk/article/4769/analitichnyj_zvit_po_rezulttah_doslidzhenja_regionalna_tolerantnist_ksenofobija_ta_prava_ljudyny_v_ukrajini_u_2012_rotsii
- Analitichniy zvit za rezul'tatami sotsiologichnogo doslidzhennya: "Osoblivosti svidomosti i identichnosti zhiteliv pidkontrol'noi ta okupovanih teritoriy Donets'koi oblasti"* [Analytical Report on the Results of Sociological Research: "Specific Features of Self-Consciousness and Identity of the People who Live on the Controlled and Occupied Territory in Donetsk Region]. (2018). Retrieved from http://www.ifak.com.ua/upload/imageOsobennosti%20soznaniya%20i%20identichnosti%20podkontrol'nykh%20i%20nepodkontrol'nykh%20Ukraine%20territoriy%20Donetskoy%20oblasti%20_2018.compressed.pdf.
- Apollonov, I. A., Berberyan, A. S. (2018). Problema sub'yektnosti cheloveka v prostranstve sotsiokul'turnykh determinant. Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk [The Problem of Personal Agency Within the Space of Socio-Cultural Dominants]. *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'ny'xkh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 3 (19), 142–147.

- Berberyan, A. S., Naydenov, V. G. (2016). Issledovaniye vzaimosvyazi etnicheskoj identichnosti i tolerantnosti studentov [Study of Relationship Between Ethnic Identity and Tolerance in Students]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye* [Human. Community. Management], 17 (3), 25–34.
- Byshok, S. O., Kochetkov, A. V. (2014). *Yevromaydan imeni Stepana Bandery. Ot demokratii k diktature* [Euromaidan Named after Stepan Bandera. From Democracy to Dictatorship]. Moscow: Knizhnyy mir, FRIGO “Narodnaya diplomatiya”.
- Cherkashin, K. (2017). *Zhiteli Donetska vsyo chashche samoopredelyayutsya kak russskiye. Dinamika etnicheskoj samoidentifikatsii zhiteley Donbassa (2014–2016)* [Donetsk’s Residents More and More Often Rank Themselves as Russians. Dynamics of Self-identification with Reference to Donbass’ Residents]. Retrieved from <https://regnum.ru/news/2240754.html>
- Chi vlastivi ukrainsyam nastroi separatizmu — zagal’nonatsional’ne opituvannya [Are separatist moods characteristic of the Ukrainians? – nationwide public opinion poll] (11 April 2013). *Fond “Demokratichni initsiatiivi imeni Il’ka Kucheriva”* [Ilk Kucheriv Democratic Initiatives Foundation]. Retrieved from <https://dif.org.ua/article/chi-vlastivi-ukrainsyam-nastroi-separatizmu-zagalnonatsionalne-opituvannya>
- Dinamika patriotichnikh nastroiv ukrainsiv. (Serpen’ 2018). Sotsiologichna grupa REYTING [Dynamics of the Ukrainians’ Patriotic Mood (August 2018). Sociological Group “Rating”]. Retrieved from http://ratinggroup.ua/files/ratinggroup/reg_files/rg_patriotizm_082018.pdf
- Dugin, A. G. (2014). *Yevraziyskiy revansh Rossii* [Russia’s Eurasian Retribution]. Moscow: Algoritm.
- Gorbulina, V. P. (Ed.) (2017). *Svitova gibridna viyna: ukrains’kiy front* [Hybrid World War: the Ukrainian front]. Kiiv: NISD.
- Gulevich, O. A. (2017) *Psikhologiya mezhgruppovykh otnosheniy* [Psychology of Intergroup Relations]. Moscow: Yurayt.
- Kagarlitsky, B. (2016). Ukraine and Russia: Two States, One Crisis. *International Critical Thought*, 6 (4), 513–533. DOI: 10.1080/21598282.2016.1242087
- Konstitutsiya Donetskoy Narodnoy Respubliki [The Constitution of Donetsk People’s Republic]. Retrieved from <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/>
- Lapkin, V. V., Pantin, V. I. (2014). Krizis ukrainskoj gosudarstvennosti: politico-pravovoy, tsenostnyy i geoekonomicheskiy aspekty [The Ukrainian Statehood Crisis: Political, Legal, Value Orientation and Geo-Economical Aspects]. *Polis. Politicheskiye issledovaniya* [Polis: Political Studies], 5, 68–89.
- Loshkariyov, I. A., Sushentsov, A. A. (2016). Radicalization of Russians in Ukraine: from ‘accidental’ diaspora to rebel movement. *Southeast European and Black Sea Studies*, 16 (1), 71–90. DOI: 10.1080/14683857.2016.1149349
- Matishov, G. G. (2015). *Istoricheskiye i geopoliticheskiye ugrozy natsional’noy bezopasnosti. Azovo-Prichernomor’ye i Prikaspiy v XXI veke* [Historical and Geopolitical Threats to National Security. Azov-Prichernomorie and the Caspian Sea in the XXI Century]. Rostov-na-Donu: YUNTS RAN.
- Matishov, G. G. (2016). *Opasnyye tendentsii i riski na yuzhnom flange Rossii* [Dangerous Tendencies and Risks on Russia’s Southern Flank]. Rostov-na-Donu: YUNTS RAN.
- Matishov, G. G. (ed.) (2017). Ukraina v istorii Rossii: soyuznik ili geopoliticheskiy satellit? [The Ukraine in the History of Russia: an Ally or a Geopolitical Satellite?] In *Materialy Rasshirenogo zasedaniya Prezidiuma YUNTS RAN* [Materials of the Enlarged Session of the Presidium of YUNTS RAN]. Rostov-na-Donu: YUNTS RAN.
- Matveeva, A. (2016). No Moscow stooges: identity polarization and guerrilla movements in Donbass. *Southeast European and Black Sea Studies*, 16 (1), 25–50. DOI: 10.1080/14683857.2016.1148415
- Onopko, O. V. (2017). *Predstavleniya ob ekstremizme, terrorizme i natsional’noy loyal’nosti v politicheskom soznanii studentov-yuristov i medikov DNR* [Notions about Extremism, Terrorism and National Loyalty in the Political Consciousness of Students of Law and Medical Students in DPR]. Retrieved from <http://goo.gl/W5meSM>

- Onopko, O. V. (2018). Vneshnyaya politika Donetskoy narodnoy respubliki: interesy i ideologiya [Foreign Policy of Donetsk People's Republic: Interests and Ideology]. *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya* [Belgorod State University bulletin: History. Politology], 45 (2), 360–368.
- Robinson, P. (2016). Russia's role in the war in Donbass, and the threat to European security. *European Politics and Society*, 17 (4), 506–521. DOI: 10.1080/23745118.2016.1154229
- Semenenko, I. S. (Ed.) (2017). *Identichnost': Lichnost', obshchestvo, politika*. Entsiklopedicheskoye izdaniye [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic ed.]. Moscow: Ves' mir.
- Shcherbak, I. N., Shishelina, L. N., Tsirenschikov, V. S., Fiodorov, S. M., Sindyeyev, A. A., Maksimych, I.F., Krasikov, A.A., Kargalova, M.V, Kaveshnikov, N. Yu., Danilov, D. A., Bazhan, A. I., Anan'yeva, Ye.V., Mironenko, V. I., Nosov, M. G., Fiodorov, V. P. (2014). Ukrainskiy krizis: ekspertnaya otsenka [The Ukrainian Crisis: Expert Evaluation]. *Sovremennaya Yevropa* [Present-day Europe], 3 (59), 10–34.
- Shelest, H. (2015). After the Ukrainian crisis: Is there a place for Russia? *Southeast European and Black Sea Studies*, 15 (2), 191–201. DOI: 10.1080/14683857.2015.1060019
- Shestopal, Ye. B. (2016). Elity i obshchestvo kak politicheskiye aktory v postsovetskoj Rossii [The Elites and Society as Political Actors in Post-Soviet Russia]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Studies], 5, 35–43.
- Sotsial'nopolitichna situatsiya v Ukraini. Prezentatsiya danikh [Socio-Political Situation in the Ukraine. Data Presentation]. (2018). Retrieved from <http://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=news&id=784>
- Tuchina, O. R. (2017). Natsional'naya identichnost' i istoricheskiy opyt lichnosti: psikhologicheskyy aspekt (na materiale issledovaniya russkoy molodezhi Kubani) [National Identity and Historical Experience of the Person: The Psychological Aspect (on the Material of the Study Young Russian Kuban)]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravleniye* [Human. Community. Management], 18 (1), 30–44.
- Vliyaniye ukrainskogo krizisa na ekstremistskiye dvizheniya v Rossii [Influence of the Ukrainian Crisis upon Extremist Movements in Russia]. (2015). Ekspertnyy doklad. Vypusk II [Expert Report. Issue II]. Moscow: FRIGO "Narodnaya diplomatiya".
- Wilson, A. (2014). *Ukraine crisis: What it means for the west*. New Heaven, CT: Yale University Press.
- Wolff, S., Malyarenko, T. (2015, July 2). The dangerous gamble that could spark full-scale conflict in Ukraine. *The Conversation*. Retrieved from <https://theconversation.com/the-dangerous-gamble-that-could-spark-full-scale-conflict-in-ukraine-44115>
- Wolff, S., Malyarenko, T. (2018, February 20). Ukraine is still on the edge, despite all efforts to stabilize it. *The Conversation*. Retrieved from <https://theconversation.com/ukraine-is-still-on-the-edge-despite-all-efforts-to-stabilise-it-92004>
- Wolff, S., Malyarenko, T. Remember the Cold War? Putin has brought it back. Retrieved from <https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/03/19/remember-the-cold-war-putin-has-brought-it-back/>
- Zakharchenko, A. (2017). "My zaslužhili pravo byt' priznannym gosudarstvom". Ofitsial'nyy sayt Glavy DNR ["We Have Won Our Right to be Recognized as a State"/ Official Site of the Head of DPR]. Retrieved from <http://av-zakharchenko.su/inner-article/Zayavleniya/Aleksandr-Zaharchenko-My-zasluzhili-pravo-byt-priznannym2/>

Received 20.09.2018

Accepted 26.11.2018

For citation: Vnukova L.V. Political and Socio-Economic Challenges in the Context of Public Mood and Identity in the Donbass Region: Based on Expert Survey Data. — *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. No. 4. Pp. 180–196.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 42 тыс. знаков с пробелами (до 1,0 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows. Статьи принимаются через систему электронной редакции на сайте журнала journalsr.kubsu.ru. Просим направляемые статьи дублировать на электронную почту chsu1999@yandex.ru.

Автор предоставляет Редколлегии (издателю) журнала право на использование статьи в научном журнале, а также на включение полнотекстовых вариантов статьи в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) и иные международные базы данных. Право использования журнала в целом в соответствии с п. 7 ст. 1260 ГК РФ принадлежит Издателю журнала и действует бессрочно на территории Российской Федерации и за ее пределами. Авторские права регулируются на основе лицензии Creative Commons 4.0 BY. В качестве согласия автора на публикацию рассматривается загрузка статьи в систему электронной редакции на сайте журнала или отправка статьи на официальный адрес редакции с сопроводительным письмом.

Редакция размещает фамилию, имя, отчество, аффилиацию автора, электронный адрес автора, название, аннотацию, ключевые слова статьи в журнале и на сайте издания. Гонорар за публикации не выплачивается. Полученные статьи не возвращаются.

Авторская справка должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы (полное название организации и ее почтовый адрес), занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес автора. Сведения предоставляются на русском и английском языках.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 200-250 слов, содержащее описание сути научного сообщения (цель, методология, основные выводы исследования, интерпретация его результатов, значение исследования для решения затрагиваемых научных проблем) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). Не допускается наличие в аннотации ссылок, прямых цитат из текста статьи. К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список, а также переведенные на английский язык названия статей и рисунков.

Оформление ссылок. Автору следует оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

При оформлении рукописей следует руководствоваться Правилами оформления библиографических ссылок.

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствие с настоящим стандартом.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК

В тексте

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации). Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — первое цит., затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — первое цит., затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений сообщества) цитируйте только в тексте:

- (Р.А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R.A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

Библиографический список

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках ( ) после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; **для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или**

газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «pp.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабашош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytyi na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarenniy rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора(ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellekt: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A.N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U.D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O.K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О.К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы журнала или книгоиздателя.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменится в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml
- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). Rosyiskyi gendernyi poryadok. Sotsiologicheskiy podkhod [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R.P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877). Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years). [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Helsel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 406-н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

INFORMATION FOR CONTRIBUTORS

Dear Authors, the Journal welcomes your manuscripts (scientific articles, reviews of publications and critical reviews up to 42,000 symbols, i.e. up to 1,0 of the printer's shift). Manuscripts should be submitted in MS Word for Windows format. Manuscripts are accepted via Open Journal at the Journal's site (journalsr.kubsu.ru). Because of the transition period, please send the copy of your materials for 2018 issues of the Journal to chsu1999@yandex.ru.

The Author grants the Editorial Board (the Publisher) the right to publish their article in the Journal and to use the article's full texts in the "Russian Science Citation Index" (РИИЛ), and other international databases. The right to use the materials of the Journal as a whole, in accordance with paragraph 7 of article 1260 of the Civic Code of the Russian Federation, belongs to the Publisher. The copyright is regulated by Creative Commons 4.0 BY license.

The author's consent to publish their article is considered realized as soon as the article is downloaded in the Open Journal System on the Journal's website. The Open Journal System registers the author's initials and surname, as well as their affiliation, the electronic address, the title of the article, the annotation, and key words, both in the Journal and on its site. No royalties are paid. The submitted articles are not returned.

The manuscript should enclose the title of the article in English, the author's transliterated surname, and the References transliterated and translated into English. The author's information should include the following about the author / authors: their initials and surname (in full), their academic rank, the name of the organization where they work and its postal address, their position, telephone numbers, electronic and postal addresses (including postcode), and the information about the financial support of the research and the grants' titles. The information is provided in Russian and in English.

The manuscript should enclose an informative summary of the article (the volume of the summary is between 200-250 words), containing the description of the essence of the research (its aims/goals, methodology, basic conclusions of the research, interpretation of its results, its importance in solving the problems raised in the research), as well as the key words (not more than ten). Footnotes and/or direct citations from the article are not permissible. The resume and the key words are provided in Russian and in English.

The author / authors should refer to the sources from which they borrow citations, statistical data and other information. At the end of the article there is Bibliography (References) in which the cited (or otherwise mentioned) sources are arranged in the alphabetical order and are given a numerical number. It is necessary to mention the place of publication, the publishing house (with the exception of periodicals), and the year of publication. First come Russian sources, then foreign sources.

In preparing the manuscript for publication the author (s) should follow Rules for Preparing a Manuscript for Publication.

The Editorial Board reserves the right to return the manuscript to its author to bring it into line with the existing standard.

Editor's board address: Kuban State University, room 406N, 149, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (3th floor of the university new building, room 406N, open Mon – Fri, 10 am – 5 pm).

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

PROCEDURE FOR RECEIVING AND REVIEWING MANUSCRIPTS

The Journal accepts articles not published earlier either in English or in Russian. The manuscripts are reviewed by the members of the editorial board and editorial council, or by the invited reviewers who are acknowledged specialists in the field of science researched in the article. In case of serious contradictions between the reviewer(s) and well-based doubts of the editorial board on the publication, the manuscript can be submitted for further review.

The reviewers provide recommendations on whether to publish the paper or not. During 30 days the applicant is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to be published, (2) the article is recommended to be published after revision, (3) the article is not recommended to be published.